

Annotation

История о том, что счастье рядом. Они знают друг друга с детства. И даже вполне хорошо и по-дружески относятся друг к другу. Он для нее — смешной, но надежный. Она для него — красивая, но стерва. Она не видит в нем парня, на которого стоит обратить внимание. Он не видит в ней девушку, которая может быть рядом с ним. Все меняет одна ночь. Волшебная новогодняя ночь. Эта история похожа на шар на новогодней елке — такая же круглая, блестящая, где-то даже аляповатая и в то же время — хрупкая. А еще в ней отражается немного искаженная физиономия автора.

* * *

Дарья Волкова

Пролог, в котором Николай Самойлов неосторожно открывается

Глава первая, в которой Любовь Соловьева начинает совершать совершенно неожиданные и удивительные поступки

Глава вторая, в которой неожиданные и удивительные поступки герои совершают уже вдвоем

Глава третья, в которой наступают последствия поступков героев — неотвратимо и неизбежно, как последствиям и положено

Глава четвертая, в которой герои много думают и вспоминают — им есть, о чем подумать и что вспомнить

Глава пятая, в которой Николай Самойлов поступает в несвойственной ему манере, но Любовь Соловьева это не оценивает

Глава шестая, в которой на сцене появляются: пироги с капустой, инструктор по рукопашному бою и еще куча разного. А заканчивается все совсем уж неожиданно

Глава седьмая, посвященная обоюдному сеансу психотерапии и его последствиям

Глава восьмая, в которой будет кино и... нет, не домино

Глава девятая, полная последствий трудовых будней и сказанных сгоряча слов

Глава десятая, в которой говорится о настоящей мужской дружбе и о пользе, которую она приносит

Глава одиннадцатая, в которой содержится история болезни, а так же иные медицинские и физиологические подробности

Глава двенадцатая, в которой обсуждаются непростые вопросы, герои демонстрируют характер, а герой снова удивляет всех, включая автора

Глава тринадцатая, в которой на авансцену выходят, по заказу публики — фигура третья, разлучная, а затем Денис Валентинович Батюшко

Глава четырнадцатая, которая содержит информацию о предметах женского и мужского гардероба и о приметах

Глава пятнадцатая, в которой к героям приходит новый духовный, эмоциональный и иного рода опыт

Глава шестнадцатая, которая является прямой иллюстрацией третьего закона Ньютона

Глава семнадцатая, в которой Николай страдает и работает, а Любовь — работает и страдает

Глава восемнадцатая, в которой Виктор и Надежда осуществляют по одной результативной передаче, а Варвара забивает победный гол

Глава девятнадцатая, в которой Николай делает то, чего от него все так ждут, а история замыкается в круг

Глава двадцатая, в которой герои выют гнездо и учатся жить вместе

Глава двадцать первая, в которой герои, в конце концов, женятся

Эпилог, в котором *голосом Николая Дроздова* мы будем наблюдать, как в гнезде Звероящеров появляется потомство

* * *

Дарья Волкова

Мандаринка на Новый Год

«Думать, что половой акт — самостоятельная функция, в такой же степени необходимая, как сон и еда, по-моему, есть величайшее невежество»

Мохандас Карамчанд «Махатма» Ганди

Пролог, в котором Николай Самойлов неосторожно открывается

В банкетном зале шум, смех, сумятица. Толпа гостей расступается, явив в образовавшейся в центре пустоте фигуру широкоплечего рыжеволосого парня с короткой стрижкой и в темно-сером костюме. В его отнюдь не мелких ладонях изящный букет бледно-розовых и палевых роз кажется совсем крошечным и каким-то даже игрушечным, зато выражение изумления на его лице — совершенно искреннее и настоящее.

— Николай! Ты зачем девчонкам праздник испортил? Какого ляда ты букет поймал? И как ты вообще там очутился?!

— Я не очутился! — парень хмуро оправдывается. — Я в туалет ходил. В зал захожу — а оно мне в голову летит! А у меня рефлекс, между прочим! Я восемь лет вольной борьбой занимался!

— Боюсь, что все эти восемь лет тебе не помогут, — смеется моложавый отец невесты, — когда девчонки за тебя возьмутся. За то, что ты букет перехватил.

— Да нужен он мне! — парень оглядывается. Всовывает букет в руки оказавшейся рядом девушке. — На, Соня, держи! Раз он вам так нужен.

— Я не Соня, я Люба!

— Да какая разница! Букет держи.

Глава первая, в которой Любовь Соловьева начинает совершать совершенно неожиданные и удивительные поступки

— Я вам точно не нужен?

— Николай, исчезай с глаз моих, пока я тебя отпускаю! Смотреть на тебя тошно — того и гляди на месте отключишься.

— Да я еще ничего, нормально...

— Вижу я, как ты «нормально». Веселая у тебя выдалась ночь.

— Ну, по вашим меркам ничего особенного.

— Молод ты еще — свои дежурства моими мерками мерить! Все, марш домой
— отдыхать и к Новому году готовиться.

— Владимир Алексеевич, не надо со мной нянчиться и скидки мне делать только потому, что вы с моим отцом дружите. Я справлюсь. Я в порядке.

— А уж указывать мне, что делать и с кем нянчиться — так это ты два раза молод, ясно? Все, иди домой. Это приказ заведующего, понял меня?

— Так точно, — со вздохом кивает молодой ординатор.

— Отцу мои поздравления с Новым годом, Юлии Юрьевне — сердечный привет.

— Передам.

— Все, с наступающим, Николай Глебович! Увидимся в следующем году.

— И вам всего хорошего, Владимир Алексеевич.

Привычно хмуря брови, Николай Самойлов выходит из кабинета заведующего детским хирургическим отделением.

— Марк, ты меня обманул!

— Ну что ты, Люба, нет, совсем нет!

— Ты сказал, что мы будем встречать Новый год с твоими друзьями!

— Я сказал, что мы будем встречать Новый год в квартире моих друзей, — оправдывается стройный блондин с тонкими чертами лица. Обводит рукой гостиную. — Это и есть их квартира. Я не обманул, дорогая моя, — пытается погладить стоящую рядом с ним девушку по щеке.

— Не передергивай! — она отступает на шаг, негодующая и от того более, чем обычно, красивая. — Я же тебя спрашивала, что за люди, что за компания! И ты мне сказал, что они милые, веселые и интересные люди!

— Так оно и есть. Они веселые и интересные люди, — подтверждает Марк. В его тоне откровенно слышится плохо скрываемое довольство собой.

— Ну и где эти во всех отношениях замечательные люди?!

— Встречают Новый год в Финляндии.

— Марк!!!

— Но что ты так злишься, радость моя, — он привлекает девушку к себе, несмотря на то, что она противится. — Люба... Люба... Любушка моя... — обнимает ее, шепчет на ухо: — Разве это не здорово — встретить Новый год вдвоем? Только я и ты. Я подготовился. В холодильнике шампанское и куча всяких вкусностей. Твой любимый фруктовый салат и взбитые сливки. Я надеюсь, что ты позволишь не только заправить сливками салат, но и слизать их откуда-нибудь... с тебя, — тут его рука накрывает небольшую, но идеальную грудь под тонким черным трикотажем.

— Прекрати! — его слова кажутся ей ужасно пошлыми и вульгарными, она резко убирает его руку, но вырваться совсем из крепких объятий у нее не получается.

— Ну, прости, прости, — примиряюще шепчет он. — Но ты же знаешь — я схожу по тебе с ума. Я не торопил тебя — понимаю, что такая девушка, как ты, заслуживает всего: подарков, долгих ухаживаний. Ты должна узнать меня получше, доверять мне. Но, солнышко... — жарко дышит ей в маленькое изящное ушко, — мы уже столько вместе. Мне кажется, пора... Это очень красиво и символично: начать новый этап наших отношений в новогоднюю ночь. Встретить Новый год в постели вдвоем. Знаешь, говорят — как встретишь год, так его и проведешь.

— Ты отлично сказал о доверии, Марк! — ей все-таки удается высвободиться из его рук. — Скажи мне, как я могу доверять человеку, который обманул меня?!

— Зая, но это же ради нас...

— А меня спросить?

— Неужели ты совсем меня не хочешь, солнышко?

Такой прямой вопрос в лоб, что не отвертишься.

— Я хочу, чтобы мой партнер не обманывал меня! — наконец, находится с ответными словами она. — А ты сказал мне заведомую ложь! Это нечестно, Марк!

— Заинька...

— Я ухожу!

— Любочка, куда ты пойдешь? — он пытается ее перехватить, но она ловко уворачивается. — Без пяти одиннадцать, через час Новый год!

— Перебьюсь как-нибудь! — натягивая короткую темно-коричневую норковую шубку.

— Люба, не дури! Ты никуда не успеешь за час!

— Мои проблемы, — всовывая ноги в сапожки.

— Будешь встречать Новый год на улице?!

— Захвачу с собой главный символ праздника!

— Елку?!?

— Мандарин! — она действительно быстро сует в карман мандаринку из стоящей на комодке вазы. — Пока! Увидимся, когда ты подумаешь над своим поведением и осознаешь, что обманывать дорогую тебе девушку, даже из лучших побуждений — нехорошо!

— Люба!

Но входная дверь уже прощально хлопает, и он остается один. Приваливается к стене. Вот же стерва! Динамит его который месяц. Но как же хороша! Личико, фигура, характер... Темперамент в постели, наверное, бешенный, только ломается долго. Надо придумать что-то другое, чтобы ее туда затащить. Честно говоря, устал уже ждать, но она определенно стоила потраченных усилий. Марк отталкивается от стены.

Надо пойти, открыть одну бутылку шампанского. Поводить старый год и заодно подумать, как же ему все-таки затащить неуступчивую красавицу Любашу Соловьеву в постель.

Все в жизни когда-то случается в первый раз. Например, ты в первый раз оказываешься в последний час уходящего года на улице, в малознакомом районе, без малейших идей, куда идти. А и в самом деле — куда? Дома никого, родители отмечают праздник с друзьями в ресторане. Сестра встречает Новый год дома, с мужем и маленьким сынишкой, да и в любом случае к Наде с Виком Люба до двенадцати не успеет — это на другой конец города. Домой, в пустую квартиру, торопиться и вовсе не хочется. И что делать? Встречать Новый год на улице, как сказал ей Марк? А все он виноват! Интриган чертов! Если бы предупредил хотя бы...

Если рассуждать отстраненно, то Марк прав. Их отношения давно пора переводить в горизонтальную плоскость. Хорошо воспитанный, в меру интеллигентный молодой человек из хорошей семьи, симпатичный, умеет

красиво ухаживать. Собственно, стоит уже осчастливить парня тем, чего он так хочет. Заслужил — как минимум, своим долготерпением. И она себя настраивала на это. Просто вот так вот, с бухты-барахты — нет, так она не может. Для этого нужно же собраться с духом и признаться Марку, что она... она... она в свои двадцать пять лет девственница! Идиотка, другими словами.

Люба шла по мерцающим всеми возможными новогодними оттенками улицам. Светло, как днем, празднично. Удивительно многолюдно. Она даже не думала, что совсем незадолго до Нового года на улице столько людей. Почему они не дома, не сидят за праздничным столом? Вот почему она оказалась в это время на улице, Люба совершенно точно знала. Из-за Марка! Шагая по неизвестной ей улице в совершенно неизвестном, случайно выбранном ногами направлении, она размышляла. Как, пропади все пропадом, она попала в это нелепое положение? Которое, между прочим, с каждым годом все усугублялось. Если сейчас, в двадцать пять, ей неловко признаться парню, что у нее отсутствует сексуальный опыт, то что будет в тридцать? Нет, мысль странная, так далеко загадывать не стоит. И вообще, будет день — будет и пища. Надо жить настоящим.

А, может быть, решить эту проблему радикально? Люба как-то, в приступе ничем не обоснованного мазохизма, произвела розыски в Интернете. Угу, нет ничего невозможного в наше время. Но... «искусственная дефлорация» — это звучало ужасно! Еще ужаснее, чем признаться в том, что ты совсем новичок в делах постельных. Нет уж, лучше все-таки как-то... как-то собраться с духом и решиться. Пока не поздно.

Самое обидное, что виновата в этой абсурдной ситуации оказалась Люба сама. Не было никакой возможности обвинить во всем чрезмерно строгих родителей, пуританское воспитание или психологическую травму детства и юности, как это было модно. Фиг вам, что называется. Нет, и родители у нее вполне нормальные, не ханжи, и на тему сексуального воспитания с ней и сестрами мама говорила. И не только мама, к слову сказать, но и их друг семьи и хороший женский доктор тетя Даша Тихомирова. Уж после ее лекций вопросов точно не оставалось. Только вот теория у Любы кардинально разошлась с практикой. Причем, из трех сестер — только у нее одной. Собственно, если уж говорить совсем откровенно, именно тот факт, что их трое, и лежал, наверное, в основе ее теперешнего дурацкого положения.

Люба хмурится, плотнее кутая лицо в широкий ворот шубки. Попа и бедра начинают подмерзать в узких кожаных штанишках со щегольским золотистым напылением, но она упрямо продолжает идти куда-то, думая о своем.

Она обожала сестер. Представить не могла, что можно жить как-то иначе — когда твое правое и левое плечо не прикрывает по личному ангелу-хранителю. Ну, или по бесу-пакостнику — это по версии папы. В любом случае, то, что их трое — это было одной из основ ее личной вселенной. Это с одной стороны. А с другой... Ужасно хотелось быть единственной. Хоть для кого-то. Не было ни малейших сомнений в том, что она бесконечно любима родителями. Но — она одна из трех обожаемых дочурок. Одна из трех. Она для всех была — одна из трех сестер-близнецов Соловьевых. И Надю с Соней это, похоже, совсем не беспокоило. А вот у самой Любы вызывало неконтролируемое желание чем-то отличаться от сестер. Быть непохожей. Другой, не такой. Хоть в чем-то, а лучше — во всем. В том числе и... В общем, сейчас она пожинала плоды этого детского желания быть не такой, как сестры. Пока Надя и Софья постигали премудрости науки любви плотской, Люба гордо задирала нос и утверждала, что достойных кандидатур нет. Потом вошла в роль. А потом стало просто стыдно признаваться. По современным вольным меркам она была уже старой девой, иначе не скажешь. Когда она представляла себе диалог с потенциальным... избранником, она даже не могла вообразить, как она это скажет, какими словами. Зато отчетливо представляла, что увидит на лице того, кому выпадет «честь». Жалость, недоумение. Смех, может быть. Тут Люба поморщилась своим мыслям. Именно из-за страха увидеть все это, в первую очередь — насмешку над собой, она изображала пресыщенность и отсутствие интереса. А на самом деле она просто лузер. Секс-лох. Смешно, если кому рассказать. Но она с кем попало этим секретом делиться не собирается, а вот ей самой на эту тему смеяться давно уже не хочется. Ведь не рассосется само собой. Надо что-то с этим делать. Надо. Но сегодня она в очередной раз струсила.

— Девушка, а пойдемте с нами Новый год встречать! — нетрезвый голос вывел ее из состояния задумчивости. Люба усмехнулась. Отшивать на «раз», не теряя собственного достоинства и не оскорбляя — этим навыком все сестры Соловьевы владели в совершенстве.

— Простите, спешу к любимому, — она улыбнулась и действительно прибавила шаг.

— Эх, повезло кому-то! — крикнули ей вслед. Угу, повезло. Знать бы еще, кому.

Налетает порыв ветра, и она зябко ежится. Взгляд на часы — половина двенадцатого. Улицы опустели, все разбежались по домам, в тепло, к елкам, салату и шампанскому. А она тут. Внезапно защипало к глазам и носу. Жалко себя стало просто до слез. Тут же всплыла в памяти Андерсеновская «Девочка со спичками». Как так вышло, что она — Люба Соловьева, дочь любящих родителей, обладательница двух души в ней не чаявших сестер и кучи друзей и знакомых самых разных мастей, умница, красавица и прочая, оказалась в самый канун Нового года на улице, черт знает где?! А где она, кстати? Люба оглянулась по сторонам. Странно знакомый перекресток... Напрягла память и зрение, выискивая еще детали в окружающих домах. Точно! Где-то здесь недалеко живут Самойловы!

Милая и интеллигентная тетя Юля, уютный и невозмутимый дядя Глеб, «Рыжий орк» Варька, с которой всегда можно посмеяться, и «Звероящер» Колька, с которым просто спокойно и надежно. И тут же ей смертельно захотелось в тепло и уют квартиры Самойловых. Вспомнить бы еще, куда идти!

Еще двадцать минут стремительно уходящего года были потрачены на поиски нужного дома. Попытки дозвониться до Вари или Ника и уточнить адрес не увенчались успехом. Сеть занята, новогодняя ночь вступила в свои права. В конце концов, она нашла дом Самойловых. Но у подъезда ее поставил в тупик домофон. Помнит этаж. Помнит расположение квартиры, но какой номер?! Тут, видимо, судьба решила ее пожалеть, и дверь сама распахнулась перед уже порядком подмерзшей Любой. Навстречу вывалился явно успевший начать отмечать гражданин.

— Ой, какая снегурка-а-а...

— И вас с наступающим! — пискнула Люба и протиснулась в подъезд. Лифт ждать не стала, что там, четвертый этаж, дел-то. И по лестнице дробно застучали ее каблук.

У двери квартиры Самойловых перевела дух, посмотрела на часы на запястье. Без десяти. Отлично, она укладывается. Давя на кнопку звонка, Люба ощущала практически спортивный азарт. Она успела. Успела!

Спустя полминуты от этой уверенности не осталось и следа. Никто не торопился открывать ей дверь. А с чего она, собственно, решила, что Самойловы встречают Новый год дома? Вот в квартире Соловьевых, например, сейчас темно и пусто. И у Самойловых, похоже, та же самая ситуация.

Люба устало привалилась к стене рядом с дверью. Перспективу встретить Новый год на улице сменил вполне реальный шанс сделать то же самое в подъезде. Здесь, конечно, теплее, но в целом... Загремел замок, Люба обернулась к двери. Та распахнулась. За порогом стоял звероящер Колька собственной персоной. Звероящер хмуро и недоуменно разглядывал ее, растирая ладонью грудь. Одет он был в изрядно помятые пижамные штаны в красно-белую клетку, рыжую щетину и темно-розовое пятно на плече.

— Привет.

— Привет, — невнятно промычал Ник, маскируя своей здоровенной лапицей богатырский зевок.

— Войти можно?

— Угу, — еще один зевок на грани риска вывиха челюсти. Отступает назад. — Заходи, Люб.

Она шагает через порог, закрывая за собой дверь.

— А с чего ты решил, что я Люба? — фраза, в общем-то, дежурная для их троицы.

— Методом дедукции вычислил.

— А ну-ка? — Коля у них троих всегда вызывал желание подколоть, и сейчас она тоже не смогла удержаться.

— Ну, Соня, насколько я в курсе, в Париже, а поскольку рядом нет Витьки, то ты и не Надя. Значит, ты Люба.

— Просто Шерлок Холмс и доктор Ватсон в одном лице! — фыркает Люба. Станный разговор у них начался все-таки. А время идет, взгляд на настенные часы у Ника за спиной. Семь минут до Нового года. — А что, Витя с Надей, например, поссориться не могут?

— Могут. Они это и делают, по-моему, с завидной регулярностью. Но как бы они ни ругались, Витька свою ненаглядную на ночь глядя из дому не выпустит. Слушай, — Николай, похоже, окончательно собирается с мыслями, — а ты чего пришла-то?

Прямой вопрос. Ответа нет. Лучший способ защиты — это нападение.

— А ты что, спал, что ли?

— Угу, — словно в подтверждение своих слов он разводит руки в стороны, а потом поднимает верх и сладко, совершенно по-кошачьи потягивается. — Спал. Хорошо так спал. Пока меня не разбудили.

Она его почти не слышит. Гадает — свалятся или нет сползшие совсем до границы приличия от потягивающих движений штаны. И почему-то вдруг вылезают на первый план детали. На которые ей раньше бы и в голову не пришло обращать внимание. Например, что у него абсолютно гладко выбритые

подмышки. И грудь у него тоже гладкая, но это все же, наверное, от природы, а не от бритвы. А еще — что фигура у него просто отличная. На ее вкус, его, конечно, многовато, но многовато соразмерно. Все, как надо — плечи, руки и даже пресс. На котором, кстати, как раз растительность есть — в виде тонкой полоски темно-рыжих волос. Нет, это все-таки неприлично — так разглядывать парня, тем более того, которого ты знаешь, как облупленного. Или все же не знаешь?...

— Люб, ты мне так и не ответила — ты зачем пришла? Ты к Варьке? Так ее дома нет, гулеванит где-то, родители тоже в гостях. Я один. Мои завтра в лучшем случае к обеду дома появятся.

— Нет, не к Варе. К тебе, — она сама удивлена своими словами. Само собой вырывалось почему-то.

— Да? — рыжие брови взлетают вверх. — А... зачем?

— Считаю меня предвестником праздника и посланцем Деда Мороза! — она горделиво вздергивает подбородок. — А то ты, как я вижу, собрался Новый год проспать.

— Чего я там не видел? — усмехается Ник. — А я устал, как собака. С дежурства.

— Непорядок, Коля! Так нельзя. Смотри, — указывает ему за спину, — через пять минут Новый год, а ты небрит и в одних штанах.

Он поворачивает голову. Какая же у него шея мощная. И неожиданно красивый профиль.

— И правда, — потирает рукой шею. Бицепс внушительный, однако. — Скоро уже. И чего делать будем?

— Встречать! — безапелляционно отвечает Люба. Наконец-то сбрасывает капюшон с головы и перчатки с рук. Засовывает перчатки в карманы шубки, пальцы нащупывают что-то гладкое и круглое. Трофейная мандаринка.

— Ого... — подает голос Ник. — А это что?

— Что — «что»?

— Нууу... — он делает какой-то неопределенный жест пальцами вокруг своей головы. — Что у тебя... с прической?

— Не нравится? — она добавляет во взгляд и интонацию надменности. — А мне говорили, что мне идет эта стрижка.

— Ну так-то да, — Колька нисколько не обескуражен ее недовольством. — Симпатично. Но все равно — стрижка какая-то... как у мальчишки. Совсем коротко.

Ну да. Очередная попытка быть «не как сестры». Отца чуть инфаркт не хватил, когда она явилась домой с этой ультракороткой хулиганской стрижкой. «Необычно и стильно» — вынесла вердикт мама. А папа еще целый месяц ворчал и дулся на нее. «Как можно было такую красоту состричь!». Да элементарно. Зато теперь ее с сестрами не спутаешь.

— Кто бы говорил, — парирует Люба. — По сравнению с твоими двумя сантиметрами у меня локоны!

— Это точно, — усмехается он, проводя рукой ото лба к затылку по рыжему «ежику». Странная у него улыбка. Мягкая и какая-то... словно за ней прячется что-то, какой-то второй смысл. Вот же чушь в голову лезет.

— С наступающим, Самойлов, — она протягивает ему раскрытую ладонь с ярко-оранжевым кругляшом. Ник какое-то время смотрит, наклонив голову — сначала на мандарин в ее ладони, потом на нее.

— Спасибо, — забирает цитрус. — Ну и это... Раз уж пришла. Раздевайся, что ли.

Виной всему Марк и то, какое направление приняли ее мысли благодаря нему в течение последнего часа. Но на слово «раздевайся» в исполнении Коли Самойлова у нее мелькнула совершенно неприличная ассоциация. Никак не связанная с прихожей, шубой и не до конца проснувшимся другом детства напротив. И такая ассоциация ее просто взбесила. Люба тут же решила сорвать злость на отвратительно невозмутимом звероящере.

— Между прочим, воспитанный человек помог бы даме разоблачиться! — ни дать, ни взять — выпускница пансиона благородных девиц в ней заговорила. И откуда взялась, спрашивается? Вот и Ник удивился.

— А где ты тут воспитанных увидела? — Колька огляделся по сторонам с намерением пристроить мандаринку, а потом, недолго думая, сунул ее себе в рот, зажал зубами. Выглядел при этом... Ну, а какой спрос со звероящера? Изобразил рукой круговое движение, Люба поняла его пантомиму и повернулась спиной. Он всего-то снял с нее шубу, а от нечаянного прикосновения теплых пальцев к шее волна дрожи вдруг прокатилась от затылка до самого... до попы, если прямыми словами.

— Разуваться воспитанные люди тоже должны дамам помогать? — судя по вопросу, Самойлов вытащил мандаринку изо рта.

— Дама сама справится, — буркнула Люба, нагибаясь. А когда снова приняла вертикальное положение...

Все когда-то случается в первый раз в жизни. Например, ты в первый раз в жизни стоишь и смотришь... нет, даже не смотришь — любишься, как парень, которого ты в детстве лупила совком по голове, стоит и чистит мандарин. Оранжевый шарик, который занимал всю ее ладонь, в его руках кажется совсем крошечным. Пальцы у него длинные, и он очень ловко ими раздевает мандаринку. Раздевает? Раздевает?! Да что она на этом «раздевайся» заиклилась?! Ник между тем пристроил кожуру на тумбочку, развалил очищенный фрукт напополам и одну половинку целиком засунул себе в рот, после чего сразу стал похож на здорового хомяка. Или на страдающего флюсом звероящера. Еще один взгляд ему за спину. Три минуты до Нового года.

— Хочешь? — нет, на самом деле он издал совершенно нераспознаваемую последовательность звуков, но она догадалась о смысле по протянутой ей второй половинке.

— Самойлов, тебя в детстве не учили, что нельзя разговаривать с набитым ртом?

Он отрицательно помотал головой и принялся энергично жевать. Дернулся кадык, когда он сглотнул. Все-таки шея у него мощная — наверное, с ее бедро толщиной. Из уголка рта выбежало немного оранжевого сока, он его совершенно по-детски слизнул, параллельно разделявая оставшуюся часть мандаринки на дольки. Люба резко отвернулась, расправляя складки на висящей шубе. Что за хрень с ней происходит, кто ей объяснит?!

Она обернулась. Ник методично добивал цитрус и смотрел на нее... как-то странно? Или ей уже все мерещится? Она снова взглянула на часы за его

спиной. Тонкая стрелка отсчитывала последние секунды уходящего года. Двадцать... девятнадцать... восемнадцать...

Она перевела взгляд на Ника. Он смотрел на нее. У него ярко-голубые глаза, особенно яркие на фоне рыжих ресниц. Губы блестят от мандаринового сока. Кожа на огромных плечах, наверное, гладкая и теплая, а волосы на голове, наоборот, кажутся жесткими. Десять... девять... восемь... На последних секундах уходящего года она сделала шаг, потом еще один. Закинула руки ему на шею, притянула к себе. Приподнялась на носочки и поцеловала в сладкий, пахнущий мандаринами рот.

Глава вторая, в которой неожиданные и удивительные поступки герои совершают уже вдвоем

Поначалу он, конечно, офигел. Но, к чести Коли Самойлова надо отметить, что пребывал в состоянии растерянности он недолго — инстинкты звероящера дали себя знать. Еще до того, как Люба успела опомниться, спохватиться или хотя бы задать себе вопрос: «Какого черта она делает?», его руки пришли в движение. Одна легла на ее поясницу, другая на затылок. Он прижал ее к себе, и незаданный хотя бы мысленно вопрос так и остался в глубине ее сознания, там же, где пребывали сейчас и здравый смысл, и прочие рациональные составляющие личности.

Несмотря на отсутствие реального сексуального опыта, в части поцелуев Люба считала себя вполне подготовленной. Более того, полагала, что она это умеет делать весьма неплохо. Оказалось, что и Ник в этом вопросе далеко не лох. Правда, подходы у них были разные. Она любила это делать медленно и нежно, он же был напорист и настойчив. Но ей это даже нравилось. Нравилось тяжелое дыхание и жадные губы, твердая рука на спине и пальцы, гладящие шею. И его мандариновый вкус. И...

Оглушительно бабахнул первый фейерверк. Они отпрянули друг от друга.

— Господи, почему так громко? — растерянно прошептала она.

— Балкон открыт, — у него хриплый голос и тоже совершенно растерянный вид. И губы припухшие. И он снова тянется к ней, но ей хватило времени, что прийти в себя. Слегка отстранилась.

— С Новым годом, Ник! — голос ее преувеличенно бодр. — В вашем доме есть шампанское? Надо же отметить!

— Есть, наверное, — после паузы кивает он. — Я посмотрю. Ты проходи в гостиную. Я сейчас.

В гостиной она устроилась на диване, вцепилась в пульт от телевизора как утопающий за спасательный круг. Плазма на противоположной стене зашумела новогодней мишурой и фальшивыми поздравлениями под аккомпанемент фейерверков за окном. Так, возвращаемся в реальный мир, Любовь Станиславовна, возвращаемся. Что натворила?! Чем думала?! У нее четкое ощущение, что это все было не с ней. Не она это только что взасос целовалось с Колькой Самойловым в прихожей. Нет, это не она. Она же не могла? Вот так, сама, первая? Да еще и с ним! Зачем, почему? Будто в последний час уже ушедшего года она прожила не свою жизнь, а чью-то чужую. Будто не жила в реальной жизни, а играла в «Sims». Персонажем по имени Люба Соловьева. Бред. Бред. Бред!

А вот и ее товарищ по бреду появился. В одной руке Ник держал действительно бутылку шампанского, между пальцами другой ловко умещались два бокала. А еще он оделся, и это ее непоследовательно немного расстроило. Однако, увидев надпись на футболке, Люба махом забыла, что хотела сказать до этого.

— Чего ты так на меня смотришь? — Ник поставил бутылку и бокалы на журнальный столик перед диваном.

— Восхищаюсь надписью на майке и твоей скромностью, — усмехнулась Люба.

— А? Что? — он опустил голову и скосил взгляд. Чертыхнулся. — Да схватил первое, что у кровати валялось. Это мне Рыжий Варвар на Новый год подарила. А ты ж в курсе, какое у нее чувство юмора... специфическое.

На голубой футболке красовалось: «Секс-инструктор. Первые три занятия — бесплатно!».

— Маечка скорее в стиле Вектора. Он же любит футболки со всякими идиотскими надписями.

— Это да, — согласно кивает Ник. — Только, боюсь, сейчас ему за такую майку что-нибудь оторвут.

— Наверное, — с улыбкой соглашается Люба.

— Ладно, я сейчас еще еды какой-нибудь принесу. И будем отмечать.

— Узнаю брата Колю! Как же ты мог о еде забыть?

— О еде забыть невозможно.

В итоге, тарелками с разнообразными закусками он заполнил весь столик, в два этажа. Уверенно и ловко открыл бутылку, как положено, с хлопком и дымком, но без преждевременного излияния.

— Ну, с Новым годом?

— С Новым!

Звякнул хрусталь высоких узких бокалов. Люба едва пригубила, но качество напитка оценила. Ник выпил залпом, поморщившись так, будто это водка.

— Коля, кто так пьет шампанское?

— Как лекарство. Не люблю его.

— А что любишь?

— Пиво, — слегка недоуменно пожав плечами.

— И почему я не удивлена?

— Слушай, Люб. А скажи мне...

— Ой, а с чем это тарталетки? — она мгновенно поняла, о чем он собирается говорить. Нет, это табу, об этом нельзя! Она просто не знает, что ему сказать в ответ.

— Не знаю. С рыбой, кажется, — он отвечает слегка раздраженно. — Я так и не понял, что...

— Ммм, как вкусно! — она впивается зубами в тарталетку. Действительно, с рыбой, и действительно вкусно. Но главное — отвлечь Ника от вопросов. Ну же, Коля, соображай шустрее! Пойми, что эта тема не обсуждается.

— Кто б говорил, — Николай откровенно хмур теперь. — У тебя отец готовит — пальчики оближешь. Мать у него постоянно рецепты выпрашивает.

— У тети Юли тоже вкусно получается! Попробуй!

— Попробую. А все-таки что...

— Смотри, какой Галкин смешной!

— Он всегда такой. Я спросить хочу...

— Коль, налей мне шампанского!

Он тяжело вздохнул, но, кажется, смирился. Налил ей полной бокал шампанского, плеснув себе чисто символически, и принялся за закуски.

Так прошло примерно полчаса. Люба методично уничтожала шампанское, Ник — закуски. Они перебрасывались какими-то репликами, комментируя происходящее на экране телевизора и обмениваясь новостями. Шампанское притупило ее бдительность. И подлый и коварный звероящер этим не преминул воспользоваться!

— Люб, так что это было, там, в прихожей?

Вот же упрямое животное! Настырный как незнамо кто! Три бокала игристого заставили ее забыть об осторожности и дипломатии. Она не собирается оправдываться!

— Что-что... А так непонятно?

— Да так-то вроде понятно, — Ник смотрел на нее, наклонив голову набок. Пристально так смотрел. — Но что-то я до конца не уверен, что правильно оцениваю ситуацию.

— Ну, ты и зануда! — она демонстративно закатила взгляд к потолку. — Коля, это называется по-це-луй! Знаешь, что это такое? Я захотела тебя поцеловать — и поцеловала! Что тут непонятного?

— Да нет, все понятно, вроде бы, — у него совершенно непроницаемое выражение лица. — Захотела поцеловать — поцеловала. Это даже я в состоянии понять. И, пожалуй... я сделаю так же.

— Эй! погоди! Ты не так все...

Это были последние слова, которые она успела произнести до того, как он вжал ее в спинку дивана и поцеловал.

Самообман, которым она себя недавно успокаивала — что это не она там с ним в прихожей целовалась, что это было помутнение, в прошлом году и, вообще, не считается — этот самообман мгновенно рассеялся. Стоило ему раздвинуть ее губы языком. Нет, это она была тогда. И сейчас она. Она, Люба Соловьева, целуется с Колькой Самойловым. И ей это — да кто бы мог подумать! — нравится!

Пожарная сирена завывала в голове, когда он накрыл своей ладонью ее грудь и тут же легонько сжал. Это было ужасно приятно. И еще более ужасно неправильно.

— Ник... — она уперлась ладошкой ему в плечо.

— Да? — он оторвался от исследования языком крайне чувствительного места на ее шее. — Что такое, Любаш?

Ой, а дышит-то он как тяжело... Давай, скажи ему, что ты не такая. И ждешь тут трамвая, ага. В его квартире, на его диване, под ним, практически. Включай задний ход, пока не поздно! Только вот отталкивать Ника не хотелось. Просто стало снова... страшно. С одной стороны. А с другой — может быть, это и есть тот самый шанс? Колька надежный, как стена, и ей с ним комфортно. Вот ему она доверяет. Марку — не доверяет, а Нику — да. Почему-то. Хотя, разумеется, никогда не думала о нем, как о возможном сексуальном партнере. Но все когда-то случается в жизни в первый раз, не так ли?

— Ты торопишься, Коля.

— Тороплюсь? — дыхание у него по-прежнему как у марафонца на финише.

— Совершенно определенно торопишься.

— Хорошо. Я понял, — он помолчал немного, уравнил дыхание. — Не будем торопиться. — Рука его опустилась обратно вниз и целомудренно легла на талию. — Будем делать это медленно... — Снова наклонился к ее шее. И хмыкнул ей туда совершенно не к месту: — и печально.

Люба в ответ хихикнула. А потом смеяться резко расхотелось. Потом расхотелось делать это «медленно и печально». А захотелось обратно его руку себе на грудь. И желательно сразу под джемпером. И вообще, хорошо бы, если б он ее потрогал еще где-нибудь! Но Ник был методичен и верен своему слову. Он ее только целовал — «медленно и печально», мать его! Целовал так, что ей стало казаться, что на ней скоро начнет плавиться одежда. В кожаных штанишках стало просто невозможно жарко. И она целовала его в ответ. И ужасно хотелось самой потрогать кожу на этих огромных плечах. Но почему-то не решалась влезть к нему под одежду. Ну, он же сам должен первый, в конце-то концов! Кто из них мужик?!

Люба не выдержала и выгнулась, прижимаясь к нему. Его имя пополам со стоном вырвалось совершенно произвольно.

— Ник!..

— Что такое? — он лишь слегка отстранился, и вопрос прозвучал почти ей в губы. — Я снова тороплюсь?

На такое возмутительное заявление у нее не нашлось достойного ответа, и она просто цапнула его за припухшую нижнюю губу. Ник зашипел — от неожиданности и боли.

— Ты что творишь?!

— Это ты что творишь?! — так, ей уже на все плевать! Она схватила его ладонь и водворила туда, где ей и надлежало быть. Да мало ли, что она там говорила недавно! Это не считается! — Ты этим своим «медленно и печально» решил до инфаркта меня довести?!

— Ну, и ничего страшного. Потому что... — она чувствует, что он улыбается. А еще чувствует, как его пальцы наконец-то начинают гладить ее сквозь тонкий трикотаж, и неосознанно выгибается навстречу его руке. Он прерывисто выдыхает, но фразу упрямо заканчивает: — у меня по реанимации пятерка была.

— Да? — даже удивительно, что она может еще разговаривать, двигать языком, когда все нервные окончания сосредоточены там, под его пальцами.

— Угу. Дыхание рот в рот, непрямой и прямой массаж сердца, прекардиальный удар...

— Сделай уже мне массаж сердца! — вцепившись ему в короткие волосы на затылке.

— Все показания к этому есть, — он запускает вторую ладонь ей под джемпер. Она выгибается еще сильнее.

— Заткнись и целуй!

Он хотел было еще повыпендриваться и поумничать, но тут уже она засунула руки ему под футболку, и он заткнулся на вдохе и поцеловал, как его и просили.

— Так, пора менять диспозицию, — она не имела ни малейшего представления, сколько прошло времени. Оно не отсчитывалось секундами и минутами, оно измерялось жадными поцелуями, торопливыми руками под одеждой, выгнутыми в попытке прижаться плотнее друг к другу телами.

Ник отстранился от нее, пара быстрых движений, и вот она уже верхом на его коленях. Но этим он не ограничился, подхватил ее под попу и без малейших усилий встал. Она же совершенно неосознанно обхватила его ногами за талию. «Как мартышка на пальме» — мелькнула в голове идиотская мысль.

— Куда мы идем?

— Иду только я. В свою комнату. А ты держись крепче, — у него тяжелое дыхание, но явно не от того, что ему трудно нести ее вот так. Нет, он двигается совершенно без какого-либо напряжения. Все-таки есть прок в том, что Колька такой здоровенный — идет с взрослой девушкой на нем без малейших усилий. А дышит он так, наверное, с самого начала года — благодаря Любе. Она усмехнулась своим мыслям. И это было последним, о чем она успела подумать, прежде чем ее опустили на кровать и принялись за нее всерьез.

Второй раз пожарная сирена завывала, когда на ней из одежды остались только золотые сережки в ушах. Правда, скромняга Ник пока не удосужился снять с себя штаны, но за этим дело не станет, как только... Надо же сказать, пока еще не поздно! Ну, нельзя же промолчать?! Он должен знать. Наверное, должен знать заранее. До. Скажи ему, Люба, черт побери, скажи ему! Но как же трудно...

— Ник... — они лежат тесно, близко, пальцы Ника что-то чертят на ее бедре, в опасной близости от того места, где его ждет... хм... сюрприз. Надо сказать. Надо!

— Что? — его голос прозвучал так, что ее и без того невеликая решимость едва не растаяла. Оказывается, как офигенно звучит голос мужчины в такие моменты — низко и волнующе. И сколько в одном коротком маленьком слове — чего? Желания? Страсти?

— Я хочу сказать тебе кое-что! — на остатках смелости.

— Говори, — пальцы его переместились Любе на попу, только вот ей это лучше соображать никак не помогло!

— Я... я... — нет, она просто не в состоянии выговорить это! «Я — девственница»? Ужасно звучит! «Я — невинна»? Еще хуже. «Я — девушка»? Ни хрена не информативно!

— Что случилось, Люб? Что ты хотела сказать?

И она хватается за мелькнувшую вдруг в голове формулировку:

— Ты будешь у меня первым! — выпаливает на одном дыхании.

Пальцы Ника замерли.

— Что?

— Ты слышал! — самое страшное сказано, но отчего-то не легче.

— То есть, ты никогда не... Ни с кем не... И сейчас вот... в первый раз?...

— Да! — она рывкнула громко, не сдержавшись. Стыдно ужасно.

— Угу... — после этого многозначительного замечания он замолчал. Молчал так долго, что Люба поняла — все, надо вставать, одеваться и уходить. И устраивать свою жизнь так, чтобы никогда больше не видеть Ника Самойлова! И тут он снова заговорил: — Ты хочешь, чтобы я... остановился?

Отлично! Ему нужен повод сбежать! Оказывается, бывает еще стыднее и унижительнее. Ну уж дудки, она пойдет до конца, раз уж так влипла!

— Нет. Я хочу, чтобы ты знал.

Он еще раз угукнул. А потом пальцы его снова пришли в движение, да так неожиданно, что она вздрогнула.

— Слушай, — Ник вздохнул. — Раз уж у нас сегодня вечер откровений, то я тоже кое в чем признаюсь.

Она ужасно перенервничала. Именно это, а так же, наверное, три бокала шампанского, стали причиной тому, что ее понесло. И остановиться она смогла далеко не сразу.

— В чем признаться? Ты что — тоже... девственник?!

От неожиданности Ник натурально хрюкнул, а потом и вовсе рассмеялся. Правда, быстро справился с собой.

— Это было бы... гхм... сильное переживание, думаю. Незабываемое. Для нас... обоих. Нет, — еще раз коротко хохотнул, — жаль тебя разочаровывать, но это не так.

— Что тогда?! Что?! О, Господи, не может быть! Ты... ты гей?!

— Очень смешно, — Ник обиженно засопел.

— Что еще может быть?! Коля, прекрати меня пугать! Ты импотент?!

— Ага, — хмыкнул он. — Протяни руку и убедись в степени моей «импотенции». — Люба, однако, не рискнула воспользоваться этим щедрым предложением. — Ну, у тебя еще есть версии?

— Миллион. Но давай ты уже сам скажешь.

— Хорошо, — Ник вздохнул. — Дело в том, что я... слегка негабаритен... в области... хм... гениталий.

— Что? В какой области? — потом до нее доходит. — Господи, Самойлов, ты всегда так вычурно выражаешься в постели?!

— Я старался быть воспитанным человеком в присутствии дамы!

— Перестарался! Так, погоди. Что это значит? Что значит — негабаритен? Квадратный, что ли?!

— Нет, блин! Треугольный! — похоже, она его все-таки достала. — Я о размере говорил!

— Подожди, дай сообразить. Это что, получается... У тебя маленький... член? Ой, Коль, да не переживай ты так! Для меня это скорее плюс, чем минус.

— Люба, — он еще раз вздохнул. — Я в обратном смысле негабаритен. Крупно... габаритен.

— Ооо... — это у нее вырвалось совершенно произвольно. Она помолчала немного, осмысливая услышанное. — Слушай, а, может быть, ты себе льстишь, а?

— Нет, — спокойно, — не льщу. И не горжусь. Просто это... вот так. Я, — он выдал еще один вздох, — я, наверное, не самый комфортный партнер... для первого раза.

Ну почему же все так сложно! Еще сложнее, чем она себе представляла!

— Ты хочешь, чтобы я отказалась?

— Нет. Я хочу, чтобы ты знала.

Люба не знает, что сказать. Острое и абсолютно детское желание просто обидеться. На всех. Ей стыдно, неловко, и собственная нагота сейчас становится такой унижительной. А Ник вдруг придвигается чуть ближе, пальцы его сжимаются.

— Похоже, ты не собираешься отказываться, — негромко ей на ухо. — И я этому только рад...

А потом он ее снова поцеловал. Она думала, что после этого их во многих отношениях странного и непростого диалога ей будет уже не до продолжения. Она просто не сможет, каким бы непоследовательным это ни казалось. Но оказалось достаточным всего лишь поцелуя, его теплого дыхания, твердых пальцев, сжавших попку, и то, что тлело, загорелось вновь — ярко, горячо. Она вжалась в него, закинула ногу на его бедро. Какого черта он еще одет?

— Самойлов, снимай штаны!

— Ну и кто из нас торопится?

— Снимай, я кому сказала! А то я решу, что ты врал и хвастался!

Он усмехнулся, но приказание выполнил. И они перешли к основному действию.

— Ооох... — только так можно было отреагировать на первое проникновение. На это новое ощущение чего-то внутри тебя. Теплого, живого и чужеродного. Слова ей всегда давались легко, но сейчас она не сразу смогла достойно отреагировать. — Не такой уж ты и большой, зря пугал. Вполне терпимо.

— Молодец, — немного сдавленно прокомментировал Ник. — Хорошо держишься. А вот так?

— Ооох... — все-таки непросто быть оригинальной в такой ситуации.

— Нет, это пока не «ооох». Настоящий «ооох» будет позже. Это пока два пальца. Как ты?

Дышать почему-то трудно. И очень... очень непривычно там. Не больно, но тянет. Растягивает. Но она была бы не она, если бы не пыталась держать марку до конца.

— Коля, прекрати вести себя как на работе!

— Я детский хирург, — хмыкает он. — Чудные у тебя представления о работе детских хирургов. Не соответствующие действительности, я бы сказал.

— Ты понял, о чем я! — довольно странно пререкаться с человеком, чьи два пальца находятся внутри твоего тела. И тебе это и приятно, и неприятно одновременно. — Перестань интересоваться моим самочувствием и просто... Оооох!..

— Это три пальца.

Ее вдруг охватывает непонятное нетерпение, под которым прячется страх. И хочется, чтобы уже скорее это все случилось и закончилось!

— Ник, может быть, хватит уже упражняться в искусстве устного счета на пальцах?!

— Ты думаешь, мне легко? — хрипит он.

— Просто трахни меня!

Его пальцы замирают, перестав двигаться там, внутри. Он шумно выдыхает.

— Воспитанный человек не может отказать даме в такой просьбе.

И вот он уже сверху. Сейчас все и случится.

Глава третья, в которой наступают последствия поступков героев — неотвратимо и неизбежно, как последствиям и положено

Сначала стало больно. Потом — очень больно. Потом пресеклось дыхание, и она смогла только упереться ему ладонью в грудь. И лишь после выдохнуть — мучительно, через силу:

— Стой!

Он остановился. В тишине комнаты его дыхание было оглушающим. Словно в такт пульсирующей внутри боли. Черт подери, почему так больно?!

Вспомнились слова тети Даши о том, что неприятные ощущения во время дефлорации, как правило, связаны с тем, что партнерша не готова и нет достаточной смазки. Не ее случай, явно — как бы Люба не была неопытна, она понимала: физиологически она более чем готова к тому, что должно произойти, она это просто чувствовала. Так какого же ей так хреново?!

Ник шевельнулся.

— Нет, пожалуйста! Не двигайся! — он даже сквозь туман вожделения услышал панику в ее голосе. — Подожди. Дай мне... привыкнуть.

Ник вздохнул. Очень тяжело вздохнул. Но замер на какое-то время, нависая над ней. Боль не утихала. Да и какого черта ей утихнуть, если ее источник находился по-прежнему внутри Любы! Она начала дрожать. Господи, лучше уж операция, чем вот так вот!

— Люб, легче не будет, — голос его звучал сдавленно. — Мы еще... не закончили. Ты еще...

— Нет, погоди, пожалуйста!

— Не вижу смысла ждать. Тебе все равно больно.

— Нет! Стой! Остановись! Я передумала! — паника заставила ее почти кричать, упираясь руками в его плечи.

— Поздно.

Он резко двинул бедрами вперед, и ее ослепила вспышка горячей боли. Настоящей боли. Слезы вскипели в глазах, и она инстинктивно зажала себе рот ладонью, понимая, что сейчас не то, что закричит — заорет благим матом. Несколько секунд она захлебывалась собственным криком и слезами, а потом Ник так же резко вышел из нее.

Ей стало на какое-то время совсем параллельно на все — на него, на ситуацию. Важной была только потребность тела свернуться калачиком, прижать колени к животу и дышать, дышать. Упиваясь самой возможностью дышать без боли. И чувствовать, что тебя больше ничего не разрывает изнутри. Что ты снова принадлежишь только себе.

Боль уходила странно быстро, оставляя после себя лишь тянущее ощущение — как при месячных. И еще — чувство стыда. Мама дорогая, что же она натворила?! Пришла к парню, залезла к нему в постель, осчастливила его «высокой честью», а потом устроила форменную истерику. Щеки начали гореть, но она все же заставила себя отвернуться от стены, к которой прижималась лбом и коленками. Где ее несчастная жертва?

Ник сидел на краю постели, спиной к ней, его широкоплечий силуэт смутно угадывался в полумраке комнаты. Никогда она не бегала от трудных разговоров, и сейчас не будет!

— Ник...

— Да? — он даже не повернул голову.

— Извини меня.

Он не ответил, и это было ужасно обидно. Но она упрямо продолжила:

— Я понимаю, что вела себя как идиотка. Я сама предложила, и ответственность целиком на мне. Просто... я не думала, что будет так... Извини.

— Перестань, — он шевельнул рукой и вдруг накрыл ее ладонь своей. — Это ты меня прости. Я должен был остановиться... наверное. Ты же просила. Но уже... не смог. Черт! Я знал, что для первого раза я не...

Он резко замолчал. Она тоже не знала, что сказать. Молчание затягивалось, а Люба стала замерзать. И снова вернулась противная дрожь.

— Очень... больно? — Ник первым нарушил затянувшуюся паузу.

Не собирается она с ним это обсуждать! Слишком стыдно за свою истерику. Не шестнадцать ей лет, в конце концов, чтобы так себя вести!

— Ник, полежи со мной. Мне холодно.

— Конечно.

Он лег рядом, натянул на них обоих одеяло. Но почему-то не оставляло ощущение, что он теперь далеко, очень далеко. А ей хотелось... Толку себе врать! Хотелось тепла, нежности. Чтобы обняли, утешили, пожалели, приласкали. Наверное, нормальное желание для женщины после первой близости с мужчиной. Только вот мужчина, похоже, на эти условия заранее не подписывался. И поэтому он молча лежал рядом, лишь слегка касаясь ее плечом.

Накатывала обида и жалость к себе. Вот же год начался!

— Коль, я, наверное, домой поеду...

— Не глупи, — Ник говорит спокойно. Обидно спокойно для нее! — Смысл сейчас куда-то ехать? Давай завтра утром, а? У меня дома раньше двенадцати никого не будет. Завтра утром спокойно уедешь, чего сейчас ночью метаться?

Обида уже просто комком в горле. И ведь сама виновата! Пока она упивалась жалостью к себе, дыхание Ника стало совсем тихим. Прекрасно! Как и положено бесчувственному животному — после секса тут же заснул. Правда, то, что между ними произошло, сексом назвать сложно, но ей от этого не легче. И, тем не менее, несмотря на всю ее обиду, возможно, несправедливую, на парня, лежащего рядом, желание простого человеческого тепла пересилило гордыню. Он спит, и не убудет с него! А ей ужасно хотелось обнять и прижаться, что она и сделала. Аккуратно, стараясь не разбудить.

Ник неожиданно вздохнул, и она отпрянула. А он вдруг повернулся на бок и притянул ее к себе.

— Прости. Я думала, ты спишь, — невнятно, ему в грудь.

— Это ты меня прости, — его губы коснулись ее лба, и он притиснул ее к себе еще крепче. — Просто я не знаю, как...

Вот тут ей захотелось зареветь, прямо-таки смертельно. От его жеста и какой-то странной, грубоватой, неуверенной нежности, что почудилась ей в его словах. Она закусил губу, пытаясь справиться с противоречивым букетом эмоций. Это помогло, и слезы сдержать все же удалось. В итоге, она устроила голову у Ника

на плече. Он по-прежнему обнимал ее, и Любе вдруг подумалось, что все вышло не так уж и плохо. Уже ничего не болит, а лежать с ним в обнимку оказалось неожиданно приятным. Чувство неловкости испарилось, хотя, возможно, только на время. И последнее, о чем она подумала, засыпая — как же, все-таки, хорошо, что это у нее случилось с Колькой. Он свой парень, и с ним не так стыдно. А теперь еще тепло и уютно. На этой мысли она уснула. А Ник еще минут десять лежал, боясь шевельнуть правой рукой, но потом и его сморил сон.

— Ящер, ты охренел!

Именно под эти слова он и проснулся. Лениво открыл глаза и первое, что увидел — рыжая голова любимой сестрицы, торчащая между дверью и косяком. Выглядела Варька непростительно жизнерадостно для утра первого января. И была очень громогласна — тоже совершенно непростительно.

Ник попытался встать с кровати и понял, что правую руку не чувствует. И тут же вспомнил, почему именно. Повернул голову. Нет, это ему не приснилось. Ее наследное высочество Любаша Соловьева мирно спала на его плече. Странно, что не проснулась от Варькиного конспиративного ора.

— Варвар, выйди, — он старался говорить негромко. — Я сейчас.

Люба не проснулась и когда он вытаскивал из-под нее руку. Отвернулась к стене, натянула на себя плотнее одеяло и продолжила мирно сопеть. В реальность картины верилось с трудом, но подумать об этом не получалось — за стеной демонстративно гремела чем-то на кухне Варька. Ник натянул штаны и секс-инструкторскую футболку, поднял с пола мобильник. Девять утра. Какого Рыжий Орк явился домой в такую рань?!

— Коля?! — младшая только и ждала его появления на кухне. — Чем ты ее опоил?! Или это наркотики? Надеюсь, ты не совершил ничего противозаконного?!

— Чайник поставила? — он проигнорировал ее вопрос. — Чего приперлась ни свет, ни заря?

— Это и мой дом тоже! — парировала Варвара. — Не увиливай! Как ты затащил ее в постель? Успокой меня: скажи, что до насилия дело не дошло!

— Какие еще есть версии у любящей сестры про любимого брата?

— Господи, да я глазам своим не поверила! Ты — и Люба!

— Прекрати причитать, — насыпая в кружку растворимый кофе.

— Я умираю от любопытства — КАК?! Как тебе это удалось сделать? Как ты ее уговорил? Что пообещал?

— Если хочешь знать, то она сама! — не выдержал Ник. — Сама пришла! И сама предложила!

Какое-то время Варька так и стояла с открытым ртом. Потом все же закрыла.

— Да ты гонишь...

— Сама такая.

— Быть этого не может! — Варя пришла в себя. — Чтобы Люба — и с тобой! Да еще и сама предложила! Ага, как же, размечтался. Не смей меня. Сестре мог бы и правду сказать.

— А он и сказал правду, — раздался третий голос. Они обернулись одновременно. В дверях кухни стояла Люба. Первой опомнилась Варвара.

— Привет, Люб. С Новым... годом!

— Доброе утро, Варюш. И тебя тоже... с наступившим.

— Отличная стрижка, Любашик, — Варька поразительно быстро справилась с изумлением. — Кофе будешь? Маман нам торт испекла на утро — творожный.

Пока Варвара ныряла в холодильник, они смотрели — он на нее, она — изучала рисунок плитки над раковиной.

Он прекрасно знал, что девчонки Соловьевы красивые. Всегда знал. Но именно сейчас он это понял. Почувствовал. Безупречную линию скулы. Черные опала ресниц. Губы... Неужели он их целовал сегодня ночью?! И странную беззащитность натянутой в повороте головы шеи.

— Люб, смотри какая вкуснотища и красотища! — Варька вынырнула из недр холодильника с тортом в руках. — Ты же без сахара пьешь, крепкий?

— Да, — Люба улыбнулась, но это была очень натянутая улыбка. — Но я не буду кофе. Спасибо, Варь. Я домой поеду.

— Коля, такси вызови, — Варвар сегодня соображает на порядок быстрее его.

— Не надо! — Люба тоже опережает его с ответом. — На улице поймаю.

Варька из приличия попыталась поспорить, он же молчал — понятия не имел, что тут можно сказать.

Неловкие «Пока», не глядя в глаза — и вот младшее поколение семьи Самойловых остается в квартире уже без гостя.

— Я в душ, — пресекая новые вопросы сестры.

Но и это не спасло его от еще одной порции расспросов и разборок.

— Ящер, что это?!?

Он стоял на пороге своей комнаты в одном полотенце на бедрах. Его личное проклятие, Рыжий Орк, он же Рыжий Варвар, она же Варвара Глебовна Самойловна, любимая сестра, которую он в возрасте четырех лет слезно умолял родителей отдать обратно аисту- так вот, эта чудесная девушка стояла у его кровати с глазами, распахнутыми на максимальную ширину. И смотрела на... Ник выругался.

— Коля, это то, о чем я думаю?!

— Какого хрена ты вообще делаешь в моей комнате? — он подошел к кровати и резким движением прикрыл одеялом подсохшее темно-красное пятно на простыне.

— Зашла презервативы выбросить — ты ж вечно забываешь. А мама потом расстраивается.

Ник не выдержал и нецензурно выругался. Вот же утро — то одно, то другое! Выходные, называется!

— Я папе расскажу, что ты материшься! — годами отработанным тоном ябеды ответила Варвара.

— Папа тоже матерится, еще хлеще меня.

— Тогда маме расскажу, и вам обоим достанется! — парирует Варька. А потом вспоминает о насущном. И спрашивает как-то совсем растерянно: — Коля, это что, получается, что Люба...

Сначала он только вздохнул. Но потом все же добавил словами:

— Да.

— То есть она до тебя никогда... Люба?! А сегодня с тобой?... Почему?!

— Не знаю! У меня нет ответов на твои вопросы! И будь человеком — оставь меня в покое!

Варька иногда и правда могла быть человеком.

— Надо постирать, пока мама не увидела, — с этими словами она сдернула простынь с постели и, свернув и сунув ее подмышку, вышла из комнаты.

Она не заплакала. В конце концов, она взрослая умная девушка. И еще — она получила то, чего хотела. Она решила свою «великую» проблему. А это непонятное щемящее чувство внутри — оно пройдет.

Она не плакала, пока шла по лестнице Самойловского дома, а потом по улице. Не плакала и в такси, где ей попался крайне разговорчивый водитель. Впрочем, ей всегда такие попадались. Видимо, все же во внешности дело — с сестрами такая же фигня приключалась постоянно. А дома надо было улыбаться родителям, вручать и получать новогодние подарки. И лишь в душе, стоя под теплыми струями и глядя на окрашивающуюся в светло-красный воду на дне кабины, она все-таки заплакала. В конце концов, имеет право оплакать свою утраченную девственность. Ну и что, что она сама мечтала с ней расстаться. Все равно почему-то плакать хочется...

Глава четвертая, в которой герои много думают и вспоминают — им есть, о чем подумать и что вспомнить

Второй том «Хирургических болезней детского возраста» был с раздражением отброшен в сторону, на подушку. Надоело. И читать надоело, и Интернет надоел, и вся эта новогодняя атрибутика уже тошноту вызывала. А больше всего надоело безделье. Ему не дали дежурств на новогодние праздники. Молод еще, видимо, как обычно. Он привычно нахмурился, но одернул себя. Что толку злиться? Молодость, как любил говорить отец, единственный недостаток, который с возрастом проходит. Но работать в полную силу хотелось уже сейчас. Делать нужное дело, пользоваться уважением коллег. Только вот медицина — сфера настолько консервативная, что на репутацию и уважение ему еще работать и работать. А пока есть только собственные амбиции, которые разбиваются о недоверчивые взгляды родителей. «Вот этот парень будет

оперировать моего ребенка?!». Ладно, сколько можно даже дома о работе думать?

Ник встал, потянулся, подошел к окну. Уже начал угасать короткий январский день. Делать было совершенно нечего. Даже поговорить не с кем, Варвар где-то шляется, как обычно, родители в кои-то веки, по настоянию матери, уехали на неделю в санаторий — отдохнуть и подлечиться. Правда, отец там сразу же спелся (и спился — по утверждению мамы) с главным врачом и лечился по собственной методике. Но, несмотря на ворчание матери, вроде бы отдыхалось родителям хорошо.

За окном шли куда-то люди. Может быть, и ему прогуляться? Куда? Да некуда, в том-то и дело. Все визиты вежливости он уже нанес, если можно так сказать. Только вчера вот был в гостях у Вика. Вообще, странное дело. Когда его закадычный друг детства, Витька Баженов, он же Вик, он же Вектор, вдруг неожиданно добился-таки взаимности от своей великой любви (хотя лично Ник считал это блажью и дурью), Николай решил, что — все. Потерял он друга. Сожрет его Королевишна Надька и косточек не выплюнет друзьям. Вышло, к его огромному изумлению, иначе — и друга не потерял, и приобрел... Ну, не подругу, конечно, но Надька Соловьева, точнее, уже Надя Баженова оказалась человеком. Неплохим человеком, надо сказать. Коза и выдерга, не без этого, но, как говорится, у всех свои недостатки. Так что они вполне смогли найти с ней общий язык. А уж после появления на свет Ванечки Баженова...

Ник усмехнулся. Господи, родители, тоже мне. Сами ведут себя как дети. Ник вспомнил, как ему тогда позвонил Вик — перепуганный до икоты молодой папаша. «У Вани опухоль на животе!». Где-то там, на заднем фоне, подвывала Надька. Нет, он в опухоль сразу не поверил. Но примчался тут же. Угу, так он и думал. Самая обыкновенная пупочная грыжа, которую он, молодой и только-только набирающийся опыта детский хирург распознал сразу. Отпаивал Витьку вискарем, кормящую мать Надю — чаем с лимоном и сахаром, приняв на себя командование на их кухне. Успокоил, как мог, молодых родителей, чувствуя себя ужасно мудрым и опытным. Предложил периодически еще хлюпающей носом Наде свозить сына на консультацию к Владимиру Алексеевичу — своему начальнику, наставнику и заведующему отделением, где Ник работал. На что Надя ответила ему фразой, за которую он ей простил все ее прегрешения перед Виком — былые, будущие, мнимые и настоящие. «Своего сына я могу доверить только тебе, Коля!». С тех пор мир между ними

установился окончательный и бесповоротный, а Ванечка Баженов стал его пациентом номер один.

Поначалу приезжал каждую неделю — проводить, посмотреть на динамику. Надя оказалась совершенно сумасшедшей мамашей, но он к этому уже привыкнуть успел — что нормальные с виду женщины могли вести себя на редкость неадекватно, когда дело касалось их детей. Но с Надей было проще — выяснилось, что, в крайнем случае, на нее можно даже грозно рыкнуть, и она послушается и перестанет дергаться. Поэтому Надежда дисциплинированно выполняла все его рекомендации по консервативному плану лечения, включая массаж, гимнастику и пластырь. Об операции думать пока было рано — в этом он Надю тоже смог убедить. В общем, Надька оказалась действительно неплохим человеком. И еще она сестра...

Ник вздохнул. Вчера, сидя на кухне у Нади с Виком, с маленьким крестником, бодро скачущим у него на коленях: молодые родители радостно сбагрили ему ребенка, Ник, глядя на Надю, вдруг поймал себя на совершенно крамольной мысли. Что он прекрасно представляет, как выглядит жена друга без одежды. Ведь они же с Любой близнецы, у них должно быть все одинаковое, не только лицо, но и тело. Эта мысль его так смутила, что даже Витька заметил. Подкалывал, что Ник какой-то странный и задумчивый. Да как тут не быть задумчивым?!

Решив занять руки, он двинулся на кухню, открыл холодильник. Но от мыслей ему это не помогло отгородиться. К сожалению, рот и мозг у него функционируют абсолютно автономно. Он запретил себе думать, потому что без толку — только голову сломаешь в попытке понять и объяснить. Но забыть... забыть не мог. Что-то сидело занозой и не давало сдать произошедшее в новогоднюю ночь в архив памяти. Да и хрен такое забудешь!

Поначалу он был уверен, что это какой-то очередной розыгрыш. Нет, он, конечно, ответил на поцелуй — кто б на его месте не ответил? Но ждал, все ждал подсознательно, что вот-вот откуда-то выскочит Соня с криком: «Ага!». Что там дальше, за этим «Ага», он не мог представить. Потому что смысла в таком розыгрыше не было. Но и на реальность ситуация мало походила.

Окончательно сомнения он отбросил только когда увидел... нет, даже не столько увидел — темно же было — ощутил ее. Голую. Под собой. Нет, так далеко в шутках нормальные люди не заходят. Даже выдерги-тройняшки Соловьевы. А она умудрилось еще раз выдать такое, что он снова подумал о том, что его разыгрывают, что с ним играют в какую-то неизвестную игру. Ну, потому что невозможно же было в это поверить. Что Люба — красавица Люба Соловьева, которая никогда за словом в карман не лезла, самоуверенная, прекрасно знающая, какое впечатление производит на противоположный пол и умеющая это впечатление производить, да что там — просто Люба Соловьева и этим все сказано! — что она... И ведь это оказалось правдой.

Ник снова подошел к окну — теперь кухонному. Начало шестого, а уже скоро совсем стемнеет. Именно тот факт, что сказанное ею действительно оказалось правдой, и не давал ему покоя. Ни разу еще... Нет, он не мнил себя великим героем-любовником. Но ни разу еще в постели с ним девушки не рыдали. Ни разу он не причинял такую сильную боль. Да, ему бывало непросто — в силу физиологических особенностей. Это только в порнофильмах круто выглядит. А когда в реальной жизни, в постели с реальными, нормальными девушками, выясняется, что у тебя член несколько больше среднестатистического, то это приносит тебе только дополнительные сложности. Но Ник как-то привык, знал, как избежать дискомфорта, более того, девушкам это все же (да здравствует порно!) обычно нравилось. Но не в этот раз. Видимо, Люба совсем не смотрела фильмы для взрослых.

Но больше всего его потрясло даже не то, что он оказался у Любы и в самом деле первым. И не то, как у них крайне неудачно все вышло. А то, что она... она! потом перед ним извинилась. После того, как он ей причинил, судя по всему, довольно сильную боль, гордая красавица Люба Соловьева извинилась перед ним! Ник отвернулся от окна и привалился спиной к стеклу. Черт, кажется, он ее совсем не знает. Не могла та Люба, которую он знал, все это сделать. Идеальная красавица Любаша Соловьева, которую он знал — она должна иметь кучу парней, на любой вкус, на каждый день недели. И даже если бы она ждала с вступлением в половую жизнь до... а сколько Любке, кстати? на год младше его, значит, двадцать пять — так вот, и в этом случае его она бы никогда не выбрала, не обратила бы внимания на него ни за что. И даже если бы все это невозможное случилось, то, после того, что он с ней сделал...

Тут Ник поморщился, вспоминая ее слезы. Поежился. Это было чертовски неприятное воспоминание. Именно оно, скорее всего, и было занозой, что не давала забыть. Если быть совсем честным с собой, то он должен был остановиться. Должен был это сделать, когда она попросила. Но в тот момент он уже ни хрена не слышал и не соображал. Завелся просто как мальчишка шестнадцатилетний. Правда, у него в последние пару месяцев как-то не складывалось с сексом — но это даже для него было слабеньким оправданием, а уж для Любы... А Любе никаких оправданий не потребовалось. По какой-то непонятной причине она, вместо того, чтобы вспылить, наорать на него, как он подсознательно ожидал, взяла ответственность за эту ситуацию на себя. Извинилась перед ним! Перед тем, кто сделал ей очень больно, пусть и ненамеренно. Это была какая-то другая, совершенно незнакомая ему девушка. И перед этой девушкой он испытывал странное, непонятное, не дававшее ему покоя чувство вины. Он просто не мог забыть произошедшее новогодней ночью.

Не дав себе времени передумать, он достал из кармана телефон. После такого взрослые люди не делают вид, что ничего не произошло. Это несерьезно. Он ей позвонит. И... и скажет что-нибудь. Или спросит. Или... Длинные гудки прервались нежным голосом.

— Да?

В окно светило яркое январское солнце, и Люба встала, чтобы задернуть жалюзи — монитор страшно бликовал. Таким служебным рвением можно было бы гордиться — прийти в новогодние праздники на работу. Обманывать себя Люба не имела желания: за ее приходом в редакцию стояло что угодно, но только не карьерные устремления. Просто хотелось чем-то занять голову. И иметь хоть какой-то легальный повод послать Марка на фиг, сославшись на занятость.

В итоге на экране был открыт текст, в который она никак не могла вникнуть. Понапишут молодые талантливые авторы всякого бреда, а ей читай! За рабочий стол возвращаться не хотелось. Люба взяла лейку и методично полила все цветы на подоконнике и тумбочке — Светлана Васильевна будет ей благодарна.

— Боже мой, кто это на работу в праздники пришел! — Люба резко обернулась. В дверях стоял Виталий Федорович Кольчевский, заведующий редакцией. Неизменный пиджак в клетку, зачесанные назад в артистическом, как ему казалось, беспорядке редющие волосы. Но Люба, несмотря на то, что в редакции неизменно подшучивали над внешностью шефа, не позволяла себе недооценивать Виталия Федоровича. Мама советовала, да и сама не дуручка. Начальник был себе на уме и очень, очень проницателен.

— С наступившим, Виталий Федорович!

— И вас, Любовь Станиславовна, с праздником, — церемонно ответил шеф. Улыбнулся. — Любушка, я чувствую себя настоящим тираном — самая красивая девушка в моей редакции работает во время праздников... Тебе что, заняться нечем?

— Как раз есть чем, — она кивнула в сторону своего стола.

— Нет, я точно тиран! — ухмыльнулся Кольчевский. — Ну, пойдем, хоть кофе тебя угощу — за усердие.

Повода отказываться не было, да и кофе хотелось. И с умным человеком поговорить — чем не повод не думать о всяком... неприятном.

— Как Новый год встретила, красавица? — Виталий Федорович подвинул ей шоколад.

Люба отхлебнула кофе. У шефа отличная кофеварка в кабинете и всегда пахнет свежесваренным кофе.

— Чего молчишь и загадочно улыбаешься?

— Кофе очень вкусный, — дипломатично оправдала Люба свое молчание. Опять же, если она честно ответит на поставленный вопрос, начальство рискует поперхнуться кофе. Поэтому пришлось ответить уклончиво: — Как Новый год встретила? Необычно. И... познавательно.

Кольчевский ее все равно раскусил. Словно смог как-то догадаться.

— Однако... Кому-то повезло, — шеф мягко рассмеялся. — Ох, Люба, Люба, сколько сердец разбила, признавайся?

— Ни одного, — она невинно распахнула глаза. — Я человек мирный.

Ее телефон разразился гитарными переборами в исполнении неизвестного испанского виртуоза.

— Вот и еще одна жертва «мирного человека», — усмехнулся Виталий Федорович.

— Спасибо за кофе, — Люба улыбнулась, вставая с места. — Не буду больше вам надоедать.

Только за дверью кабинета она посмотрела на экран. Марку отвечать не хотелось. Это странно, очень странно, но она почему-то ждала все эти дни звонка от другого человека. Но он так и не позвонил. Впрочем, о чем она вообще думает?! Мавр сделал свое дело, мавр может не звонить. Забыть.

Забыть. Зато самое главное сделано. Только вот чувства удовлетворения это не принесло.

Телефон зазвонил снова. Марк не отстанет. Да и нельзя же от него постоянно бегать?

— Да?

— Солнышко, ты еще не наработалась? Давай, в кино сегодня сходим? Твой любимый Нолан.

— Хорошо, — прикрыв глаза. — Давай.

— Заеду за билетами и через час примерно буду у тебя перед офисом. Буду развлекать мою сладкую девочку.

— Хорошо, — повторяет она. Почему ее даже от голоса Марка тошнит? А при мысли, что она должна будет теперь с ним проделывать то же самое что с Ником... Вот, она все-таки произнесла его имя, хотя бы мысленно! А ведь обещала себе! Но, с другой стороны, не может же она все время игнорировать его существование, учитывая, что они дружат семьей с Самойловыми. Да и, вроде бы, ничего страшного и необратимого не произошло. Ну, подумаешь, переспала с другом детства. Никто от этого не умер. Только вот она никак не могла, несмотря на все свое приличное литературное образование, дать хоть какую-то оценку тому, что произошло.

Было стыдно, ужасно стыдно за свою истерику. А еще она ждала от него хоть какой-то реакции. Непонятно с чего, но упрямо ждала хоть чего-то. Звонка, например. Ждала и боялась. Не позвонил. И ко всему прочему, она теперь точно знала, что секс ей не нравится. Те, кто говорил, что это приятно — врут. Или это просто не для нее. Или... слишком много «или»!

— Опять? Марк, я терпеть не могу эти места для поцелуев!

— Отличный VIP-диван. Киса, ну, не злись.

Отличный диван, как же! И она отлично знает, что на этом диване будет происходить! Пусть только попробует руки начать распускать. Она не в том настроении.

Ее подозрения подтвердились. Спустя десять минут после начала фильма рука Марка легла ей на бедро. И была так резко убрана, что попыток он больше не предпринимал. Если раньше такие его действия вызывали глухое раздражение, которое она списывала на свою неопытность, то теперь... Теперь его руки на своем теле вызывали почти отвращение. При том, что, когда Колька лапал ее за грудь или попу своими огромными ручищами, это вызывало совсем другие чувства. Странные. Будто он имел на это право — так лапать. Вот какого черта она снова о нем вспомнила?! А, все-таки, наверное, было бы замечательно... если бы он ее только трогал вот так... А все остальное, что было дальше... слишком больно.

Он ей все-таки позвонил. Звероящер сделал свое дело, но звероящер все же позвонил. Она несколько раз вдохнула-выдохнула, прежде чем ответить, чтобы голос звучал ровно. Благо, Марк был занят протиранием стекол на машине, а она неосознанно отошла на несколько шагов в сторону.

— Да?

— Привет.

— Привет.

Он хотел ей что-то сказать, задать какие-то вопросы. Но по телефону так и не мог сказать ничего умного кроме:

— Давай встретимся?

Пауза. Она смотрит, как Марк любовно протирает зеркала на своем «Ниссане».

— Давай.

— Ты где? — он слышит какой-то шум.

— Только что из кинотеатра вышла.

В кино была? Интересно, с кем? Он как-то сразу растерялся.

— Ник, ты тут?

— Угу.

— Через сколько будешь в «Кофе-Хаус» на Профсоюзной?

— Минут через сорок.

— Там и встретимся.

Короткие гудки. Он несколько секунд смотрит на телефон в своей руке. А потом резко стягивает через голову домашнюю футболку.

— Марк, у меня дела.

— Какие еще дела? — совершенно искреннее недоумение.

— Мне только что позвонили. Извини, у меня сейчас встреча. Срочная. Так что...

— Что-то серьезное? Неприятности?

Надо же, какой заботливый. Нет, он и в самом деле постоянное демонстрирует заботу и внимание. Но почему-то не оставляло ощущение, что это именно демонстрация, напоказ.

— Нет, никаких неприятностей. Просто одному человеку нужна... моя консультация.

— Кого ты можешь консультировать?!

Она так презрительно выгнула бровь, что Марк тут же спохватился.

— Любонька, извини, я не то имел в виду. Просто... Извини, пожалуйста! Давай, я подвезу. Куда тебе на встречу?

— Тут недалеко, я лучше пешком. До встречи.

От прощального поцелуя она отвернулась, подставив лишь щеку. Она просто не могла сейчас поцеловать Марка в губы.

Глава пятая, в которой Николай Самойлов поступает в несвойственной ему манере, но Любовь Соловьева это не оценивает

Его она заметила сразу, как он вошел. Трудно не заметить такого здорового амбала — сколько в нем росту, интересно? Люба придирчиво разглядывала Ника, пока он сначала осматривал кафе в поисках ее, а потом, увидев, улыбнулся и пошел к ней. Черный пуховик, темно-синие джинсы. Он одет так, как десятки тысяч парней в этом городе. Но все равно выделяется — своим огромным ростом и темно-рыжим ежиком.

— Привет еще раз.

— Привет. Раздевайся, давай, и садись.

Широченные плечи обтягивает обыкновенная темно-зеленая толстовка. Ник Самойлов явно не слишком заморачивается своим внешним видом.

— Ты на машине?

— На метро, — он устраивается за столом, берет в руки меню. — Ты забыла, что ли?

— Ах, да, — усмехается Люба. — У тебя же мотоцикл. Ты же у нас великий мотогонщик.

— Просто гонщик, если верить Варьке, — он возвращает ей усмешку. — В смысле, гоню постоянно — по ее утверждению.

— Чудесные у вас отношения.

— С сестрами всегда так. Ты-то должна понимать.

— Понимаю. Ну что, выбрал? Рекомендую черничный чизкейк — свежий и довольно приличный.

— Не хочу есть, — он откидывается на стуле. — Кофе только выпью.

— Коля! Кто тебя сглазил?! ТЫ не хочешь есть?!

— Угум. Новогодние праздники не прошли даром. Не могу уже есть — надоело.

Она смеется в ответ, он же даже не улыбается. Интересно, сколько мужиков в кофейне пялились на нее? Сколько ему сейчас смертельно завидуют? И — если бы они знали правду...

Подходит официант, чтобы принять заказ, Николая начинают уговаривать попробовать фирменные блинчики с лесными ягодами. А она снова принимается разглядывать его. Подсознательно сравнивает Ника с Марком.

Обыкновенная одежда, ничем не примечательная. Стилягой Ника точно не назовешь. Приехал на метро. И Марк — холеный, со стильной стрижкой, со вкусом одетый, на пижонском «Кашкае». Тут ей почему-то еще странным образом припомнился парфюм Марка, который ей категорически не нравился — слишком сладкий. А от Ника не пахло ничем. Или чем-то... чем-то трудно уловимым. От кожи.

— Уговорили все-таки, — ворчит Ник, и она отвлекается от своих мыслей. Парадоксально, но сравнение вышло все равно не в пользу Марка отчего-то.

Заказ приносят быстро, они успевают переброситься лишь парой фраз — про родителей, погоду. А потом... он же хотел у нее узнать...

— Ты как вообще?

— Вообще — прекрасно, — она демонстративно пожимает плечами. Жест изящный, как и плечи в тонкой, синей с темно-красными цветами, блузке.

— Как... самочувствие?

— Нормально, — еще одно пожимание плечами. — Насморк еще пару недель назад прошел.

— Люб, я не про насморк. Я про другое.

— Про что? — она смотрит ему прямо в глаза, и тут же легкий румянец выступает на щеках. — А, ты про... это. Все... — прокашлявшись, — все в порядке.

— Слушай, я сказать хотел, — он отхлебывает кофе. — Там же произошел разрыв мягких тканей...

— Что? А... ну и... Произошел и произошел! — румянец на щеках становится ярче, она даже отворачивает лицо, демонстрируя опять все ту же идеальную линию скулы и беззащитную натянутость шеи.

— После разрыва... гхм... девственной плевы... там образовалась раневая поверхность. На стенках...

— Ты мне тут лекцию по анатомии читать собрался?!

— Нет. Я к тому, что края разрыва зарубцуются через полторы-две недели. И раньше этого времени не стоит... заниматься сексом. Может наступить повторное кровотечение. И вообще... — он замолкает — выражение лица у собеседницы способствует.

Румянец ее становится совсем ярким — два темно-красных пятна на побледневших щеках. И глаза у нее такие... В жизни не видел у Любы такого выражения в глазах.

— Так, значит... — и голос ее очень тихий, но он отчетливо слышит его почему-то. — Значит, так ты об этом думаешь, да? Что я пришла к тебе тогда за избавлением от... от лишних мягких тканей? А теперь... как только добрый доктор Самойлов помог пациентке Любе Соловьевой — вуаля! Можно пускаться во все тяжкие! Ничего же не мешает! — голос ее стремительно набирает силу, превращаясь из шепота в гневный звон. — Отлично! Я только и ждала от тебя разрешения! Может быть, ты и справку мне напишешь? Что я уже пригодна... к употреблению?! Или что — тебе требуется провести еще одно обследование? Так ты скажи, не стесняйся! Прямо здесь будешь проверять — как зарубцевалось?

— Люба... — он реально ошарашен ее словами, ее тоном. Совсем не это же имел в виду, и, правда, беспокоился. — Ты меня не так поняла. Я же...

— Нет, Самойлов, ты не ящер! Ты... ты... ты придурок! Идиот! Кретин!

Последние слова она уже кричит, не стесняясь. А потом хватает шубку и сумочку — и вот ее уже нет.

Теперь он узнает Любу Соловьеву — ведет себя так, как и положено. Да что он такого сказал?! Все перевернула с ног на голову. Вот и старайся, беспокойся о людях!

Он допивает остывший кофе, блинчики на тарелке тоже выглядят холодными и невкусными. Ник поворачивает голову к стеклянной стене кофейни. Чтобы увидеть, как Люба падает. Поскальзывается прямо напротив того места, где он сидит, где еще недавно сидели они вдвоем. Падает навзничь, взмахнув руками, о ледяной асфальт ударяется сумочка, рассыпая вокруг содержимое. Он вскакивает с места. Люба тоже поднимается — только медленно и на четвереньки. Так же, стоя на четвереньках, начинает собирать рассыпавшееся — насколько ему видно, в основном, это содержимое косметички. Движения у

нее торопливые и неловкие, а на повернутой к кафе щеке видна блестящая дорожка. Люба плачет?!

Она все-таки встает на ноги и уходит — быстро и все же чуть прихрамывая. На границе света от окна кофейни остается лежать ярко-розовый цилиндр. Губная помада. Какое-то время он смотрит на этот розовый цилиндр. А потом просто срывается с места.

У дверей его решительно перехватывают. Ник оборачивается: тщедушный парнишка-официант держит его за локоть — вид испуганный, но храбрится.

— Молодой человек, а расплатиться?!

Ник чертыхнулся.

— Сколько с меня?!

В ответ на названную сумму сунул купюру в протянутую руку.

— Сдачи не надо!

На улице его ждал лишь розовый цилиндр помады. Любы не было видно.

Поначалу. Потом он заметил ее голосующий силуэт у края проезжей части, дальше по улице. Рванул бегом, думая только об одном: как бы самому не грохнуться на этом гололеде, как Люба только что.

— Отпусти меня!

— Не отпущу. Люба, что с ногой? Больно? Где?

— Не твое дело! Отпусти, я кому сказала! — у нее получается не так грозно, как ей хотелось бы, потому что говорить приходится ему в пуховик — Ник прижимает ее к себе, и у нее хватает здравого смысла не пытаться вырваться силой.

— Нет. Нам надо поговорить.

— Уже поговорили!

— Ты меня неправильно поняла. Я не хотел тебя обидеть.

— И, тем не менее — у тебя прекрасно получилось!

— Любаша...

Его прерывает звук автомобильного клаксона. Ник оборачивается. У обочины стоит такси, стекло на пассажирской двери опущено.

— Молодые люди, едем?

— Едем! — кивает решительно он.

В такси Люба демонстративно отвернулась к окну. На названный адрес не соизволила прореагировать. А он достал из кармана телефон.

«Ты дома?»

«Нет»

«Во сколько будешь?»

«Во сколько надо?»

«Не раньше десяти»

«Помни — бл*дство в таких объемах до добра не доводит. Не забудь помещение проветрить и резинки выкинуть»

На последнюю смс-ку он не стал отвечать. А телефон через пару минут снова пиликнул.

«И ужин приготовь — сегодня твоя очередь»

Это было чистой воды шантажом и вымогательством, но он не в том положении, чтобы спорить с сестрой.

В прихожей он помог ей снять шубку, как-то даже привычно уже. И они замерли, прямо там — наверное, на том месте, где все и началось. Ей там стоять ужасно неловко, но куда идти? В гостиную, где они целовались на диване? На кухню, где было то утро после? В его комнату? О, да, там самое подходящее место, чтобы перестать чувствовать себя неловко.

— Пошли, — он взял ее за руку, но она резко высвободила ладонь. В спальню? Сама дойду, дорогу знаю!

В комнате уселась в кресло за компьютерным столом, сложила руки на груди.

— Ну-с, Николай Глебович, я вас внимательнейшим образом слушаю.

Он вздохнул, сел напротив нее, на кровать, провел ладонью по голове, ероша короткие волосы. Наверное, это ему помогает думать. Ну, давай, выкладывай, Ник, что там у тебя на уме?

— Люб, я... — еще раз вздохнул, — я, правда, не думал, что... Я просто... Ну, раз уж так получилось у нас...

После этого многословного монолога он замолчал. Бросил на нее короткий взгляд и отвернулся. Отличный у них разговор, интересный.

— Хорошо. Я сама расскажу, что все это значит. Ты на самом деле вправе. Вправе составить обо мне... об этой ситуации такое мнение. Нет, ну а что еще ты мог подумать? Пришла, пристала с поцелуями, влезла в койку...

— Люба, ну что ты...

— Молчи, ты все равно говорить не умеешь! Значит так, о чем это я?... А, ну вот. Влезла в койку, потом обрадовала приятной... новостью. Понимаю, тебе деваться уже некуда было.

— Люба!

— Коль, давай просто все забудем, а? Как страшный сон. Ну, было — и было. Я перед тобой извинилась. Все, проехали. Дальше каждый сам за себя.

Она несла такую откровенную чушь, что ответить он мог только одним — сдернуть ее за руку с этого чертова кресла и...

— Что ты себе позволяешь?!

Он молча уткнулся носом в ее шею, удерживая обеими руками Любу у себя на коленях. Пахнет она офигенно. Слабый, почти неуловимый, нежный запах...

— Самойлов! Ты что там себе придумал?! Что у тебя теперь есть право?!

Он ее поцеловал. Сначала в шею, но уже после этого она не смогла ничего произнести. А потом в губы — и это сделало продолжение дискуссии вовсе невозможным.

— Люб, — прервавшись, задыхаясь. — Дай мне еще один шанс.

— Второй бесплатный урок от секс-инструктора? — она умеет держать марку до последнего.

— Угу, — улыбается ей — как-то совсем растерянно. А потом, посерьезнев: — Я постараюсь сделать в этот раз... как надо.

— Ладно, — да почему же она не может просто послать его на фиг?! — Я тоже постараюсь вести себя прилично, не рыдать и не орать.

— Надеюсь, повода не дам.

Она зажата, это чувствуется. Вроде бы отвечает на поцелуи, прогибается под его руками. Но все равно, что-то есть внутри — словно нетающая льдинка. Помнит, ждет — возможно, подсознательно даже. Что будет больно. И он ни хрена не представляет, что с этим делать! Не эксперт он по девственницам, первый раз... так. А у самого уже в ушах гудит кровь — так завелся.

— Чего ты ждешь? — дыхание у нее все же сбившееся, жаркое. — Начинай уже...

— Давай, ты не будешь меня учить, а?

— Я готова, правда.

Вот что ты с ней будешь делать?! Ломает все его стереотипы — о себе, о том, как ведут себя неопытные девушки в постели. И он же не железный, в конце концов — чтобы отказываться от того, что ТАК предлагают.

— Люба, не зажимайся, пожалуйста... Будет только больнее.

— Я не специально! Я стараюсь...

Она все такая же невозможно, почти болезненно узкая. Видно, как она захлебывается собственным вдохом на его проникновение, замирает, прикусывает губу. Он двигается чуть вперед, она отвечает дрожью тела — дрожью, которую не в состоянии унять. Пара движений, взгляд на ее лицо... Смачно выругавшись, он резко выходит из нее.

— Ну, и зачем ты остановился? — она поразительно быстро приходит в себя.

Все повторяется. Он снова сидит на краю постели, голый, спиной к ней. Люба быстро смахивает с глаз совершенно непроизвольно выступившие слезы. Она обещала ему не рыдать, но они покатались как-то сами собой, без ее участия... По-прежнему почему-то очень больно.

— Чего молчишь, Ник?! Какого остановился, я тебя спрашиваю! Я тебя об этом не просила!

— Знаешь... — у него такой безразличный голос, что ее только от этого тона начинает потряхивать. — Заниматься сексом с девушкой, которая плачет от боли подо мной, не входит в число моих излюбленных занятий.

— Ах, это снова я виновата?!

— Я этого не говорил, — все так же ровно и безразлично.

— Тебе вообще лучше не говорить! — она резко садится на кровати, чуть поморщившись от легкой боли, нисколько не смущаясь собственной наготы. — А вот я тебе, скажу, Николай Глебович! Свою вторую попытку ты с треском провалил! Третьей не будет! И не звони мне больше, понял?!

Он в ответ лишь дергает плечом, все так же не оборачиваясь. Вот теперь она снова ведет себя предсказуемо. Как и положено девчонке Соловьевой. Стерва. Не будет он ей звонить, одного раза хватило.

Глава шестая, в которой на сцене появляются: пироги с капустой, инструктор по рукопашному бою и еще куча разного. А заканчивается все совсем уж неожиданно

— Вкусные пироги, Николай Глебович?

— Очень вкусные, Нина Гавриловна.

— Альбинка у меня такая, — ему пододвигают ближе пакет с домашними пирогами. — Сама ее выучила, но она уже лучше меня тесто ставит. Вон какие получаются — пышные, мягкие.

Ник с наслаждением откусывает еще треть пирожка с капустой. Действительно, вкусные. И вообще — хорошо поесть, впервые за день. А то он проспал сегодня, позавтракать не успел. А потом как началось...

Нина Гавриловна Данченко, операционная сестра с тридцатилетним стажем, сидит напротив, сложив руки под внушительным бюстом, и совершенно по-матерински смотрит, как молодой хирург Николай Глебович Самойлов обедает. Хотя для нее — какой он Николай Глебович? Николаша... хороший парень. Вот прямо для ее Альбины.

— Кушай, кушай, — она забирает у него кружку. — Давай, еще чаю налью.

— Спасибо, — сквозь пирог.

— Николай, ты б, может... — она наедине позволяет себе нарушить субординацию и обратиться к врачу на «ты» и по имени. Знает, что Николай к этому относится болезненно — как и все молодые врачи, но сейчас они одни, да и тема разговора... — Может, сходил бы с Альбиной куда — в кино там, или в кафе... Она у меня хорошая, знаешь, какая? Готовит вкусно, дома чистота. И вяжет сама, и шьет. А уж хорошенькая! И за собой следит — в зал ходит тренажерный. Я вот тебе фотографии покажу...

— Вы уже показывали! — торопливо. — Альбина и правда симпатичная.

— Ну вот! — тон Нины Гавриловны настолько торжествующий, что он мгновенно осознает всю опрометчивость своего ответа. — Вот и пригласи ее куда-нибудь! Не понравится — ну, стало быть, не судьба. Но она у меня такая... Не может не понравиться!

Ник вздыхает. Не первый этот разговор. Пирог Альбина печет замечательные. И внешне, по крайней мере, на фото — ничего вроде бы. Тоже брюнетка. Тоже?! Господи, да когда же он этуиз головы выбросит?! В общем, все бы ничего, если бы не мама Альбины. Нина Гавриловна, самая опытная сестра в

их отделении, человек, к мнению которого прислушивался даже заведующий. Ее и Владимира Алексеевича Ник считал своими учителями. Уважал, внимательно слушал, перенимал опыт. И совершенно четко понимал, что любой маломальский романчик с дочкой Нины Гавриловны поставят его профессиональные отношения с лучшей операционной сестрой отделения под удар. И еще как-то вызывало сомнения, почему это такую во всех отношениях замечательную девушку еще не прибрал к рукам кто-то достойный. Видимо, или материнский взгляд не совсем объективный, или кастинг претендентов чрезмерно суровый. Обе версии ему не очень-то нравились. Эх, главное, Нину Гавриловну не обидеть. Ценнейший специалист, а уж опыта сколько...

— Нина Гавриловна, да зачем вашей Альбине я? Вы же знаете, что я за человек... Ухаживать не умею, слов красивых говорить — тоже. На принца на белом коне... не тяну. Да и конь у меня зеленый и одноместный. И вообще — от меня девчонки шарахаются.

— Вижу я, как шарахаются, — усмехается Нина Гавриловна. — Вешаются — это точнее. Не наговаривай на себя, Николай. Да и моей Альбинке не принц нужен, а нормальный парень. И тебе нужна хорошая девчонка — которая и накормит, и приласкает. Так ведь? Принцессу же не ждешь?

— Нет, — вздохнул он. — Вообще никого не жду. Не до этого мне сейчас, Нина Гавриловна, вы же понимаете?

Нина Гавриловна тоже вздыхает в ответ. Упрямый. Ну да ничего — вода камень точит. Уж больно хорош парень. Даже не парень — мужик уже, породу видно сразу. За таких держаться надо, хватать да не отпускать — ей с высоты жизненного опыта это очевидно.

— Нюрка, паразитка мелкая, ты опять?!? — дородная женщина в бирюзовом костюме разгневанно разглядывает крошки на тумбочке.

— Тетенька, пожалуйста, не надо, — шестилетняя девочка тут же начинает всхлипывать. — Не отбирайте!

— Вот что же за бестолочь-то, а?! — дежурная медсестра резко отодвигает девочку, вынуждая ту упасть на койку. — Тебе что говорили?! Вот сейчас Николаю Глебовичу все расскажу!

— Не надо, пожалуйста! Оставьте! Меня угостили!!!

Не слушая детские крики, медсестра выгребает все из тумбочки, достает из глубин запрятанный пакет с пряниками.

— Что это, Перфилова?! Что это, я тебя спрашиваю?!

— Отдайте, — всхлипывает девочка. — Отдайте, это мое! Меня тетеньки угостили. Отдайте...

— Да что вы творите?! — не выдерживает одна из мам, лежащих тут же, в этой палате, с ребенком. — Девочка и так сирота, из детдома. А вы ее еще и последнего лишаете. Жалко вам что ли? Мы угостили, а вы...

— Нельзя ей! — резко поворачивается к взрослым медсестра. — Нельзя. Говорили же! Ни пряников, ни печенья, ничего мучного ей нельзя! Господи, ну она-то маленькая, дурочка еще...

— Как вам не стыдно!

— Да это вам должно быть стыдно! Вы-то взрослые люди, матери! Все, пойду дежурному врачу пожалуюсь!

Уже отбой, но свет не гасят, девочка из детдома лежит на кровати, уткнувшись в стену, тихо плачет. Рядом, через пару коек, возмущенно обмениваются мнениями две мамы — о жестокости и душевной черствости медперсонала отделения.

— Анютка, скажи мне, что Галина Михайловна пошутила, — в палату заходит рыжеволосый молодой врач. — И что ты не лопала эти пряники, а они у тебя просто так в тумбочке лежали.

— Меня тетеньки угостили! — девочка отворачивается от стены.

— Тетеньки идиотки, — невозмутимо парирует доктор. — А ты знаешь, что тебе нельзя пряники. Ну, лопала?

— Лопала, — упрямо.

— Сейчас ремня всыплю.

Одна из мам возмущенно охает, но Аня Перфилова несколько не пугается.

— Не всыплете.

— На спину ложись и ночнушку поднимай.

Девочка переворачивается на спину и привычно задирает рубашку, демонстрируя дешевые хлопчатобумажные трусики в катышки и измазанный зеленкой длинный безобразный шов во весь маленький детский живот. Пара уверенных движений взрослых пальцев, и девочка вскрикивает.

— Здесь?

— Да?

— А тут?

— Да!

Врач со вздохом встает с кровати.

— Лежи пока... Аня.

А потом делает пару шагов, становясь в центре палаты, складывает руки на груди. И начинает говорить — ровно, спокойно. Впрочем, до конца выдержать этот тон у него все равно не получается.

— У девочки спаечная кишечная непроходимость. Вы знаете, сколько раз ее оперировали? В предпоследний раз — полгода назад! В последний — пять дней назад. Ей нельзя мучного! У нее диета! А вы... Да, конечно, врачи и медсестры злые! А вы, мать вашу, добрые самаритянки! Облаготельствовали сиротку!

— Да какое вы имеете право так с нами разговаривать?!

— А какое вы имеете право нарушать врачебные предписания?! Да еще относительно чужого ребенка?!

— Мы не знали...

— Пи... врать мне тут не надо! Всех предупреждали! Я! Сам! Лично! А можно еще мозги включать и подумать — может быть, девочке мучное не от природной жестокости запрещают есть? А для этого есть причины?

— Ну, извините, пожалуйста!

— Засуньте себе свои извинения, знаете, куда?! — он сжимает губы, сдерживая себя. Потом произносит пару фраз без звука, а, затем, не выдержав, уже на выходе из палаты: — Курицы безмозглые!

Ночью Аню Перфилову все-таки пришлось экстренно прооперировать.

— Николай Глебович, я только на работу пришел, а мне на тебя уже пожаловаться успели. Что ты там опять с бабами не поделил?!

— Благодаря этим бабам мы с Пал Палычем сегодня ночью экстренно оперировали Аню Перфилову из двенадцатой палаты.

— Мы ж ее несколько дней назад оперировали?

— Добрые тетеньки в палате накормили ее пряниками.

— Бл*дь!

— А я сказал гораздо мягче!

— Николай, да что хочешь говори! Но не при пациентах! Как девочка?

— В реанимации.

— Как операция прошла?

— Как научили.

— Ладно, — вздыхает заведующий. — Я сам еще поговорю... с жалобщицами. Но, Николай, я тебя по-хорошему прошу — держи свой темперамент в узде! Не надо говорить людям все, что ты о них думаешь.

— А как они тогда узнают правду?

— Самойлов! Хочешь работать в медицине — умей вовремя промолчать! Понял меня?

— Понял.

Надя внимательно наблюдает за уверенными движениями мужских рук. Вспоминает, как ее это изумило в первый раз — как Ник обращается с ее сыном. Они сами с Виком первое время до ужаса боялись что-то не то сделать, когда брали ребенка на руки. Бабушки целый месяц приезжали по очереди внука купать, пока молодые родители освоились. А Ник... В его огромных ручищах маленький ребенок казался совершенно хрупким, но что-то в спокойной неторопливости этих рук убеждало в абсолютном профессионализме их обладателя.

— Коля, ну что?

— Да все отлично, Надюш. С богатырем нашим полный порядок. Думаю, обойдемся без операции.

— Думаешь?

— Пока рано утверждать точно, но вполне вероятно.

— Хорошо. Ты же с работы? Голодный? Кушать будешь?

— Ааа... ммм... кто готовил?

— Ну, знаешь ли! Хамить не надо! Я научилась вполне прилично готовить! За голубцы мне даже папа твердую четверку поставил.

— Ну, если Стас Саныч четверку поставил...

— Обойдешься! — фыркнула Надя. — Раз такой привереда!

— Ну, пожалуйста... Накорми голодного доктора.

— Доктор вечно голодный. Пошли.

И, спустя десять минут:

— Надь, а добавки можно?

— А волшебное слово?

— Пожалуйста! Очень вкусно, правда.

— То-то же, — снисходительно усмехается Надя, забирая у него тарелку. Но на щеках выступает румянец удовольствия. Дожили — Надя Соловьева радуется комплиментам своим голубцам!

— Вик во сколько придет?

Вместо Нади отвечает дверной звонок.

— А вот и он, — Надя передает Нику сына. — Покарауль хулигана, пока я дверь открываю.

Замок в прихожей щелкнул, что-то негромко произнес Вик, потом стало тихо. Ваня дотянулся до ложки и звонко стукнул ею по столу.

— Давай-давай, — подбодрил крестника Ник. — Зови родителей. Спорим, они там целуются?

— Завидуй молча, — молодые родители зашли на кухню, обнявшись. Потом Надя прошла к плите, а Вик протянул другу ладонь для рукопожатия. Навстречу ему ответно протянулась рука Ника и ручки Вани Баженова.

— Витя, руки сначала помой!

— Что за жизнь, — чуть позже отозвался, выходя из ванной, Вик, — приходишь с работы домой, а на твоей кухне, на твоём любимом месте сидит какой-то тип.

— А ты работай больше — я ещё и жену твою соблазню!

Вик переглядывается с Надей, а потом они начинают хохотать одновременно.

— Бедный малыш, — Ник демонстративно гладит по голове грызущего черенок ложки крестника, — родители у тебя со странностями.

Смех смехом, а про соблазнение он сказал в каком-то смысле правду. Учитывая сходство сестер...

Не думать!

— Чаю нальете, хозяйева?

— И даже печенья дадим.

Когда они уже пили чай и обменивались с Виком новостями, зазвонил Надин телефон. Ваня радостно гулькнул, увидев у матери в руках любимую игрушку, и был тут же сдан на руки отцу, после чего Надя ответила в телефон:

— Привет, Любаш.

Тут Ник почему-то отставил поднесенную ко рту чашку с чаем, чем Ванечка сразу же воспользовался. Хорошо, что чай был уже не горячий. В общем, они с Ваниной помощью пролили чай, потом вытирали стол и пол под возмущенные вопли малыша. Надя ушла разговаривать в комнату.

— Забирай хулигана, я чай допью. Ну, что там у Любы случилось? — интересуется Вик, когда супруга возвращается на кухню.

— Да со своим очередным ругается в дым, — морщится Надя. — На извечную Гамлетовскую тему: дать или не дать?

— Замуж ей пора.

— Пусть погуляет, — усмехается Надя.

— Чую, догуляется она... — с видом закоснелого брюзги парирует Вик. — Вашу сестру надо как можно раньше окольцовывать.

— Но-но-но! Разговорчики в строю!

Вик в ответ лишь ухмыляется.

— А очередной — это который?

— Марк.

— Это тот тощий белобрысый хмырь, в которого Ванька плюнул?

— Ага, — хихикнула Надя. — И потом — кто бы говорил! Ты сам-то... огромный толстый брюнет, можно подумать.

— Но я и не тощий!

— Это точно. Тебя все-таки откормили за год семейной жизни, — ехидно встревает Ник.

— Да его что корми, что не корми... Не впрок.

— Все равно он противный. Какой-то скользкий тип, — упорствует Вик. — Пусть Люба его на фиг посылает. Он нашей девочки недостоин.

— Ты хуже папы! — Надя так знакомо закатывает взгляд к потолку. — Мало ли что противный. Может, Любе он нравится. Не тебе с ним спать.

— Хорошо, что я уже поел. Ты как скажешь...

— Ой, какие мы впечатлительные. Вик, а ты помнишь, какой завтра день?

— Помню.

— И?

— Букет роз?

— Нет!

— Коробка конфет?

— Я на диете!

— Ммм... Плюшевый мишка с сердечком?

— Витя... — предупреждая.

— Флакончик Rose Lumiere?

— Укушу!

— Ладно-ладно, я понял. Позвоню маме, она завтра посидит с Ваней, а мы куда-нибудь сходим, да?

— Да! — звонкий поцелуй в щеку.

Когда видишь чужое счастье так близко, обмануться невозможно. Они действительно счастливы, любят друг друга и счастливы. Кто бы мог подумать, что одна из сестер Соловьевых может сделать счастливым обыкновенного парня, вроде Вика. Или его самого.

Марк доставал ее просто ежедневно. Так дальше нельзя. Надо или послать его к черту и разрывать отношения. Или... или соглашаться. Потому что это уже реально даже не смешно.

Не хотелось делать ничего. Почему ее просто не могут оставить в покое все?! Почему все в этой жизни происходит не так, неправильно, наперекосяк?!

Марк поставил ей завуалированный ультиматум. Очередная пафосная дата — День всех влюбленных. На Новый Год не вышло, так вот теперь новая идея-

фикс. И она согласилась. По одной-единственной причине. Потому что ей пришла в голову странная мысль, что если она пошлет Марка к черту, то это будет вроде бы как из-за Ника. Нет уж, такой чести звероящер недостойн!

И вот теперь они будут отмечать День всех влюбленных у Марка дома. Понятное дело, что все это только повод для того, чтобы наконец-то затащить ее в постель. Исключительно из вредности она утром надела самое скромное белье, что нашла в шкафу. Эх, жаль, нет у нее в гардеробе таких теплых байковых панталон до колена, желательно, отвратительного розового цвета. Вот это был бы сюрприз дорогому Марку! Люба посмотрела на себя в зеркало и отвернулась. При мысли, что он будет вот так же смотреть на нее в одном белье, а потом и вовсе без — передернуло. Почему мысли об интимной близости с одним вызывают отвращение, а с другим... С другим вообще какая-то непонятная хрень!

Второй раз боль была почти терпимой. Но зачем она вообще — эта боль?! Несправедливо. Потому что до определенного момента ей с ним было хорошо. Даже очень... хорошо. И однозначно хотелось большего. Только вот это большее и во второй раз обернулось болью. Странная эта штука — секс. Странная и непонятная. И хорошо, и больно одновременно. Хотя, возможно, дело действительно... в крупногабаритности звероящера. И с Марком все будет иначе. Люба зажмурилась и негромко застонала. У кого бы спросить... Кто бы научил ее, как вытерпеть близость мужчины, который вызывает такое отвращение?! И отказаться уже не может. Потому что... потому что звероящер недостойн такого — чтобы из-за него отказывались! Чтобы быть единственным. Больно много чести ему!

Она сказала: «Не звони мне!». А он и не будет. Но просто так он это оставить не может уже. Какого-то дьявола он не может оставить это все так. Так... неправильно! И Марк там этот... ну-ну...

Люба вышла из здания, где находилась ее работа, под руку с каким-то типом, держа огромный букет красных роз. Красивая. Улыбающаяся. С другим. Он шагнул вперед, даже не думая, что скажет. Просто чтобы...

— Привет.

— Николай? — у нее абсолютно чужое выражение лица, и тон такой церемонный, будто они едва знакомы. Забыла, как голая лежала под ним? — Какими судьбами?

— Вы кто, простите? — пыжится тип рядом.

— Инструктор по рукопашному бою, — он в одно движение оттирает типа от Любы. — Любовь Станиславовна, вы забыли, что у нас сегодня урок?

— Колька, ты охренел?! — с нее махом слетела вся ее напускная церемонность и холодность. — Какой урок!?

— Третий бесплатный, — он забрал у нее букет и всучил в руки оторопевшего от его натиска хмыря.

— Какие уроки? О чем вообще речь? — негодует тип. — Любушка, объясни мне, что происходит?

Хрен тебе, а не Любушка!

— У Любви Станиславовны сегодня по плану урок самообороны. Отменить невозможно. Все заранее согласовано, не так ли, Любовь Станиславовна?

— Коля... — у нее совершенно потрясенные глаза. — Ты пьяный?

— Я не пью. У меня режим. Все, не будем терять время, — он схватил ее за руку. — Всего наилучшего.

— Эй, погодите! Люба!

— Или ты идешь со мной сама, — он наклонился к ее уху. — Или я к черту унесу тебя на руках. Предварительно сунув этого типа башкой в сугроб.

— Ты... ты... ты... — у нее совершенно не находится слов для хоть сколько-нибудь связного ответа.

— Все, время не ждет!

Она едва успевает перебирать ногами, Ник ее буквально тащит. А Марк так и остался стоять там, удовлетворившись ее невнятным: «Ах, да, урок... Я и забыла». И кто Марк после этого? Не мужик точно! Один размазня, другой звероящер! Вот за что ей это?!

— Ты мне так руку выдернешь!

— Извини, — не разжимая ладонь. — А мы и пришли, собственно.

— Куда?

— К машине.

И тут она начинает хохотать. До слез. Нервное напряжение отпускает, наверное. И, несмотря на возмутительное неандертальское поведение Кольки, отчего-то вдруг становится легко и хорошо. Она не хотела этого, в самой глубине души не хотела. А он пришел и спас ее. Принц Звероящер на красном Daewoo Matiz. Люба снова, едва успокоившись, начинает уже сдавленно хихикать.

— Чего ты ржешь? — тон у него вроде бы как обиженный, а глаза улыбаются.

— Ой, спасибоооо... насмешиииил... — она аккуратно убирает выступившие в уголках глаз слезы. — У тебя ноги из-под днища не торчат? Чем ты думал, когда такую машину выбирал?

— Она не моя. Варькина. Хотя, вообще-то, нам родители одну на двоих машину обещали купить, — он пиликает сигналкой. — А потом... В общем, на тот момент, когда они собрались машину брать, я лежал в больнице под капельницей. И Варвар выбрала, как обычно... лучший вариант для нас обоих. «Коля, ну ты же знаешь — я боюсь больших машин!», — весьма удачно передразнил он сестру. — А то, что я в маленькие не влезаю — об этом она не подумала. А отец сказал, что это мои проблемы, что у меня есть мотоцикл, а гараж не резиновый, и вообще... В общем, вот такая вот история с этой машиной, — невесело заключил он.

Люба вдруг перестала смеяться. Кое-что в его словах зацепило ее, и конкретно.

— Под капельницей? А... зачем? Почему? В смысле, я не знала, что у тебя что-то серьезное было со здоровьем.

— Да так, ерунда, — он отмахнулся. — Садись в машину.

— Нет.

— Люба... — он вздохнул.

— Ты первый, — она демонстративно сложила руки на груди. — Хочу посмотреть на это шоу.

Ник не выдержал и улыбнулся.

— Твое право. Если верить Варьке, — тут он еще раз вздохнул, — это действительно смешно.

Садился он в машину спиной вперед. Потом наклонил голову, и лишь затем втянул внутрь салона свои длинные ноги.

— Эй, шеф, — Люба наклонилась, заглядывая в машину. — А там для пассажира вообще место еще есть?

— Садись, давай, — усмехнулся Ник. — Счетчик включен.

— Ну, и куда мы едем?

— Ко мне домой.

— Чай пить? — как можно ехиднее.

— Вроде того.

— Слушай, ты, инструктор... по рукопашному бою! Ты, между прочим, сорвал мне свидание! С моим постоянным молодым человеком!

— Угу. С постоянным молодым человеком. Станные у вас отношения, скажу я тебе. Учитывая... хм... ряд обстоятельств.

— Не твое дело! Между прочим, мы планировали сегодня... — тут она краснеет, понимая, что сказала явно лишнее.

— А до сегодняшнего дня вы что... не?...

— Самойлов!

— У вас было что-то или нет?

— А с чего ты взял, что у тебя есть право задавать мне такие вопросы?! — она снова заводится и хочется скандалить. Какие-то американские горки с настроением в последние полчаса — то злость, то смех.

— Нет у меня такого права, — ровно соглашается Ник, не отрывая взгляд от дороги. — Так было или не было?

Она молчит какое-то время. А потом вдруг, тихо:

— Нет. Не было. После тебя никого не было. И вообще — не было...

Ему приходится отвернуть лицо к боковому стеклу — сдержать довольную улыбку невозможно.

— Но учти! Это еще ничего не значит! И не мечтай — я не собираюсь больше... потакать твоим капризам! Если ты думаешь, что тебе стоит только щелкнуть пальцами — и я тут же...

— Тут же — что? — темно-рыжая бровь прямо-таки сардонически вздернута.

— Тут же брошусь к тебе в постель! И не рассчитывай! И вообще... — у нее внезапно заканчиваются слова.

— Зачем ты тогда со мной едешь?

Вопрос кажется настолько неприкрыто издевательским, что Люба задыхается от возмущения.

— Знаешь, что?! Не знаю, что ты там себе вообразил, но ты мне противен! Я не хочу тебя, понял?! Останови машину! Немедленно!

Удивительно, но малолитражка тут же резко принимает вправо, прижимается к обочине. Но открыть дверь Люба не успевает — его руки обхватывают ее лицо, а губы запечатывают рот. Вот и продолжай дискуссию в таком невыгодном положении!

Конечно же, она не собиралась так просто это спустить ему с рук. И не планировала отвечать. И даже хотела сопротивляться, не разжимая губ и

упираясь ладонями в плечи. Все без толку. И спустя минуту салон оглашает первый тихий стон. Делай это, да, вот так! Ты знаешь, как мне нравится...

— А теперь, — он все-таки оторвался от ее губ, но дыхание уже привычно тяжелое, — скажи это еще раз. Скажи еще раз! — он буквально рычит. — Скажи, что я тебе противен, и ты меня не хочешь!

— Скотина!

— А ты-то как меня бесишь!

— Звероящер!

— Стерва!

Красная малолитражка резко, с пробуксовкой колес, трогается с места, вливаясь в поток машин.

— Кем ты меня считаешь? Своей личной игрушкой? Ты полагаешь, что если ты... ты стал моим первым, то теперь я обязана быть с тобой, исполнять твои прихоти?! Что ты имеешь право вот так вот врываться в мою жизнь, хватать и тащить куда-то, лишь потому, что тебе... тебе приспичило?! Я только этого достойна в твоих глазах?! Знаешь, я такого от тебя не ожидала. Если бы я знала, что ты будешь так обо мне думать, я бы никогда... Не думала я, что все выйдет вот так! — она начала говорить зло, на нерве, заводя себя, но отчего-то не вышло выдержать этот тон и последние слова звучат обиженно-горько.

На протяжении всего ее гневного монолога он стоит, низко опустив голову, словно школьник перед распекающим его учителем. И лишь на последних словах резко вскидывается, а потом шагает к ней, такой расстроенной, такой беззащитно красивой. Прижимает к себе и произносит негромко:

— Нет. Все не так, как ты говоришь.

— А как?!

— Вот так, — первый нежный поцелуй приходится в висок. А потом — скула, веко, кончик носа и, наконец-то — губы. Все так же нежно и томительно неторопливо. Приговаривая между поцелуями, как наговор, как заклинание: «Вот так. Вот так». Вот так. И сопротивляться этой магии совершенно невозможно.

Он выложился на двести процентов. Прислушиваясь к каждому ее вздоху. Не сводя взгляда с лица. Замечая малейшую дрожь тела. Не позволяя себе, думая лишь о ней, только о ней. И отпустил себя ровно тогда, когда почувствовал, какая она мягкая и расслабленная в его руках. И не только в руках — там, где соединились их тела, она тоже перестала болезненно сжиматься, доверившись ему. И нет и следа слез на лице, и ее бедра так мягко подаются ему навстречу. Вот тогда он себя отпустил. Воздержание длиной в несколько месяцев, их с Любой два предыдущих раза, во время которых он только заводился как сумасшедший в холостую... В общем, оргазм его накрыл как хорошая волна: ослепил и оглушил. Таких ярких и сильных ощущений он и припомнить не смог — потом, когда способность соображать вернулась. А сначала просто лежал рядом и дышал, как выброшенная на берег рыба. Было нереально хорошо, и в тот момент ничего не хотелось. Вообще. Но потом он все же собрался с мыслями.

— Ты как? — он смотрит на нее, лежащую рядом с ним.

— Нормально, — она отвечает ровно, глядя в потолок.

— Нормально и...? — Ник поворачивается всем телом к ней, подперев голову рукой.

— И не больно, — все так же глядя в потолок.

— Не больно — и все?

— Ну... — она склоняет голову набок, прижимаясь к плечу щекой, будто с этой точки ракурс лучше. — В конце стало даже... немного приятно.

— Капец, — он со стоном откидывается обратно на подушку. — Вот сейчас у меня образуется комплекс неполноценности размером с Гренландию!

— Почему? — он все-таки умудрился оторвать ее от созерцания потолка.

— Потому что это самый большой в мире остров!

— Молодец! Садись, пять тебе по географии. А комплекс неполноценности-то тебе зачем?

— И без него бы прекрасно обошелся.

— Ну и?...

— Я лежу в постели с самой красивой девушкой, которую только видел в своей жизни. У нас только что был секс. И единственное, что она почувствовала со мной — это «в конце стало немного приятно». Кто я после этого? Лузер!

— Ну, извини, — невесело усмехается Люба. — Что ж делать... если я такая... невосприимчивая. Фригидная, видимо, — блещет познаниями. — Не зря же до таких лет... хм... в девках засиделась.

— Люб, ты несешь бред.

— Угу. А ты с Гренландией — образец адекватности.

Она снова переключает внимание на потолок.

Похоже, выбор у него очень простой. Или смириться с этим взглядом в потолок и «невосприимчивостью». Или попытаться шугануть своих тараканов. Ник вздохнул. Нет ничего труднее, чем бороться с собственными комплексами. Живучи, сволочи.

Глава седьмая, посвященная обоюдному сеансу психотерапии и его последствиям

Нет, он мог, в принципе. Когда опаздывал утром, мог за Варькой допить кофе из ее кружки. Или промокнуть лицо полотенцем, которым недавно пользовался после бритья отец. И даже особых неприятных ощущений не испытывал. Ведь это все-таки свои люди. Семья. Но в целом, одного непреложного факта это не отменяло. Ник Самойлов был довольно брезглив. «Патологически брезглив», — утверждал отец. «Он просто очень чистоплотный мальчик», — так пыталась

оправдать его мать. Они оба были правы. Ник действительно очень щепетильно относился к вопросу гигиены. В первую очередь, своей собственной. А что касается других... Он и в самом деле брезглив, что уж тут поделаешь. Причем, на работе это никак не сказывалась. Во-первых, там строгие санитарные нормы. А во-вторых... Это же дети, и они имеют право, и они, в конце концов, болеют, и именно поэтому... С взрослыми все обстояло иначе.

Такая классная штука, как секс, заставила его пересмотреть свои гигиенические требования к другим. Пришлось, потому что секс — слишком хорошая вещь, чтобы отказываться от нее из-за каких-то внутренних заморочек. Но некоторые табу у него укоренились под черепной коробкой прочно. Ему нравились поцелуи. Ему нравилась женская грудь — он вообще в девушках больше всего ценил именно красивую грудь и с удовольствием отдавал ей должное, если она того стоила — руками и даже губами и языком. Но к области женских... как он сам тогда сказал Любе «хм... гениталий» он предпочитал прикасаться исключительно предназначенной для этого частью собственного тела. Непременно облаченной в средство защиты. Только так. Глубокий петтинг и оральный секс были его персональными табу. Он просто не мог. Знал это точно — что не сможет прикоснуться к другому человеку... к девушке... там. Ртом. И даже пальцами, наверное. Но губами, языком — точно не сможет. Потому что он патологический — видимо, отец прав. Впрочем, ради справедливости стоит сказать, что сам он с удовольствием отдавался в умелые и ласковые женские руки и губы. Не настаивал, но если партнерша хочет — почему нет? Но сам... Нет. Нет. Нет! Намеки игнорировал, на прямые просьбы отвечал решительным отказом. Обычно особых обид и недопонимания это не вызывало. А вот сейчас... сейчас, похоже, он просто обязан сделать это.

— Ник, у тебя такое выражение лица... Ты теорему Ферма в уме решаешь? Или просто в туалет хочешь, но стесняешься сказать?

— Я не из стеснительных, — буркнул он. — И в туалет не хочу.

— А что тогда?

— Поцеловать тебя хочу.

— Слушай, — начала она нерешительно. — Я больше не хочу. Сегодня. Правда. Не принимай на свой счет, но...

— Помолчи, а? Пожалуйста, — легко прихватывая зубами ее нижнюю губу, — помолчи.

Он собирался с духом долго. Потом вдруг вспомнил, что он уже трогал ее там. В первый раз. Но тогда он просто обязан был... хоть как-то ее подготовить. Растянуть. И сделал это, даже не раздумывая. Ник вздрогнул от этого воспоминания. А ведь неприятно не было! Совсем. Даже, скорее, наоборот.

Его рука двинулась от груди, которую он только что с искренним удовольствием ласкал под аккомпанемент ее стонов. Вниз, по животу. Пальцы замерли все-таки, у самого начала тонкой полоски волос. Но потом... все же решился.

— Ник, не надо, — голос ее прозвучал как-то жалобно. — Пожалуйста, не надо...

Нет, мало того, что ему приходится с собой бороться, так и она ему еще сопротивляется!

— Пожалуйста, — он вернул Любе ее же слово. Нажал пальцами чуть сильнее.
— Пожалуйста.

Она совсем жалобно всхлипнула. И впустила его.

Узкая линия коротко подстриженных волос, наверное, темных — он не смотрел. Гладкая кожа по обе стороны от нее. А потом — только гладкая кожа. Влажная, теплая. Люба еще раз всхлипнула и попробовала свести ноги, но он

уже не позволил. Черта с два! Раз он зашел так далеко. Во всех смыслах. И зайдет еще дальше. Обязан. Отступить уже, пропади все пропадом, поздно!

В голове вдруг всплыли лекции по гинекологии на пятом курсе, на которых они ржали как идиоты и подкалывали девчонок-сокурсниц. Даже картинки соответствующие всплыли из памяти. И названия. Латинские, по какому-то капризу памяти! Вот это *labia majora pudendi*. Двинул дальше пальцами... потом должны быть *labia minora pudendi*. Оказывается, не так уж и страшно. Особенно, если воспринимать это как учебное пособие по анатомии женского тела. И в Любиной чистоплотности он отчего-то не сомневался. И еще странным образом помогало осознание того факта, что до него никто там не... что только он там... что это только для него и... Мысли стали путаться, он еще чуть-чуть шевельнул пальцами, Люба вздрогнула и...

Это все оказалось чистым враньем и не имеющими под собой никаких оснований мужскими байками. Что клитор найти трудно. Чего там искать? Вот же он — невозможно не заметить упругую влажную выпуклость под пальцами, как раз там, где и положено быть. Не думая толком, что делает, он погладил тихонько, и тут Люба совсем громко всхлипнула, изогнулась и выдохнула: «Дааа...». Именно в этот момент у него начисто вымело из головы всю латынь вместе с анатомическими пособиями. И заодно сорвало крышу.

Единственным его пособием стали ее стоны и всхлипы, перемежающиеся редкими словами: протяжное «Да», хрипкое «Вот так», требовательное «Сильнее!». И легкие движения бедрами навстречу его руке. И ее тонкие пальцы, сминающие простынь. Закрытые глаза, прикушенная нижняя губа, бисеринки пота над верхней. Редкие судороги, искажающие лицо. В какой-то момент он вдруг понял, что ему всего этого катастрофически мало. И сделал то, на что, как он полагал, неспособен — физически и психологически. Сделал это совершенно добровольно, легко. И с огромным удовольствием.

Ее пальцы переместились на его затылок, его — на ее соски, чуть сжав. А дальше... дальше все случилось так быстро, что он не сразу осознал. Что произошло с Любой. И что он явился причиной этому.

Она вздрагивала долго, все никак не могла успокоиться. А он лежал, прижимаясь щекой к ее животу — ошарашенный, опустошенный, не верящий еще до конца в произошедшее. Ни капли не жалеющий о том, что недавно сделал. И осознавший вдруг, что только что у него было самое яркое

сексуальное переживание — после собственной потери невинности, наверное. Да он, в каком-то смысле, еще раз сейчас лишился невинности. И это было круто. Это было просто офигенно!

— Люб... — он наконец-то подтянулся к ней наверх, попутно совершенно с другим чувством оглядев ее тело. С чувством триумфатора и хозяина. — Ты... тебе же было хорошо, да?

Теперь она смотрит в стену. Да что ж за наваждение-то такое! Чувство триумфа как-то поблекло.

— Да, — тихо, не поворачивая к нему лица.

— Ты... — он упрямо хочет услышать это от нее! Имеет право! Заработал. Да просто хочет, чтобы она это сказала. — Ты кончила?

— А что, так непонятно?

— Ну...

— Я должна обязательно это сказать?

Он начинает раздражаться. Что, это только для него, после всех его страхов и борьбы с собственными тараканами, все было ТАК? Только у него крышу сорвало?

— Я бы хотел услышать. Между прочим, я делал это первый раз в жизни! И... Например, я, когда делаю какую-то операцию в первый раз, вместе с Владимиром Алексеевичем... Вот, недавно делали — фундопликацию по Ниссену... Так он мне обязательно разбор устраивает — что так, что не так, на что обратить внимание. Вот.

У нее начинают дрожать плечи.

— Разбор, значит, нужен... Скажи мне, Ник, — она там, похоже, давится от смеха. — Врачи все такие потешные в постели? Или это ты один такой уникам?

— Понятия не имею, — отвечает он совсем обиженно.

А она, все еще посмеиваясь, наконец-то поворачивается к нему. Улыбающаяся, с румянцем на щеках, с прилипшей ко лбу темной прядью. Невероятно красивая. И вдруг порывисто прижимается к нему всем телом, прячет лицо ему в шею и сбивчивым шепотом на ухо:

— Очень, Ник. Очень хорошо было. Никогда так... Тоже в первый раз и... Спасибо.

От ее слов в груди становится тепло, даже горячо. Так, будто там распустилось маленькое персональное солнце. Он поворачивает голову, чтобы найти губами изящное ушко.

— Еще позволишь мне... так?

— Да, — отвечает она все так же тихо, смущенно, но уверенно. — Только не сейчас, наверное. Хорошо?

— Хорошо. А, можно, я сам тогда еще раз?...

Вместо ответа Люба целует его в шею и плотнее прижимается бедрами. Боже мой... Черт побери... Как же с ней офигенно!

Часам к восьми вечера следующего дня до него, наконец-то, дошло, что она ему не позвонит сама. Мало ли что он тоже привык, что обычно ему первому перезванивали. А не перезвонили — ну так и не больно надо. Но это же Люба Соловьева! Хрен она позвонит сама первая. А ему хотелось слышать ее. И видеть. И просто — хотелось. Весь день одергивал себя, заставляя сосредоточиться на работе.

Еще два часа он обламывал собственную гордость. А потом не выдержал и позвонил. Занято. Через пару минут — снова занято. Через пять минут — все еще короткие гудки. С кем можно столько трепаться по телефону?! Она взяла трубку только ближе к одиннадцати.

— Привет.

— С кем так долго по телефону разговаривала?!

Люба не торопилась с ответом. Он чертыхнулся про себя.

— С Марком, — наконец-то соизволила ответить.

— Ну и как? Наворковалась? — да что он несет?! Но остановиться не может — что-то вдруг стало остро жечь внутри.

— На х*р посылала.

Теперь замолчал он. Если Люба... Люба!.. с ее литературным образованием и редакторской должностью позволяет себе так выражаться... Он, конечно, рад это слышать, что уж перед собой-то притворяться, но, похоже, этот урод ее достал.

— Чего так долго? С первого раза не понял?

— Угу. И со второго.

— Бедняжка.

— Марк?!?

— Ты!

Она мягко рассмеялась. Он улыбнулся, устраивая удобнее голову на подушке.

— Ну, если что — я тебя в этом решении всецело одобряю и поддерживаю.

— Если что — твое одобрение мне не требуется. Ну, а ты, — она вытянулась поверх одеяла, — что полезного сделал?

— Ничего. Бездельничал. Лежу вот в постели. Вспоминаю. И... думаю о тебе.

Сказал и замолчал удивленно. Он никогда не говорил с девушками так. Об этом. О чем там разговаривать? Делать надо. Да он особо и не умеет — говорить, в смысле.

— А о чем... конкретно... думаешь? — голос ее звучит как-то странно. Будто он ее... взволновал своими словами. Ник прикрыл глаза и продолжил удивлять сам себя. И Любу заодно.

— О том, как ты лежала вчера на этой постели. Без одежды. Как ты выглядела, когда... Знаешь... подушка еще пахнет тобой, — ого, кажется его понесло. И ему это нравится, похоже.

— Самойлов, — она говорит как-то... с какой-то внезапной хрипотцой, — а ты в «сексе по телефону» не подрабатываешь?

— Что, узнала голос? — хохотнул Ник, ей не удалось застать его врасплох.

Люба ответно рассмеялась.

— Так это ты, мой могучий Супермен в облегающем трико, — произнесла она нарочито томно. — Твоя кошечка-царапка по тебе так скучала, сладкий.

— Я тоже по тебе скучал, — ответил вдруг он совершенно серьезно.

Снова она молчит. И снова он ругается про себя на свою несдержанность, внезапную откровенность. А потом она отвечает — так неожиданно, что у него перебивает дыхание от ее слов.

— Ник, знаешь... Мне... мне было очень хорошо с тобой. Правда. Ты хотел вчера, чтобы я сказала. Так вот, — она вздохнула, словно решаясь. — Я кончила вчера. Когда ты меня... — она все-таки задохнулась своими словами, их откровенностью. Ник не сдержался и выругался. Капец какой-то. Придется еще раз идти в душ. В холодный.

— Ты чего там ругаешься?

— У меня из-за тебя стояк, — сказал прямо. Удивляться уже перестал — тому, что говорит об этом. Тому, что его несет и, главное, в каком направлении. Этому совершенно новому желанию говорить с ней, хотя бы говорить с ней так откровенно. Раз уж нельзя Любу вот прямо сейчас подмять под себя и... Он застонал.

— Так все плохо? — он не знает, но ее там тоже несет. И она тоже там замирает от каждого слова, прижимая плотнее телефон к уху. И для нее это все тоже в первый раз. Вот такие откровенные разговоры. Раньше просто не было повода и не с кем. А с ним...

— Дискомфортно, знаешь ли! А мастурбация — это давно не наш метод. Так что придется страдать и терпеть.

— А что — когда-то это был ваш метод?!

— Все мальчишки делают это, — Ник ничуть не обескуражено хмыкнул. — В определенном возрасте. Но это было давненько и, боюсь, я уже порядком подзабыл технику.

— Кошмар, — он не видит, но она там теперь улыбается от уха до уха. — Вы ужасно порочны, Николя!

— А что, воспитанные дамы этого не делают?

— Фи! Конечно, нет! И, вообще, я не понимаю, о чем ты говоришь!

— Да? — Ник усмехается. — А скажи мне, Любаша, где сейчас твои руки?

Тут только до нее доходит, что свободную руку она неосознанно зажала между бедрами. Черт знает сколько времени назад, кажется, почти с самого начала разговора с ним. Но это не потому... не то... Она резко засовывает руку под подушку.

— А твои?!

— Одной рукой я держу вашу фотографию... а другой я думаю о вас...

Люба не выдержала и снова расхохоталась. Ник тоже, потом что-то сказал невнятно.

— Повтори, я не расслышала.

— Да это я не тебе. Ко мне тут заглядывают, интересуются, чего это я, как дурак, лежу в темноте и ржу.

— И что ты ответил?

— Что у меня сеанс секса по телефону.

— Поверили?

— По-моему, нет. Слушай, Люб... Давай, встретимся завтра.

— Давай, — нарушая все мыслимые и немыслимые правила кокетства сразу отвечает Люба.

— Только это... у меня завтра дома родители... в смысле, мы не сможем у меня...

— Самойлов! Я тебе только для секса нужна?!

— Нет. Давай в кино сходим, хорошо?

— Хорошо.

Нажимает отбой. Кто так с парнями говорит, Люба? Нельзя же! А плевать. С ним — хочется именно так. Нет никакого желания ломаться и кокетничать, а хочется ляпать, не думая. И смеяться. И слушать его смех. А еще — замирать от его неожиданных и откровенных слов. Она и предположить не могла, что Ник вот такой — может и рассмешить, и заставить сердце замереть. Наверное, она его плохо знает. А то и не знает совсем.

Кладет телефон на пол. Переворачивается на живот, морщась. Лень еще раз идти в душ. Может, удастся уснуть так? А подушка действительно пахнет ею...

Глава восьмая, в которой будет кино и... нет, не домино

Ей снова полезли в голову сравнения. Ник в этот раз опять на метро, а она давно привыкла к тому, что ее возят на машине. И билеты покупались не заранее, как это делал Марк, а перед самым сеансом — даже в очереди постояли. А потом пришлось оттащить Ника от стойки с покорном — он так упрямился, что вынудил ее даже ногой притопнуть. Ник смотрел на нее предельно изумленно: «Как это в кино без попкорна?». Но Люба была непреклонна, и Ник со вздохом уступил. Однако пива все-таки купил — себе, а ей — баночку спрайта.

И места были самые обыкновенные, не VIP, но хорошие, в середине зала. Фильм — какая-то заурядная комедия, среднесортная. Но ей парадоксально все это нравится — нравится так гораздо больше, чем с Марком. Потому что комфортно, удивительно комфортно с Ником. Кстати, о комфорте. Ник, развалившийся в кресле рядом, с бутылкой пива в руке, выглядел тоже совершенно расслабленным. Довольно смеялся непритязательным шуткам и комичным ситуациям, отпускал комментарии, которые зачастую были смешнее самой комедии. И не предпринимал никаких попыток как-то... Не делал ничего из того, что пытался делать с ней Марк на так нелюбимых ею VIP-диванах. И это ее к середине фильма стало уже всерьез расстраивать. Именно поэтому, когда его ладонь все-таки легла ей на колено, Люба не смогла сдержать довольный вздох. А потом, когда он этим и удовлетворился, продолжая увлеченно смотреть фильм, спустя пару минут, сама, с каким-то сладким

ужасом внутри, подвинула его ладонь выше по бедру. Сразу почувствовала, как он замер, мгновенно забыв и о пиве, и о комедии. Пальцы его дрогнули, погладили по ткани джинсов. Потом он сам двинул ладонью еще выше, почти до... Она неосознанно чуть развела ноги. Пальцы Ника сжались на ее бедре. А потом он резко убрал руку, наклонился к ее уху.

— Люб, не делай так. Я же не железный. И в итоге нас выгонят из зала.

Она довольно улыбается. Почему-то ни капельки не стыдно.

Из кинозала они вышли, как и положено, обсуждая только что просмотренное. Впрочем, фильм не стоил долгих обсуждений, и они как-то внезапно переключились на литературу — под раздачу попал Чак Поланик. Люба с удивлением поняла, что Ник в курсе, кто это — читал. И даже имел собственное мнение по поводу прочитанного. Каков наглец, а?

Итогом стала получасовая интереснейшая дискуссия, во время которой они куда-то шли — погода способствовала.

— Подожди, ты же только что, буквально пять минут назад, утверждал обратное?!

— Угу, — совершенно невозмутимо согласился Ник.

— Зачем ты сначала говоришь одно, а потом — другое?!

— Чтобы тебя послушать.

Люба не сразу нашлась, что сказать.

— В смысле?

— Ну, тебя очень интересно слушать. Ты в этом действительно разбираешься. Я много нового узнал. Спасибо.

Люба недоверчиво смотрит на него. Нет, комплиментами она была избалована, это правда. Больше, все же, комплиментами внешности, конечно. Но и ее умственным способностям тоже льстили. Именно благодаря своему уму Люба прекрасно знала цену этим комплиментам. Угу, ты такая умная, но сиськи у тебя лучше. И я скажу тебе все, что угодно, лишь бы ты мне дала. Да, именно так это все и обстоит, она действительно достаточно умна, чтобы понимать, что на самом деле стоит за реверансам в сторону ее интеллекта. Но не в этот раз. Нику нет никакой необходимости задабривать ее всеми возможными способами, лишь бы затащить в постель. Он уже все это получил. И от этого его слова были неожиданно очень приятными. Искренними.

— Люб, — прервал он ее размышления, похоже, совершенно не понявший, что только что сделал ей очень удачный комплимент и заработал пару бонусных баллов, — я все спросить хочу. А ты почему до сих пор права не получила? Удобно же? Да и машину вы в состоянии купить.

— Лень, — пожала она плечами. — И потом, всегда есть, кому меня возить.

Что-то неуловимо изменилось в его лице, появилась какая-то жесткость в губах.

— Угу. Я так и понял.

А ей стало вдруг очень стыдно за свой ответ. Чего выпендривается? И, главное, перед кем?

— Ник, — берет его под руку. И это почему-то очень приятно делать. — Поехали к нам? Чаю попьем. Поговорим.

— Чаю попьем? — у него удивленный вид. А в глазах...

— В нормальном смысле чаю! — она усмехается. — Папа сегодня шарлотку обещал к ужину.

— А... шарлотка... Шарлотка — это хорошо. Особенно в исполнении твоего отца. Ну, поехали. Если ты не стесняешься.

— Чего мне стесняться?!

— Ну... меня. Тебе же придется объяснять, где мы были. И почему я с тобой. А я же...

— Коля... — она смотрит на него с изумлением. И еще что-то там прячется под изумлением — от его искреннего тона и немного расстроенного вида. — Ты дурак. Вот дурак, честное слово!

— Угу. Ты уже говорила.

— Поехали! Я проголодалась.

— Я тоже. Ты же не дала мне попкорн купить.

— Николай! Вот это сюрприз! Редкий ты у нас гость, — Любин отец с искренним удовольствием протягивает Нику руку. А тому как-то вдруг становится немного неловко отвечать на рукопожатие.

— Добрый вечер, Стас Саныч.

— Какими судьбами?

— Мы в кино были, — отвечает за Ника Люба. — Теперь пришли шарлотку дегустировать. Ты приготовил, как обещал, пап?

— Конечно, — отвечает Соловьев-старший, обменявшись с супругой удивленными взглядами. — Мойте руки и проходите на кухню.

После чая с на самом деле вкусной шарлоткой они уединились в Любиной комнате. Там она устроилась на кровати, а Ник прошелся до окна, обернулся.

— Слушай, а ты помнишь... По-моему, это было лет в шестнадцать... Тебе тогда какого-то черта взбрело в голову пригласить меня на свой день рождения.

— На наш день рождения, — с усмешкой поправляет Люба. — Да, точно, помню. Одноклассница попросила.

— Да? А зачем?

— Понравился ты ей. Увидела у нас в альбоме на какой-то фотке и ныла — познакомь, познакомь... Не помнишь Марину?

— Помню, — улыбнулся он. — Так вот в чем дело было...

— Ну и что — было у вас что-нибудь потом?

— Неа, — он сел на кровать рядом. — Что-то я тогда застенялся. Молодой был...

— Ты умеешь стесняться? Не верю! — рассмеялась Люба.

— Правильно делаешь. Сейчас не умею. А в шестнадцать умел.

— Эк тебя жизнь потрепала.

— Угу.

— Коля, только без глупостей!

— Каких это? — он невинно округлил глаза.

— Будто я не вижу, куда ты смотришь!

Он усмехнулся без капли смущения.

— А зачем там такой вырез, если смотреть нельзя? И потом — что, ты тут никакими глупостями не занималась, в этой комнате?

— А то ты не знаешь, что нет! — сказала и тут же покраснела. Чего-то ей пока не хватает, чтобы играть с Ником в одной лиге. Впрочем, он с ответом не торопился, будто тоже смутившись.

— Знаю, — ответил негромко. — Ну, просто можно же... ну, поцеловаться, пообжиматься, потискаться... Неужели не приводила сюда мальчишек?

— Нет, — ради разнообразия она решила гордо задрать нос. — А ты, что, водил к себе?

— А то!

— Ну и как? Что — и не застукали ни разу?

— Почему же, — Ник совершенно плутовски усмехнулся. — Палился пару раз. Один раз совсем по-крупному. После того случая и завязал с этим делом. Ну, массово, по крайней мере.

— Да ну?

— Угу. Это хорошо еще, что меня со спущенными штанами батя застукал, а не мать.

— Ну, просто герой-любовник, — рассмеялась Люба. А потом вдруг перестала смеяться под его пристальным взглядом. — Коля, только без глупостей, — повторила она, но без прежней убежденности.

— А я не могу без глупостей, — шепнул он ей. И в следующую секунду она уже оказалась верхом на его коленях.

Жадное соприкосновение истосковавшихся губ. Руки его мгновенно пробрались под ее трикотажную кофточку, он резко сдернул чашечки бюстгалтера вниз... Она не выдержала и застонала на сжимающее прикосновение его пальцев.

— Тихо! — приглушенно, но требовательно рыкнул он ей в губы. А потом и вовсе для надежности снова заткнул рот поцелуем.

Ей же было плевать на все. На то, что там за дверью родители, которые могут зайти в любой момент. На то, что это в принципе неприлично. Наверное, не стоило так затягивать с вступлением в нормальную половую жизнь. Потому что сейчас ей с непривычки просто сносит крышу. Но к этим выводам она пришла уже после, лежа вечером в постели. А в данный момент просто наслаждалась — тем, как он целовал ее, что делали его бесстыжие пальцы под ее одеждой... И пофигу на все!

Спустя какое-то время правая рука его опустилась вниз. С пуговицей он справился легко, застежка уже поддавалась сложнее. А вот засунуть свою

здоровенную лапищу в развал молнии на ее узких обтягивающих джинсах у него не получилось.

— Люба, привстань, — прохрипел он. Она послушно приподнялась, и его ладонь не без труда скользнула внутрь, сразу под трусики, и потом дальше, туда, где совсем влажно уже... Люба сдавленно охнула.

— Тише, тише... — он снова был вынужден применить заглушающий поцелуй.
— Не шуми, малыш... Вот так... Вот так...

Она тяжело дышит в такт движениям его пальцев. Потом не может удержаться — начинает тихонько раскачиваться, подаваясь навстречу его ладони. Теперь уже его очередь стонать вперемежку с чем-то нецензурным. А ее очередь затыкать ему рот поцелуем. Это просто какое-то безумие, ненормальное, неконтролируемое, невозможное...

Где-то совсем рядом, за дверью, рассмеялся отец, что-то сказал маме, она ему ответила. Ник резко дернул руку из ее джинсов, и они отскочили друг от друга как два бильярдных шара после соударения — Люба к окну, Ник инстинктивно рванул к двери — припереть плечом, если что, дать ей время привести одежду в порядок. Чем Люба и занялась поспешно. И все равно, несмотря на быстро застегнутые джинсы, вид у нее такой, что сразу понятно, чем она только что занималась. Но в комнату, на их счастье, никто не зашел.

— Люб... — он шагнул к ней.

— Не подходи ко мне!

— Прости меня. Я дурак.

— Еще какой!

— Черт!.. — выдохнул он. Привычно попытался провести ладонью по волосам, а вместо этого вдруг недоуменно уставился на собственную руку. Пальцы влажно блестели, а на тыльной стороне ладони вспухла пара широких царапин.

— Коля, что это?!

— О молнию твою поцарапался.

Они какое-то время молча смотрели друг другу в глаза. Потом первая нервно усмехнулась она. Потом улыбнулся Ник. А потом они рассмеялись оба.

— Слушай, правда, извини меня. Я...

— Ладно тебе, — она водворяет на место сползшую лямку бюстгальтера. — Можно подумать, я сопротивлялась и отбивалась. Но больше так не делай!

— Не буду, — покорно соглашается он. А потом, со вздохом: — Слушай, поеду-ка я, наверное, домой. От греха... подальше. Да и поздно уже, мне до дому час добираться. А завтра рано на работу вставать.

— Хорошо.

— Завтра созвонимся?

— Договорились.

А потом она стоит у окна, прижавшись лбом к стеклу, и смотрит, как он идет по двору — под легким, начавшимся недавно снегом. Руки в карманах пуховика, широкие шаги. И какое-то странное тоскливое чувство внутри в ответ на его удаляющуюся в темноту фигуру.

Стукнула дверь комнаты, Люба обернулась.

— Удивила ты нас, дочь.

— Чем?

— Мы не думали с отцом, что ты с Николаем так плотно общаешься.

— Да так, — пожала плечами нарочито небрежно, — в кино просто сходили.

— Понятно, — невозмутимо ответила мама. Потом вздохнула. — Послушай, Любаша, не повторяй Надиных ошибок.

— Мам, ты о чем?

— Коля — это, конечно, не Витя. Но не нужно использовать хороших друзей в корыстных целях.

— Это в каких таких корыстных?

— Ох, доченька, я все понимаю, бывает непросто с парнями. Но, думаю, у тебя-то ума хватит с Марком разобраться и без привлечения Коли.

— Да?... — она удивлена словами матери. Вот, значит, как они это поняли.

— Да. Уверена. А Коля слишком хороший парень, чтобы использовать его как пешку. Сама разбирайся со своими парнями, без привлечения Коли. Сама, девочка моя, сама. Так правильнее.

— Ладно, — нет никакого желания спорить и объяснять. — Я поняла, мам.

И к лучшему, наверное, что мать так думает. И не знает, что тут на самом деле происходило, в этой комнате, полчаса назад. Пешка, ага. Эта пешка ей тут только что шах и мат объявляла. И в плен брала. Ой, нет, сейчас, в мамином присутствии, об этом лучше не вспоминать.

Глава девятая, полная последствий трудовых будней и сказанных сгоряча слов

— Привет, Ник.

— Привет, Люба.

— Как дела?

— Торпидно, — он подошел к окну в ординаторской. Снег идет — крупными хлопьями.

— Тор... что? Это как? — опешила она.

— Без ярко выраженных реакций со стороны организма. Вялотекуще, в общем.

— Понятно, — она немного помолчала, обдумывая услышанное. Потом решилась. — Слушай, тор... торпеда ты моя...

А потом она снова замолчала. Потому что притяжательное местоимение «моя» по отношению к Нику прозвучало очень странно. И дело было отнюдь не в женском роде. А в самом факте... «Мой», «моя»... Принадлежащий мне.

Ник тоже молчал — видимо, так же «мою торпеду» переваривал.

— Я сказать хотела... Точнее, предложить. В общем, у меня сегодня дома никого не будет. Часов до одиннадцати точно. А, может, и до двенадцати. Родители на каком-то приеме-фуршете. Ресторан и прочий разврат.

— Разврат? Разврат — это хорошо.

На самом деле, пять минут назад он мечтал только об одном — доползти до дому и отрубиться. День просто жуткий, устал — физически, но больше эмоционально. К тому же, не высыпался в последние дни. Что изменилось? Она позвонила. Нет, спать он хочет по-прежнему. Но отказаться от этой возможности — слишком большое расточительство, учитывая их ограниченные возможности к такого рода встречам.

— Разврат будет у родителей в ресторане. А я тебя приглашаю на чай.

— Обожаю чай. Я тогда после работы сразу к тебе.

— Договорились. Только ты... — немного замялась, но потом решила продемонстрировать свою взрослость и ответственность, — в аптеку зайди — к чаю купи... чего-нибудь.

— Угу. Куплю. Ты ж не знаешь, какие... хм... торты нужны.

Люба не выдержала и хихикнула. Почему-то с ним даже на самые сложные и деликатные темы говорить легко.

— Да что там знать-то? Все просто, по-моему. King size? Или как — XXL?

— Какие мы грамотные, просто удивительно. Давай, я лучше все-таки сам.

— Ну, раз ты стесняешься... — Ник на другом конце трубки хмыкнул. — Сам — так сам. До встречи.

Нажимает отбой. Спать он меньше хотеть не стал. Но настроение определенно улучшилось.

Она все успела — принять душ, освежить гладкость кожи в нужных местах и даже пять минут потратить на выбор белья. Да, определенно, вот это. Весьма закрытый по крою фасон компенсировался возмутительно прозрачным кружевным исполнением. А еще ей нравились вот эти белые атласные бантики по бокам. Оглядела себя в зеркало. Даже себе она нравится. Ник должен оценить! Хотя... он может и не заметить. Люба улыбнулась своему отражению. Ей кажется, что она его уже знает достаточно для того, чтобы предположить, что так вполне может случиться. Ник определенно может поторопиться и просто не оценить всей этой красоты. И что? А она даже и не расстроится. Главное, что она чувствует себя уверенно. Она безупречна. Бросив последний взгляд в зеркало, Люба потянулась за джинсами. А интересно, как бы отреагировал Ник, если бы она его встретила вот так... в одном этом черном прозрачном кружеве?

И хорошо, что она не решилась реализовывать эту идею. Потому что выглядел Ник как-то так, что... Она даже не решилась его поцеловать. И он тоже не поцеловал ее. Вроде бы улыбается, а в глазах, уголках губ словно притаилось что-то. Она даже не знала, что сказать после привычного: «Привет». И выдала вдруг неожиданное — неожиданное с учетом ее только что весьма игривого настроения.

— Ты голодный?

— Не откажусь, если предложат, — он как-то виновато улыбнулся. — День просто сумасшедший сегодня, ни присесть, ни поесть.

— Плов будешь?

— Ооо... — простонал Ник. Причем практически с той же интонацией, что и в совершенно... другой, горизонтальной ситуации. — Плооов... от Стаса Санычааа...

— Давай, раздевайся, — усмехнулась она.

А после они все же оказались в ее комнате, на ее кровати. Но совершенно не так, как она себе это представляла. Ник привалился к стене, устроил ее привычно на коленях, спиной к себе, обхватил поперек живота и уткнулся лбом ей в шею. Выдохнул тепло.

— Люб... ты меня сейчас убьешь... и права будешь сто раз... но этот плов меня подкосил.

— Кончил в процессе поглощения плова?

— Я не кончил. Я кончился.

— Я всегда знала, что не выдерживаю никакой конкуренции с папиным пловом.

— Да не в тебе дело! — он повернул голову и теперь прижимался к основанию ее шеи щекой. -

Просто день сегодня выдался тяжелый... очень.

Ладно. Она справится. Она переживет. Ничего страшного. Ей только что отказали. Надо называть вещи своими именами — ей именно отказали! — и надо учиться принимать это. Наверное, так случается со всеми когда-нибудь в первый раз, рано или поздно. Наверное, для этого даже могут быть веские причины. А сейчас главное — сохранить лицо.

— Ник, — она старалась говорить ровно. — Ты не обязан передо мной оправдываться. Ты мне ничего не должен. Не хочешь — кто же тебя неволит...

— Любааа, — простонал он ей между лопаток. — Да какое там «не хочешь»! Просто...

А потом он взял ее за плечи и повернул лицом к себе. Несколько секунд смотрел в глаза, словно пытаясь прочитать там что-то. А потом поцеловал.

— Слушай... не надо... через силу... если ты устал...

— Поздно. У меня уже сменились приоритеты. Хочу тебя. Очень. Пожалуйста...

Он действительно не заметил черного откровенного кружева не ней. И случилось все довольно быстро и бурно. Но, самое главное — уже совсем не больно и даже приятно, очень даже приятно. И еще она определенно рассчитывала на продолжение. Сладкое продолжение — как в прошлый раз.

— Люб... выгони меня домой, а? Иначе я отрублюсь секунд через десять прямо вот тут.

Что-то перемкнуло у нее в голове на эти слова. И она сорвалась. Не на крик, нет. Негромко и расчетливо.

— Ну, в принципе, ты прав. Поел, потрахался. Что тут еще делать? Можно и домой ехать — спать.

— Люба...

— Я в душ, — она встала, нисколько не стесняясь своей наготы. Подняла с пола так и не оцененное белье. Спина прямая, подбородок вверх. — Дверь входную за собой захлопни.

Когда она вышла из душа, его в квартире уже не было.

Она злилась и негодовала две недели. Внутри все кипело. Сначала был стыд — никому она так себя не предлагала. Сама первая позвонила, откровенно сказала, чего хочет, а он... он... он!.. Она, можно сказать, из-за него с Марком рассталась! А этот... звероящер! Животное! Свое получил, и на нее ему плевать. Угораздило же ее с таким связаться! Ее добивались, еще как добиваюсь, ухаживали, говорили комплименты, дарили подарки. А досталось все тому, кто принимает это все, как само собой разумеющееся. Который ее нисколько не ценит. Люба, ты идиотка!

Потом она решила срочно ему отомстить. Найти по-настоящему достойного кандидата. Который оценит счастье, которое ему выпадет. Только вот стоящих, интересных парней в данный момент не было на примете. Она даже подумывала о том, чтобы позвонить Марку. Была уверена — он будет рад, если она вернется к нему. Но это было как-то... Не самая выгодная для нее ситуация. Хотя, если правильно ее подать...

В общем, Люба все еще была занята наполеоновскими планами восстановления своего поправленного достоинства, когда любимая сестра и ее муж показали ей картинку совсем под другим углом.

— Баженов, это твой сын! Так и норовит... — Люба со смехом выудила руку племянника из выреза своей блузки — Ваня, радостно причмокивая, всю уже шарил у нее в бюстгальтере. — Ванечка, там ничего вкусного для тебя нет. Я не мама.

— Ну, если не поесть, то хоть потискать, — ухмыльнулся Вик. — Пользуйся, сын, пока еще можно. А потом вырастешь — и за то же самое тебе будут говорить «Фи!» и бить по физиономии.

Обе сестры дружно рассмеялись.

— Надь, а чего Ник меня не дождался?

Люба резко перестала даже улыбаться.

— Сказал, что устал и поедет домой отсыпаться. Он и правда какой-то замученный в последнее время. Даже есть не стал.

— Неудивительно, знаешь ли. Я вообще удивляюсь, как у него нервов хватает на такую работу.

— Это точно. Слушай, а ты не в курсе, чем та история жуткая закончилась? Которую он в прошлый раз рассказывал?

— В курсе.

— И?

— Лучше тебе не знать, — поморщился Вик. — Действительно, страшная история. Не для ушей кормящей матери.

— Ну, хоть Ник не?...

— Да нет, он там вообще не при чем. Ну, просто сама ситуация, ты же понимаешь?

— Понимаю. Но он так переживал... будто это был его пациент.

— Да Колька только прикидывается толстокожим.

— Я знаю.

Ей потребовалась еще неделя на осознание того печального факта, что, похоже, она была неправа. Что она знает о том, каково это — быть врачом? В их семье к медикам относились с уважением — и тетя Даша, и дядя Глеб были прекрасными представителями этой профессии, и их нельзя было не уважать. Но какова оборотная сторона всего этого? Чем они платят за свой профессионализм?

А что, если в тот день у Ника... умер пациент?! Нет, Вик и Надя говорили, что это не его пациент, и вообще там что-то непонятное, но... Даже если он был просто свидетелем этого? А ведь разнообразные тягостные инциденты наверняка случаются у него в отделении — это же больница, там бывает всякое. Вот если представить, например... Если бы на глазах у Любы сбили ребенка на дороге. Она представила на секунду картину: летящая машина, визг тормозов, удар, маленькое тело подлетает в воздух и падает на асфальт. Кровь... У нее слишком богатое воображение! После такого у нее явно было бы очень подавленное состояние. А Ник... для него это вообще, наверно, как-то иначе. Он к этому ближе. Он... Люба не знает, что он там конкретно делает на работе, но если в целом... Человек спасает жизни. Пафосно, но, по сути, верно — вся его работа направлена на это. Делать все, чтобы дети жили и были здоровыми.

Она вспомнила, как резко поменялась по отношению к Нику сестра после рождения Вани и диагностирования у мальчика пупочной грыжи. Не самая сложная ситуация, как стало ясно потом, но тогда, в начале, Ник им здорово помог — в первую очередь, вправляя на место мозги Наде с Виком. А ведь для него это, наверное, самая рядовая ситуация — и такое у него каждый день, и разное, и тяжелее... А она изволила психануть, что с ней сексом не занялись так, как ей этого хотелось! Не удовлетворили девочку.

Тут разыгралась все-таки гордость. Если он был такой уставший и расстроенный, какого черта он к ней поехал тогда?! И тут же внутренний голос шепнул: «А если он хотел? Скучал? Может быть, каким бы ни был уставшим, а видеть все равно хотел? Может быть, рассчитывал на какую-то... поддержку с твоей стороны? Чтобы просто обнять, прижаться? Чтобы пожалели, приласкали? Вот как ты сама, тогда, в новогоднюю ночь? А ты...». А она повела себя как эгоистичная стерва!

Она ни разу в жизни не просила прощения. Нет, перед родителями виниться приходилось. Но перед парнями — нет! Никогда. И как подступиться к этому, просто не представляла. Хотя... в новогоднюю ночь она перед Ником уже извинялась. И он перед ней. И ничего страшного не случилось. Надо просто сказать это. «Прости меня, я вела себя как дура».

Люба смотрит на зеленую галочку в скайпе — напротив «Звероящера». Потом переводит взгляд на такую же зеленую «птичку» напротив «Варвара». Если бы Варя их тогда не застала утром, сейчас Люба могла бы как-нибудь ненароком порасспрашивать ее о брате. Но теперь, когда Варя видела... Люба снова смотрит на список контактов скайпа. Они сейчас наверняка рядом — в соседних комнатах, возможно. И Варя может встать, сделать несколько шагов и подойти к нему, прикоснуться, просто положить руку на плечо. Как Люба хочет отказаться на ее месте...

Вздыхает. Нет, скайп ей не помощник. Хамила в лицо — извиняться надо так же.

Владимир Алексеевич спихнул на него VIP-палату. Со словами: «Когда-то надо учиться». Имелось в виду — учиться искусству дипломатии и умению обхождения с «важными» пациентами. Для Ника, в виду его, по выражению

того же Владимира Алексеевича, «подросткового максимализма», все пациенты были равны. Различие он делал только с сугубо с медицинской точки зрения, но уж никак не с социальной. «Ничего, пора тебя начинать обтесывать, — такими словами заведующий пресек все возражения молодого ординатора. — Иди, работай». Пошел — куда деваться.

— Здравствуйте, меня зовут Самойлов Николай Глебович. Я лечащий врач вашего сына, — с этой дежурной фразой он зашел в палату.

Сидящая на кровати женщина обернулась и встала ему навстречу. Внимательно его осмотрела. Даже не осмотрела — просканировала. Он в ответ рассматривал ее. На вид — лет тридцать, ухоженная, без каких-то ярких, искусственных акцентов во внешности. Первое впечатление приятное. А вдруг — адекватная?

— Выйдите!

— Что?! — он моргнул от неожиданности.

— Вы и близко не подойдете к моему сыну!

Ник сразу понял — по тону, в котором явно сквозили истерические нотки, что спорить тут бесполезно. Однако, в первый раз с ним такое — чтобы даже ребенка осмотреть не дали. Ладно, пусть с этой дамой Владимир Алексеевич сам разбирается. А Ник вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Владимир Алексеевич, я понятия не имею, что ей в голову взбрело! Я успел только поздороваться — и меня вытолкали взащей. Честное слово, я не виноват!

— Да знаю я, — морщится заведующий. — Не в тебе дело.

— А в ком? — облегченно выдохнул Ник. — У нее с головой все в порядке?

— Лично я не уверен, но...

— А что она говорит вообще? Она как-то объяснила, чем я ей не угодил? Она не любит рыжих? Или высоких? Или всех, у кого фамилия «Самойлов»?

— Последнее недалеко от истины.

— Чего?!

— Дословно: «Его отец убил моего мужа. Я больше не позволю никому из врачей-убийц Самойловых подходить к моей семье».

— Ого... Как все запущено-то...

— Вот именно. Я хотел Глебу позвонить, да закрутился. Ты у него сегодня поинтересуйся тогда сам.

— Обязательно.

— Глеб Николаевич, позвольте вопрос?

— Спрашивайте, Николай Глебович. Только чаю мне налей, раз уж ты там рядом с чайником.

— Пап, — протягивая отцу кружку, — тебе фамилия «Луцык» о чем-то говорит?

— Нет. А должна?

— Гипотетически — да.

— Что-то не припомню. Это кто? Наш знакомый? Имя какое?

— Имя не знаю. Жену зовут Татьяна.

— Татьяна Луцык? Нет, не помню. Ааа... Луцык... Луцык... Да, точно, — отец отставляет в сторону кружку. — Сергей Луцык, да?

— Наверное. Вспомнил?

— Да. Покойник мой последний.

— Расскажи, — Ник устроился напротив отца за кухонным столом.

— Да под прошлый Новый год... Помнишь, тридцать первого какая метель была?

— Помню. Ты дежурил в прошлом году.

— Ну вот, этого Луцыка как раз тридцать первого часов в шесть вечера и привезли. Мне потом «ДПС-ники» картину рассказали — как все было. Занесло его, развернуло, вылетел на «встречку». И — в лобовую с «КамАЗом». А ты же знаешь — самое безопасное место при столкновении с «КамАЗом»...

— ...в кабине «КамАЗа», — закончил за отца Ник.

— Точно. Была б наша отечественная жестянка — был бы там фарш. А у этого Луцыка джип был хороший, немецкий. На стали немцы не экономят, подушки безопасности вкруговую, опять же. В общем, довезли живым. И даже шансы были у него — не скажу, что прямо много шансов, но мог бы выкарабкаться.

Я трое суток в операционной провел...

— Я помню прошлый Новый год, па.

— В итоге сердце не выдержало. Жировая эмболия вследствие множественных переломов.

— То есть — ты не виноват? — кому-то этот вопрос мог бы показаться обидным. Но отец и сын мыслили на одной волне. И Самойлов-старший принял вопрос как надо. Правильно.

— Врач всегда виноват. Так считают родные. Но объективно — нет.

— Тебя обвинили?

— Жена Луцыка грозила на меня в суд подать. Всю больницу спалить. Президенту написать. Киллеров нанять. В общем, чего только я не наслушался.

— Ясно.

— Нет, потом объявились другие его родственники — родители, старший брат. Они даже передо мной извинялись. Но, знаешь, людям надо кого-то считать виноватым. Так проще. А ты каким боком эту историю зацепил?

— Илья Луцык, пять лет, паховая грыжа. Мой пациент. Уже бывший. Отстранили меня от него.

— Ну надо же... — покачал головой Глеб Николаевич. — Бывают же совпадения.

— Угу. Она меня как увидела, особенно когда я представился — ее даже трести начало. Велела сыну убийцы ее мужа и близко не подходить к ее собственному сыну.

— Ну, что я тебе могу сказать... Держись подальше, у вас врачей в отделении достаточно.

— Мальчики, у вас что тут за совет в Филях? — на кухню заглянула Юлия. Посмотрела по очереди на серьезные, даже грустные лица мужа и сына. — Все в порядке? Глеб? Коля?

— Все в порядке, Юленька. У нас тут просто рабочий разговор. На профессиональные темы.

— Ну ладно, — она сделал вид, что поверила. Имея в семье двух таких мужчин, поневоле пришлось научиться иногда уступать. — Не буду мешать.

— Я, знаешь, чему удивляюсь, пап? Фамилия у нас не самая редкая... Как она так мгновенно вычислила?...

— Фамилия у нас, может, и не самая редкая, — усмехается невесело отец. — А вот наружность очень приметная — и у тебя, и у меня.

Ему казалось, что только-только заснул. И вот уже в густой сон врывается безжалостно шепот: «Николай Глебович!». И за плечо трясут — не слишком деликатно. Ник зевнул и сел на диване.

— Что случилось?

— У Луцыка из VIP-а температура. Жалуется на живот, маму зовет.

— А мать где?

— Так она сегодня не ночует в больнице — в командировку уехала. Нас специально предупредила — чтобы мы приглядывали за мальчиком.

— Ладно, — протер глаза. — Сейчас, иду. Температура какая?

Что-то непонятное, болит то ли в области пупка, то ли в правом подвздошье. Ребенок испуган, плачет. А пока Ник осторожно повторно пальпировал живот, мальчика вдруг внезапно и обильно вырвало. Ник резко встал, крикнув медсестре, чтобы убрала, стянул испачканный халат, вытер об него руки. Что же это? Картина атипичная, но что-то крутится в голове.

Спустя пятнадцать минут, вернувшись в уже убранную палату, в чистом халате, Ник был практически уверен в диагнозе. Аппендицит в этом возрасте — явление не частое, но не из области невозможного. Вопрос в том, что делать? Аппендэктомия — операция простая, он уже делал. Другое дело, что ему же строго-настрого запретили... Нет, это все несерьезно, конечно. Но, возможно, стоит подождать до утра, а там Владимир Алексеевич сам?... Зачем накалять ситуацию, он уверен, что мать Луцыка будет просто вне себя, если Ник посмеет тронуть мальчика без веских причин. Черт, ну почему это случилось именно в его дежурство?!

Илья Луцык лежал на кровати, бледный, с влажным от пота лбом. Он повернул голову в сторону вошедшего врача.

— Где мама? Я хочу к маме!

— Мама... мама придет завтра. Дай-ка я посмотрю еще раз. Тебя не тошнит больше?

Мальчик покачал головой. А вот едва прикоснувшуюся к его животу руку оттолкнул с громким криком: «Больно!». Ник резко встал. Нечего ждать. С перитонитом шутки плохи. Обернулся к стоящей в дверях дежурной сестре.

— Готовьте операционную.

— Николай Глебович, надеюсь, у тебя есть хорошие оправдания?!

— Есть. Лопнувший аппендикс — вот мое оправдание.

— Как — лопнул? Где? — Владимир Алексеевич чуть заметно побледнел.

— У меня в руках. Над лотком.

Заведующий шумно выдохнул.

— Ну, молодец тогда.

Ник сдержанно кивнул в ответ.

— Ты же понимаешь... — видно, что Владимиру Алексеевичу немного неловко. — Что тут такая ситуация...

— Понимаю. Но ждать до утра я не рискнул.

— И правильно сделал. С матерью я сам поговорю, как объявится.

На улице в лицо дунуло ветром — сырым и теплым. Совсем весенним. Ник поднял воротник бушлата. Мартовский ветер коварен, а он вчера поленился надеть дома шапку.

— Доктор, постойте!

Ему? Обернулся. Вдохнул. Ему. Эх, надо было быстрее домой собираться.

Быстрым шагом к нему направлялась Татьяна Луцык. Остановилась в метре от него, смотрит пристально. Будет полноценный скандал? Или просто быстренько проорется и разойдемся? Ник не выдержал и еще раз вдохнул. Чего молчим? Раньше начнем — раньше закончим.

— Слушаю вас.

— Мне Владимир Алексеевич сказал... — она начала негромко, — что вы сегодня ночью Илюшу прооперировали...

— Были показания, — Ник старался говорить ровно. — Я Владимиру Алексеевичу все объяснил. И он принял мои доводы. Кроме того, мальчик себя нормально чувствует. Я был у него сегодня в реанимации, — а вот последнее он напрасно сказал, наверное. Ему же строго-настрого запретили...

— Я знаю, — она говорит все так же странно, неожиданно спокойно. А Ник все подсознательно ждал повышенного тона, крика. — Владимир Алексеевич сказал, что аппендицит лопнул прямо во время операции. Что была реальная угроза воспаления брюшной полости. И даже заражения крови.

Ого, заведующий постарался — нагнал жути. Ну, и почти не соврал — так, чуть сгустил краски, может быть.

— Да, все верно, аппендикс лопнул. Поверьте, — Ник изо всех сил пытался, чтобы голос его звучал убедительно, — я бы не стал без веской причины трогать вашего сына. Но ждать действительно было нецелесоо...

— Простите меня, — она вдруг всхлипнула, шагнула к нему и...

Этот модный кашемировый шарф матушка ему подарила на Новый год. И теперь в него громко и не стесняясь рыдала мама Ильи Луцыка. А Ник просто не знал, что делать — стоял столбом. Ну не отталкивать же? И уже тем более — не обнимать.

— Вы простите... я на вас тогда накинулась... просто вы так похожи... — слышалось между всхлипами. — Илья — все, что у меня осталось после Сережи... а ваш отец не виноват, я знаю... просто... я так испугалась, знаете... ваша фамилия... как предвестник смерти... нет, не так... Господи, простите меня — несу всякую чушь...

Так продолжалось еще пару минут. Ник так и стоял все это время молча. Он понятия не имел, как на такое можно и нужно реагировать. Все, любые действия казались сейчас нелепыми и неправильными. Но когда мимо прошел, бросив косой любопытный взгляд, его коллега, Ник не выдержал, аккуратно взял плачущую женщину за локоть.

— Послушайте, Татьяна...

— Да-да, простите, — это «простите» у нее просто зациклило. Но отстранилась так же резко, вытерла щеки. — Я... я просто...

— Все в порядке, — так принято говорить, кажется?

— Да уж, теперь точно в порядке, — она вдруг усмехнулась сквозь слезы. — Это все нервы, правда. Это срыв, — она помолчала немного. — Знаете, наверное, это судьба. Я была несправедлива к вашему отцу. Судьба дала мне шанс исправиться. Правда, я им... своеобразно воспользовалась. Вы простите меня, Николай Глебович?

— Вам не за что... Да, конечно, — поняв, что так будет проще и быстрее.

— И перед отцом извинитесь за меня. Я знаю, что он сделал все, что мог. И даже больше, наверное. Я, правда, не уверена, что он помнит...

— Он помнит.

— Он очень... очень талантливый доктор. Просто... просто нам не повезло, — Татьяна прерывисто вздохнула. — Николай Глебович, могу я вас просить быть нашим лечащим врачом?

Он удивился, но решил не спорить.

— Да, конечно.

— Спасибо.

— Тогда, на правах вашего лечащего врача... Не знаю, сказал ли вам Владимир Алексеевич, но паховый канал я тоже подшил — чтобы два раза не резать.

— Вы замечательный доктор. Как и ваш отец.

Чудны дела твои, Господи. Так он думал, глядя в спину заходящей обратно в здание больницы Татьяны Луцык. А когда обернулся — тогда понял, что на самом деле они чудны теперь. Потому что в паре шагов за его спиной стояла Люба. Стояла, скорее всего, уже какое-то время. А у него сегодня образцово-показательные выступления, видимо. Он шагнул ей навстречу.

— Привет.

— Привет.

У нее слегка удивленный вид. И она невозможно хороша — румянец, растрепанные мартовским ветром волосы, ярко-синий воздушный шарф и клетчатое пальто с перехваченной кожаным ремнем тонкой талией.

— Это была мама пациента. Я... ее сына сегодня прооперировал, — он зачем-то посчитал нужным пояснить.

— Ясно. Часто у тебя... такое?

— Впервые.

— Впечатляет.

Она иронизирует? Серьезно? И вообще — зачем она здесь?

— Ник, послушай. Я приехала, чтобы... — Люба словно прочитала его мысли.
— В общем, я хочу попросить у тебя прощения.

Сегодня его день. Все у него прощения просят. Ник дернул плечом.

— Это не обязательно.

Но смотрит он почему-то в сторону. Ему ужасно идет это короткое двубортное темно-серое пальто, и даже торчащий из-за воротника капюшон неизменной толстовки — сегодня кирпично-красной — не портит.

— Ты хочешь сказать, что ты на меня... что я тебя... не обидела тогда? В нашу... последнюю встречу?

Он какое-то время еще смотрел мимо нее. А потом все-таки перевел взгляд на ее лицо. Губы дрогнули, и в лице его, в глазах вдруг появилось что-то совсем детское. Детское, растерянное и...

— Обидела.

Он сказал это так, что она просто не смогла устоять на месте. Снова на цыпочки, руки на шею, притянуть к себе и шепнуть в многострадальный кашемировый шарф:

— Прости меня. Пожалуйста, прости меня.

Руки его не промедлили ни секунды. Как же хорошо, что снова можно обнять ее! Как ему этого не хватало. Странно, неправильно и непривычно не хватало.

Они стояли так, обнявшись — стояли какое-то время. Наверное, на них пялились из окон больницы, наверное, кто-то из коллег и знакомых проходил мимо. Ему было все равно. Он стоял, прикрыв глаза и прижавшись щекой к ее виску. Хорошо. Просто хорошо. Как же хорошо...

Еще чуть приподняться, чтобы дотянуться губами до уха.

— Простил?

— Да что ты такое говоришь! — руки его сжимаются еще крепче. — Я тоже тогда... отличился. И ты прости меня, пожалуйста. Я просто тогда уставший был ужасно. И не надо было мне приезжать. Но я...

— Тшшш... Не надо... — выдохнула ему на ухо. А потом отстранилась. — Давай посидим где-нибудь, а? Поужинаем, поговорим? Я так... — она осеклась. Но несказанное «соскучилась» все равно будто бы прозвучало.

— Пойдем, — улыбнулся — немного растерянно и радостно одновременно. — Тут недалеко есть пиццерия. Ничего особенного, но не отравят точно.

Крупная рука в черной кожаной перчатке уверенно обхватывает изящную ладошку в ярко-синей.

Глава десятая, в которой говорится о настоящей мужской дружбе и о пользе, которую она приносит

Ей есть не особенно хотелось, но она все равно себе заказала, просто чтобы Нику не было неловко — он-то отсутствием аппетита традиционно не страдал. А ей, вместо того, чтобы кушать самой, почему-то хотелось смотреть, как ест он. Странное желание какое-то, абсурдное. Неприлично это — смотреть, как человек ест. Но хотелось.

А потом, когда они уже пили кофе, Люба попросила его:

— Ник, расскажи мне про эту женщину.

— Да это мама мальчика, которого я сегодня ночью оперировал.

— Вот и расскажи мне, почему она плакала у тебя на груди.

— Ну, если тебе это интересно...

— Очень.

На лице Ника отразилось явное изумление, но комментировать не стал, вместо этого послушно пересказал трагическую историю семьи Луцык.

Его рассказ Любу потряс. Особенно та часть, что касалась Глеба Николаевича.

— Господи, ужас какой. Несправедливо, что она его обвиняла. Я понимаю, что горе у человека. Но назвать твоего отца убийцей... — Люба покачала головой.
— Кошмар.

— И, тем не менее, — Ник пожал плечами. Дым от чашки с кофе искажал выражение глаз. — У каждого врача есть свое персональное кладбище. И у моего отца в том числе.

— А у тебя?

— Пока нет. Но оно обязательно будет. Иначе не может быть. А я пока морально готовлюсь... к его открытию.

Люба не знала, что на это сказать. На эти страшные, если вдуматься, слова, произнесенные ровным тоном. Просто не знала. И поэтому...

— Ник, как ты думаешь... — она придвинулась к нему совсем близко. — Если я тебя поцелую, как скоро нас выгонят?

— А ты поцелуй. А я попробую отбиться от охраны. Не зря же я восемь лет вольной борьбой занимался...

Наверное, на них снова пялились. Но ей, как и ему — плевать. Нет, она не позволила себе целовать его так, как хотелось. Просто нежные касания — в уголок губ, в верхнюю, в нижнюю. Сносило крышу от другого. Его пальцы пробрались под манжету блузки и гладили запястье — то размеренными круговыми движениями, то плотно потирая место, где бился пульс. Ровно такими же движениями, которыми он гладил ее совсем в другом месте.

Отстраняться пришлось резко, на клочках, остатках приличного воспитания хорошей девочки. Но руку ее Ник так и не выпустил, крепко перехватил запястье.

— Любаш... У меня есть вариант... как мне реабилитироваться за свой прошлый провал...

— Тебе не за что реабилитироваться!

— Есть за что. В общем, у меня есть друг. Со своей квартирой. Если ты не против, то я...

Люба слегка покраснела. Хотя... Чего уже стесняться?

— Не против.

— Я переговорю с ним, и тебе позвоню, хорошо?

— Ладно. Пойдем? Поздно уже.

— Пойдем.

— Проводишь меня домой?

— Люба! — он сказал это как-то даже не то, чтобы серьезно — строго. — Я, конечно, звероящер, но немного... прирученный. Что ты обо мне так думаешь, будто я совсем... хам какой-то невоспитанный? Конечно, провожу. Это даже не обсуждается.

— Ну, тогда пойдём.

В квартиру Ник отказался заходить. Зато был поцелуй прямо у двери, в темноте подъезда — страстный, горячий, так, как они не позволили себе в кафе. И было совершенно невозможно оторваться от его губ. Невозможно. Пока подлый звероящер не нажал вдруг на кнопку звонка. Вывернулся из ее рук, чмокнул в лоб, шепнув: «Так и до секса в подъезде недалеко! Я позвоню. Пока». И был таков — лишь быстрые шаги по лестнице. Люба едва успела перевести дыхание, прежде чем открылась дверь квартиры. Ей показалось, что отец что-то заметил странное в ее внешнем виде, но никак не прокомментировал. А ведь раньше она себе такого не позволяла. Таким приключениям место в жизни школьницы-старшеклассницы. Ну, в крайнем случае — студентки. А она — взрослая работающая женщина! Люба усмехнулась своим мыслям. С Ником она почему-то чувствовала себя действительно как чуть ли не школьница. Девчонка. Лет на шестнадцать. Видимо, побочный эффект от того, что ты вляпалась в сексуальные отношения с другом детства. И время будто пошло вспять.

— Денис Валентинович, приветствую.

— И вам не кашлять, Николай Глебович, — пробасил в трубку Батюшко.

— Как дела? Как клиентура?

— Сплошные приятности перед глазами и денежный дождь в карманы. И так — с утра до вечера.

Ник усмехнулся. Дэн в своем неизменном репертуаре.

— Ну, а если серьезно?

— Да как обычно — без потрясений и бурь. Ты как? Все детей потрошишь?

— Не всем же так повезло с призванием, как тебе...

Тут хмыкнул уже Дэн.

— Ладно, этак мы паясничать долго можем, а у меня прием, между прочим. Ты зачем звонишь? По делу?

— По делу.

— Излагай.

— Дэн, квартира нужна.

Денис демонстративно вздохнул.

— Вот сколько раз я тебе говорил, Самойлов — в твои годы стыдно жить с родителями!

— Зато удобно!

— Угу. А как потрахаться, так: «Денис, дай ключи от квартиры!». Несерьезно, Николай Глебович. Хочешь иметь свободу половой жизни — снимай квартиру. Или бери ипотеку. С твоими родителями это вообще вопрос несложный.

— Батя, не учите меня жить. Лучше помогите материально.

— Голодранец! Ладно. У меня послезавтра дежурство в отделении. За ключами сам приедешь. И помни мою доброту.

— Спасибо, о благодетель!

— «Спасибо» в карман не положишь и в стакан не нальешь. Я жажду грязных подробностей. Она хорошенькая?

— Она красавица, — и тут же хотелось себе рот заткнуть. Вот кто его за язык тянул?

Дэн хохотнул.

— Ты научился убедительно врать, Коля. А то я не знаю твой вкус. Тебе же главное — чтобы дала без лишних разговоров. А внешность — дело десятое. Никакой любви к прекрасному.

— Я тебя переубеждать не собираюсь.

— А вот это подозрительно. Ты возбудил мое любопытство. Не оставить ли мне включенной веб-камеру?...

— Не пересчитать ли мне тебе зубы?

— Не очень вежливо по отношению к благодетелю.

— Ладно, увидимся еще. До встречи.

— Бывай, Казанова.

Ник позвонил и сказал, что договорился. С одной стороны, это замечательная новость. Она безумно хочет остаться с ним наедине за закрытыми дверями, только он и она, и чтобы не мешал никто хотя бы несколько часов. А с другой — это так... неприкрыто, откровенно. Встреча ради секса. Неужели это нормально? Тело сладостно предвкушало встречу, чувство собственного достоинства упрямо бунтовало. А Любе хоть разорвись!

Они условились, что она заедет за ним на работу, а оттуда поедут уже вместе. На место... хм... свидания. Ей так не удалось найти мир самой с собой. Внутренний голос шептал гадости, среди которых были такие слова как «бесстыжая» и даже «шлюха». Затыкался внутренний голос лишь когда она представляла, как Ник, обнаженный и напряженный, накрывает ее тело своим. Чуть остановку нужную не проехала, замечтавшись! А стоило выплыть из тумана чувственных мыслей, как злобный внутренний голос затянул снова о том, достойна ли уважения та, которая так безропотно соглашается на интим — безо всяких прелюдий, ухаживаний, хотя бы флера приличий! Взять хотя бы прошлый раз... Как она докатилась до этого?! В общем, до Ника она добралась в состоянии войны сама с собой.

В последнее время жизнь его представляла череду совпадений: события просто не приходили в нее поодиночке, а непременно парами — чтобы нескучно было. Событиям. И ему заодно.

Ник стоял на крыльце и ждал Любу. Она опаздывала, но его это не удивляло. Он был готов ждать столько, сколько нужно.

— Николай Глебович! — его окликнули. Он обернулся. Нина Гавриловна. И не одна.

— Вот, знакомьтесь. Дочка моя, Альбиночка. А это наш молодой, но очень перспективный доктор — Николай Самойлов, я тебе рассказывала, доча.

— Привет, — Альбина улыбнулась. Взгляд ее был определенно оценивающий. Сначала. А потом — заинтересованный.

— Привет, — а она ничего. Правда, черты лица простоваты — ни безупречных скул, ни изящного тонкого носа, ни бездонных синих глаз. Более крупная фигура — такую не страшно обнять покрепче. Макияж кажется ярким, а духи — слишком резким. Вот черт! Ник чихнул. — Извините, — убирая от лица ладонь в кожаной перчатке. — Простыл, наверное. Рад знакомству, Альбина. Твоя мама много о тебе рассказывала.

— Надеюсь, хорошее? — тон ее определенно кокетливый, да и прицельная стрельба глазами говорит сама за себя.

— Ну, мама разве плохое скажет про своего ребенка? — он улыбнулся как можно нейтральнее.

— Альбина у меня золото! — поспешила прийти на помощь Нина Гавриловна.
— Вот, решила меня развлечь — в кино старушку-мать вывести.

— Ай-ай-ай, — рассмеялся Ник. — Нина Гавриловна, вам напомнить как «старушка» на новогоднем «корпоративе» цыганочку с выходом плясала? Да так, что все отделение хлопало?

— Ох, вспомнил тоже! — Нина Гавриловна совсем по-девичьи зарделась. А потом вспомнила о своей цели. — А я вот думаю, что негоже симпатичной девчонке с матерью в кино ходить — коли есть с кем другим.

На него уставились две пары выжидающих глаз. Намек был толщиной с бревно. Сделать вид, что он не понял, просто не получится.

— Вы... хм... извините, но у меня...

Ладони в ярко-синих перчатках закрыли ему глаза.

— Угадай, кто?

Он обернулся. Люба.

— Я опоздала? Ну, прости меня, малыш! Отвыкла от общественного транспорта.

А потом его неожиданно, демонстративно, но все равно чертовски приятно поцеловали.

— Ник, познакомь нас, — Люба какая-то странная. И обе женщины напротив смотрят на нее как-то... неприязненно. А вот он — любитесь. Идеальные ножки сверху обтягивает трикотажное платье, снизу облегают изящные сапожки. Короткая кожаная куртка и обманчиво небрежные темные волосы, в которые смертельно хочется запустить пальцы — до зуда. Кажется, выражение лица выдает его с головой.

— А... хм... знакомьтесь. Это Нина Гавриловна, наша лучшая операционная сестра. И мой личный ангел-хранитель. Присматривает за мной по доброте душевной. И... А это Альбина — дочь Нины Гавриловны.

— Здравствуйте, — Люба мило улыбнулась. — А я Люба, девушка Коли.

Глаза Ника обрели размеры и форму чайных блюдец. А Люба продолжила, обращаясь уже к снова ему, на добивание:

— Пойдем, солнышко? Я ужасно... проголодалась.

«Блюдца» распахнулись еще больше.

— Да, конечно, пойдем. Всего хорошего, — кивнул неловко Нине Гавриловне с дочерью.

— Ну, знаешь ли! Стоит тебя на пару дней одного оставить — и ты уже намылился налево!

Ник остановился как вкопанный. Она что... ревнует его?

— Люба, да я ее сегодня в первый раз в жизни увидел!

— Ты же сказал, что она твой личный ангел-хранитель!

— Я Альбину имел в виду! Ее я в первый раз сегодня увидел!

— Ну-ну... — Люба постукивает пальчиками по ремешку сумочки на плече. — А что это она на тебя глядела, как кот на сметану, только что не облизывалась?!

— Слушай, да ты... — Ник смотрел на нее, не веря в то, что она... Неужели и в самом деле... ревнует?! Рассмеялся — легко, счастливо. — Сметана в этом не виновата, если что!

— Пошли уже, сметана! — она берет его за руку. — Молочные продукты — они скоропортящиеся, между прочим. Как бы не... скисла сметана.

Изящные пальцы в ярко-синей кожаной перчатке уютно покоятся в большой ладони в черной.

Это был порыв — сиюминутный, неконтролируемый. Она сразу поняла, что Ник нравится это девице в вульгарном пальто. Почувствовала — не пойми чем. И желание показать... да что там... надо называть вещи своими именами — застолбить территорию — было невозможно сдержать. Хотя, имела ли Люба право? А, все равно — раскаиваться не собирается. Но и обсуждать свое поведение с Ником тоже не хотелось. И вообще, это нахальство — смотреть на других, когда она рядом. Так что теперь... теперь, когда они приедут на место — пусть реабилитируется. Сам согласился, что ему есть за что. Она представила, как все будет — нежные губы, требовательные пальцы... по всему телу — долго, томительно медленно... и весь вечер и ночь впереди... Дыхание участилось. Она бросила на него косой взгляд. Он смотрел на нее. И, такое ощущение, точно знал, о чем она думает.

Щелкнул, закрываясь, замок входной двери. Они посмотрели друг на друга. И события понеслись совершенно по другому сценарию.

Полетели на пол шарф, сумочка, куртка, пальто. Разлетелась по углам торопливо скинутая обувь. Путаясь в ногах, запинаясь о брошенные вещи и не прекращая целоваться — до дивана. Раздеваться не было ни моральных сил, ни, главное, терпения — и вот трикотажное платье просто задрано на талию, жалобно затрещали то ли плотные колготки, то ли круженные шортики. От возбуждения горло схватило комом, и она даже сказать ничего не может. Но он понимает все и так. Легкий толчок мужской ладони ей в спину, коленями на сиденье, руками упереться — одной в спинку дивана, другой — в стену. Прогибается в спине как кошка, пустота внутри, его отсутствие там в данный момент — почти болезненно.

— Нииик...

— Сейчас... — хриплый низкий голос, шелест фольги и вот, наконец-то...

Уже успевшая позабыться острая боль полоснула изнутри.

— Ай!..

— Прости-прости, — он резко подается назад, не переставая сжимать ее талию.

— Черт, это поза такая — очень глубоко получается... Я сейчас, подожди...

Огромные ладони ложатся на ее ягодицы, обхватывая идеально плотно. Он снова подается вперед, упираясь пахом в свои руки, как в буфер. Наклоняется вперед, прижимается губами к уху:

— Так нормально?

— Да...

— Хорошо... — начинает двигаться — сильно и размеренно. — Я постараюсь не до упора... Если будет больно... не молчи... хорошо?...

Она только кивает. Все, навык речи временно утрачен. Двигайся, мой хороший, двигайся быстрее...

А потом они сидели рядом, тяжело дыша. Ник привел свое белье и джинсы в некое подобие порядка, она лишь просто одернула трикотажное платье вниз, до середины бедра.

— Даже раздеться не соизволили. Это и сексом-то назвать нельзя... — голос ее тихий, чуть громче его шумного дыхания. — Просто совокупление... как у животных.

— Ага, — довольно выдыхает он. — Классно было.

Лишь спустя пару минут до него доходит, что сказал он что-то явно совершенно не то и невпопад.

— Люба... — он находит ее ладонь на сиденье дивана. — Люб, ты же не...

— Знаешь, — она смотрит в сторону окна с короткими бежевыми не задернутыми жалюзи — Я раньше... до того, как получила реальный сексуальный опыт... Ну, я думала, представляла, как это может быть. — Голос ее звучит... как-то безжизненно. Очень размеренно, словно не было только что в этой комнате стонов, всхлипов, словно не она только что стояла на коленях на этом диване, умоляя его двигаться быстрее. — Мне всегда представлялось, что это будет на шелковых простынях. Цвет... ну, разный, в зависимости от настроения. Но чаще всего — либо темно-бордовый, либо черный. Да, почему-то, чаще всего, черный.

— Люба...

— И свечи обязательно по периметру комнаты, — она его словно не слышит. — Много-много свечей, пламя мерцает. И еще лепестки роз, — она то ли всхлипнула, то ли усмехнулась. — На кровати. На черном шелке красиво, наверное. И запах от них...

— Люба, послушай...

— И шампанское у кровати непременно — в серебряном ведре. И какая-то музыка... Хотя, насчет музыки не уверена. Вот такая вот банальщина, представляешь? Наверное, я просто перечитала слишком много всяких глупых женских романов. Да, точно. А на самом деле все... вот так.

— Люба, посмотри на меня. Пожалуйста.

Она послушно поворачивает голову. Нет слез в глазах. Даже нельзя сказать, что она расстроена или обижена. Хуже. Вот это едва читаемое напряжение в уголках губ. Этот вздернутый подбородок. И размеренный голос. И лед в глазах. В данный момент она презирает. Себя.

Накатило кристально ясное осознание, что он должен сию минуту что-то сказать, чтобы убрать эту горечь из ее глаз, губ, голоса. Будь проклято его

вечное косноязычие! Наверное, надо просто сказать, что чувствуешь. Уж как получится. Уж какими найдутся словами. Но молчать нельзя.

— Люб, ты хоть представляешь, что я чувствую?

— О чем ты? — волоски на руках дыбом встают от ее ровного безжизненного тона.

— Я... я понимаю. Правда, понимаю. Ты... ты достойна всего этого. Шелковых простыней, свечей, этих гребанных лепестков роз и шампанского! Наверное, это и правда круто! — перевел дыхание. Главное, не орать. — Но ты не представляешь... что со мной творится, когда я вижу тебя такой...

— Какой?

— Такой! Когда ты забываешь обо всем этом! — он обхватил ее лицо ладонями, не позволяя отвести взгляда. — Такой, какой ты была только что! Когда тебе плевать на все — на обстановку, на то, как это выглядит, на... на все! Когда только одно имеет значение для тебя. Я! Я, черт побери! Когда ты меня так хочешь, что забываешь обо всем! Ты хоть представляешь, что я при этом чувствую?!

— А что ты чувствуешь?... — что-то неуловимо изменилось в глубине синих глаз.

— У меня башню сносит, Любка... — он шумно выдохнул. — От тебя. От того, что ты меня ТАК хочешь. Пожалуйста, — он приблизил свое лицо к ее совсем вплотную, глаза в глаза. Погладил большими пальцами идеальные скулы. — Пожалуйста, не стыдись этого. Не стыдись НАС. Того, что между нами происходит. Того, что мы так хотим друг друга так, что нам плевать на все. Пожалуйста...

Она, словно замороженная, кивнула.

— Ты хочешь меня?

Еще один медленный, замороженный кивок, не отрывая взгляда от его глаз.

— Покажи — как?...

Они по прежнему смотрят в глаза друг другу, и он не видит. Но чувствует — как коснулось его бедра ее колено, отведенное в сторону.

— Да, вот так... — выдохнул ей в губы. — Ты же знаешь, что я сейчас буду делать?

У нее уже нет сил даже кивнуть — она просто опускается ресницы в знак согласия.

— Ты хочешь этого?

Еще одно движение черных длинных ресниц.

— И я хочу.

А потом он стянул с нее это серое трикотажное платье, щелкнул застежкой бюстгалтера. И она осталась совсем голой. Обнаженная, с закрытыми глазами и разведенными бедрами. С ума сойти. Такая откровенная в своем желании. Только для него — такая.

В одно движение стащил толстовку.

— Малыш, приподнимись.

Она послушно приподнимает бедра. Ник прикрывает толстовкой диван под ней. Последняя здравая мысль — если они испачкают светлый бежевый диван, Дэн его живьем съест. А потом он опускается на колени перед ней. Прощай, разум. Встретимся позже.

— Положи мне ноги на плечи.

Она упоительно послушна. А он подсовывает ладони ей под ягодицы, обхватывает идеальные полукружия, словно берет в руки чашу. И испивает из нее.

Во второй раз не так. В первый раз для него было потрясение, откровение. В этот раз — чистейшее наслаждение. Упивается влажной нежностью кожи, запахом... его вообще никак нельзя описать — только наслаждаться. Какой же он был дурак, что раньше не... Нет, не так. Где она была раньше, чтобы он мог познать это с ней? Потому что только с ней можно вот так. Оказывается, когда ты делаешь хорошо другому человеку — то и сам нереально кайфуешь. Постепенно что-то начинает туго закручиваться изнутри — на собственные движения губ и языка, на ее ответную дрожь и звук царапающих обивку дивана ногтей.

Категорически не хватает пальцев, но положение рук он менять не рискует — потому что... Потому что чувствует, что она скоро... Прихватывает губами то,

что сейчас более всего похоже на карамельку — твердую, гладкую, сладкую. И делает то, что с карамельками делать и положено. Ритмично, внутрь своего рта, поглаживая языком. Недолго.

Ее бедра неожиданно сильно сжимают ему шею, пятки твердо упираются куда-то в район лопаток, она выгибается навстречу, хотя и так они там плотно друг к другу. «Карамелька» пульсирует ему в губы. И тут его внезапно и остро накрывает собственное наслаждение.

Сил поначалу не было не то, чтобы встать — даже голову повернуть. Он так и стоял на коленях, еще вздрагивая, уткнувшись лицом между ее бедер. Ого, как бывает, оказывается...

— Ник...

Он, наконец-то, собрался с силами и поднял голову. Мелкие, осторожные, почти воздушные поцелуи... Люба попыталась свести ноги, но положение у нее для этого было совершенно невыгодное.

— Ник, иди сюда...

— Мне и тут хорошо, — продолжая легкие касания губами. — Тут такая красота...

— Ник!..

— Моя ссссбссственосссть, — целуя слева от влажной полоски темных волос. — Моя прелессть, — то же самое справа.

Люба вздрогнула — то ли от смеха, то ли от поцелуя.

— Ссссамойлов! Иди ссссюда! Я тебя потсссселую...

— Ну, ради этого только...

Вставать было непросто — сил, казалось, не осталось ни в руках, ни в ногах. Плюхнулся на диван рядом, потянул Любу за руку.

— Это ты иди сюда.

Она привычно устроилась на его коленях верхом, прижалась щекой к влажной груди. Он провел рукой вдоль ее спины. Идеальная. Совершенная. Его.

— Ну как, не стесняешься больше?

— Да позднѧк уже метаться, — хмыкнула Люба.

— Вот и умница, — коснулся губами виска. — Так и надо.

— Ник, а ты... ты не будешь... не хочешь... еще раз?

— Неа.

— А... почему?

— А я уже. Во второй раз.

Люба отстраняется. Огромные распахнутые изумленные глаза. Офигенное сочетание с ее наготой и расположением верхом на него коленях. Руки сами собой сползают вниз по ее спине.

— Как?!

— А вот так. Знаешь, когда мне исполнилось четырнадцать, отец подарил мне книгу. Издательства «Просвещение», — Ник ухмыльнулся. — Называлась она — «Популярная сексология».

— Многообещающее начало, — хихикнула Люба, устраиваясь удобнее на его коленях. — Продолжай.

— Сказал, что, вместо того, чтобы слушать байки пацанов постарше, лучше получить информацию из проверенного источника. Ну, я и засел за книжку.

— Книжка-то хоть с картинками была?

— Вот картинки как раз мне в ней не понравились. Никаких фотографий, черно-белые рисунки с кучей цифр и сносок — как что называется. А еще в разрезе... бррр...

— А чего ты про нее вспомнил?

— Да я там про такую штуку вычитал... И долго думал, что такого не бывает. Сейчас вот убедился, что автор не соврал.

— Ты о чем?

— Это называется оргазм без эякуляции.

— Эя... что?! Коля, я тебя укушу!

— Кусай, — он наклонил голову набок. — Вот сюда.

— Нет, я серьезно. Ты нормально выражаться можешь?! Без этих заумных слов?

— Хочешь сказать, что не знаешь, что оно означает?

— Нет. А должна?

— Кошмар! Половая безграмотность населения достигла ужасающих размеров. Эй! Нежнее кусай. И лизни теперь. Да, вот так. Так, о чем это я?

— Просветитель, блин, — Люба устроила голову у него на плече. — Что такое эта твоя «эя»-штука?

— Она не лично моя. Она достояние всего мужского населения планеты Земля. Эякуляция — это семяизвержение.

— Ясно, — тон у нее чуть смущенный. — А сразу нельзя было так сказать?

— Откуда же я знал, что ты такая темная?

Люба хотела было еще поспорить, но вспомнила о начале разговора.

— То есть, ты?... У тебя был... оргазм? Когда ты меня...

— Угу. Одновременно с тобой, практически. Из-за тебя, я бы сказал. Ну, только что не в тебя.

— Не стесняешься? — она подняла голову с его плеча и заглянула ему в глаза.

— Вот еще! — фыркнул Ник. — Было очень приятно, не так ярко, конечно, как с эякуляцией, зато трусы остались сухие. По-моему, все отлично.

— Ты... ты циник!

— Я реалист, — усмехнулся он в ответ. А потом, вдруг перестав улыбаться: — Спасибо тебе.

Она снова смущенно уткнулась ему в шею. Вздохнула.

— Ник, а я еще хочу тебя спросить...

— Спрашивай, девочка. Что ты еще хотела узнать о сексе? Дядя Коля тебе все расскажет... Да что ж такое! У меня синяк будет!

— Это тебе за «дядю Колю», педофил несчастный!

— Злюка, — нейтрализуя руки хулиганке на коленях. — Что спросить хотела, Любава?

— Меня так только папа называет...

— Как? Любава?

— Да.

— А мне можно?

— Можно. Слушай, скажи мне — чем от тебя пахнет?

— В смысле — пахнет? — он как-то сразу напрягся. — Плохо пахнет? Потом?

— Тьфу, дурак! — Люба еще раз ткнулась носом в шею, втянула воздух. — Хорошо ты пахнешь. Очень хорошо. Только я не могу понять, чем. Что за парфюм, а, Ник? Опознать не могу.

— Я не пользуюсь парфюмом.

— Гель для душа?

— Нет.

— А... а чем пахнешь?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Собой. А еще, наверное, детским мылом. И тальком.

— Ты пользуешься детским мылом и тальком?!

— Да.

— Почему?

— Потому что ничего другого мне нельзя.

— Почему?!

— Потому что я больной.

— В каком смысле?!

— В прямом.

Глава одиннадцатая, в которой содержится история болезни, а так же иные медицинские и физиологические подробности

— Коля?!

— Да не беспокойся, ничего заразного.

— Рассказывай.

Отец утверждал, что причина была в том, что Ник из-за своей патологической чистоплотности просто смыл с себя весь иммунитет. Или наложился тяжелый грипп, выкосивший к черту остатки все того же иммунитета. И еще новое средство для обработки рук перед операцией. Или еще что-то... Ник терпел несколько недель. Сначала думал, что ему кажется. Потом надеялся, что

пройдет само. Потом терпеть стало уже невозможно — дождался того, что коросты расползлись по всему телу — вплоть до головы. И пришлось все же сознаться отцу. Тот заставил его раздеться догола, оглядел внимательно и выдал мрачно: «Кретин». После чего схватился за телефон, позвонил какой-то Анне Самуиловне, и в тот же день Ник загремел в «кожвен». К сифилитикам и чесоточникам. «Так тебе и надо», — отрезал отец. К слову сказать, на тот момент Нику уже было все по барабану. Сильнейшая интоксикация, неделя под капельницей. Голову обрили налысо, кожа с него слезала струпьями неделями, строгая диета, похудел на десять килограмм за месяц. Страшен был тогда — исхудавший, с темными кругами вокруг глаз, лысый, в лохмотьях отмирающей кожи.

— Вот тогда Варвар меня Ящером и окрестила. Сказала, что я — вылитая рептилия.

Люба... нет, она даже не потрясена. Она просто в шоке.

— Господи... Варька — изверг!

— Да прямо, — он показно беззаботно пожал плечами. — Как ты думаешь, кто ко мне все это время каждый день в больницу мотался? Кормила, развлекала. Не только меня развлекала — очаровала всех местных жертв бледной трепонемы и гонококка.

— Коленька... Слушай, я даже не знала... Даже не предполагала...

— Я просил родителей... не афишировать. Значит, и правда никому не рассказывали, если ты не знаешь. Было б чем гордиться — месяц провалялся в «кожвене», пусть и с дерматитом. А потом еще полгода ходил исключительно в рубашках с длинными рукавами, в том числе и летом. Но я быстро оклемался, Анна Самуиловна сказала, что легко отделался.

Люба отстраняется и внимательно оглядывает его. Гладкая кожа, никаких не то что шрамов — даже прыщиков или каких-то других следов... Даже не верится.

— На звероящерах все заживает как на собаке, — он правильно истолковывает ее взгляд. — Я, правда, быстро поправился. Вовремя спохватились. Но с тех пор я Звероящер.

— Я больше никогда так тебя не назову!

— Да все нормально, я привык. Как напоминание о собственной глупости. Но с той истории мне многое осталось на долгую память. Не только прозвище. Овсянку люто ненавижу первое время, а мне прописали строгую диету. Потом привык. Теперь всегда на завтрак ем, — он усмехнулся. — Но вся косметика... бытовая химия... с этим мне контактировать теперь нельзя. Сразу пятнами и зверски чесаться начинаю. Единственное, чем могу мыться — детское мыло. Ну и тальк — вместо дезодоранта. А я же... Люб...

— Что?

— Я здоровый молодой мужик, — он вздохнул. — Двигаюсь, потею. Люб, если от меня пахнет неприятно, ты скажи, я не обижусь, правда.

— Дурак, — она всхлипнула и снова уткнулась носом ему в шею. — Ты пахнешь ОБАЛДЕННО!

— Угу. Детским мылом.

— Знаешь, я, наверное, извращенка...

— Любопытное заявление.

— Мне ужасно нравится это сочетание — молодого здорового мужика, детского мыла и талька. Очень, — провела носом по шее, поцеловала за ухом.
— Самое лучшее сочетание.

Он промолчал, лишь руки сильнее сжал вокруг нее.

— Ник...

— Да?

— А... на женскую косметику у тебя аллергии нет?

— Не знаю, не пробовал.

— Рассказывай мне тут, ага. Что, и губную помаду ни разу не пробовал на вкус?

— Ладно, спалила, — он усмехнулся. — Было пару раз. Я как-то одно время... ну, просил... убрать косметику... с губ, по крайней мере. А потом... исчезли острые реакции, так что... На духи только чихаю — капец. Мама все духи на работу унесла, Варька в сумочке таскает — дома не пользуются. Хотя у меня не на все духи такая реакция.

— А на мои?

— Нет. Мне очень нравится, как от тебя пахнет.

Она прижалась плотнее. Вот сейчас собственная нагота вообще не беспокоила. После того, что она о Нике узнала, поняла вдруг, что стесняться его уже не будет никогда. Переплела свои пальцы с его.

— Ник, пожалуйста, если у тебя на что-то из моей косметики проявится какая-то реакция... Пообещай мне, что скажешь!

— И что ты сделаешь?

— Перестану пользоваться тем, на что у тебя аллергия.

Он зарылся лицом в ее волосы и сказал что-то — неразборчиво.

— Что?

— У меня на тебя целиком... нездоровая реакция.

— Аллергическая?

— Наркотическая.

Что на это сказать — Люба не знает. И поэтому просто:

— Спасибо, что рассказал.

— Да дело прошлое. Просто некоторые последствия остались со мной на всю жизнь, наверное. Знаешь, мне очень повезло.

— С чем?

— У меня повылезала аллергия до фига на что. Но на латекс не проявилась. Иначе был бы мне полный капец.

Она сначала не может сообразить, к чему он упомянул латекс. Потом дошло.

— А, ну да. Презервативы же из латекса.

— Люба!

— Что? Не из латекса?

— Ты кем меня считаешь? Сексуально озабоченным маньяком? Вот, знаешь, это меня не слишком волновало тогда!

— А при чем тогда латекс?

— Перчатки хирургические, вообще-то, из латекса делают! И если бы у меня вылезла аллергия на латекс, я бы повесился.

Это всего лишь аллегория, но именно в этот момент она понимает, как важна Нику его работа.

— Ладно, — Ник легко шлепает ее по попе. — Беги в душ, а я пока пиццу закажу.

— Пиццу?

— Конечно. Пицца, пиво и футбол — то, что нужно мужчине после секса. Ай! Нет, ты меня сегодня покалечишь, точно!

— Пиво?! Футбол?!

— Пошутил я. Не увлекаюсь. Футболом, по крайней мере. Но про пиццу серьезно. Надо же чем-то поужинать.

— Заботливый...

— Марш в душ! Пока я не передумал тебя кормить. И не надумал еще раз тебя...

— Бегу-бегу!

Это был какой-то странный вечер. Действительно, с пивом и пиццей, но вместо футбола была серия «Гарри Поттера» по телевизору. Люба вспоминала их поход в кино. Примерно тоже самое, только помноженное на десять. Уютно, комфортно, весело. У Кольки, оказывается, потрясающее чувство юмора. Которое проявляется особенно ярко, если при этом сидеть у него на коленях, уткнувшись в шею. И больше даже не кино смотреть, а на него. Запах вдыхать, голос слушать. Наркотическая реакция? Да, именно такая.

А потом они убрали следы своего кинопросмотра на кухню, Ник встал к раковине. Ее это, собственно, не удивило, это было нормально. И только спустя пару минут она ужаснулась собственному эгоизму.

— Коля, у тебя на жидкость для мытья посуды тоже аллергия?

— Да. Там же всякой активной химии до фига.

— А ну, брысь от раковины!

— Люб, убрать надо за собой.

— Я сама посуду помою.

Кто бы ее сейчас слышал...

Грядущая совместная ночь волновала. Честно говоря, сама не понимала — почему. И еще не знала — хочется ли ей еще продолжения или уже хватит. Откровенно говоря, тело было полно усталости и приятной истомы, и спать

хотелось больше, чем НЕ спать. Кроме того, она вообще не представляла, как это — спать с женщиной? И ко всему ее беспокоил дурацкий вопрос: в чем это делать? Она захватила с собой пижаму — короткие бирюзовые шортики и белую маечку с бирюзовой же отделкой, на тонких ляпочках. И теперь ей самой эта одежда казалась чуть ли не соблазняющей — шорты едва попу прикрывают, вырез на майке глубокий, кружевные вставки. Стукнула дверь ванной, в комнату зашел Ник. Абсолютно голый. У Любы банально отвисла челюсть.

Она ни разу не видела вот так вот... Вот так вот рядом, открыто. Она уставилась именно туда! И лишь спустя несколько секунд подняла взгляд — вверх по полоске темно-рыжих волос, через широченную грудь, к демонстративно серьезному лицу. Лишь уголок рта подозрительно подрагивал. Рыжая бровь взметнулась вверх.

— Я тебя смутил?

— Нет. Но ты забыл сказать.

— Что именно? Что сплю голый?

— Нет. Ты забыл сказать «Авада Кедавра».

— Чего?!

— Прежде чем сразить меня своей волшебной палочкой.

Ник запрокинул голову и расхохотался. А потом хлопнулся на кровать рядом с ней, потянул лячку с плеча.

— Что это за безобразие?

— Это пижама! Из самого Парижу! Соня на Новый год подарила!

— Вот Соня пусть ее и носит, — стаскивая с Любы сначала верхнюю часть пижамы, а потом толкая на спину, чтобы стащить нижнюю. — А со мной ты будешь спать голая.

— Ты... ты...

— Что за манера постоянно спорить по пустякам, — Ник приподнялся, щелкнул выключателем. А потом привлек ее к себе, обнял. Обморочное чувство — даже не возбуждение, а вот так вот, просто голым телом — к чистому голому ему. Вроде бы без явного сексуального подтекста, и даже эрекции его она не чувствует. Но что-то буквально вибрирует внутри — как задетая умелыми пальцами струна.

— Спокойной ночи, Любава.

Значит, все-таки спать. Нельзя сказать, что она расстроена.

— Спокойной ночи, Ник.

Он заснул первый, быстро. Впрочем, она вскоре тоже последовала за ним.

Они в детстве часто спали вместе с сестрами. Она и сама помнит, и родители рассказывали. Но уже давно Люба привыкла спать одна. А вот сейчас...

Наверное, именно поэтому с непривычки она проснулась посреди ночи. Сначала даже не смогла сообразить — где она. Потом вспомнила. Повернула голову. Как-то подсознательно она ожидала, что такой большой парень должен спать как-то... шумно, например. Храпеть, может быть. Ник спал тихо, даже не ворочался. Только занимал две трети далеко не маленькой кровати.

Она легла на бок, оперлась на локоть. И поняла вдруг, что сна ни в одном глазу. И что хочет. Его.

Пальцем по щеке. Уже немного колючий. А вечером еще был гладкий. Целовать начала с шеи, под подбородком. Потом по груди, вот там по-прежнему гладко. Сосок — тронула языком. Ей самой безумно нравится, когда он вот так вот языком с ней. Может быть, и ему понравится? Втянула в рот, прихватила легко зубами. Дыхание Ника изменилось. Проснулся? Но молчит. Долго будет молчать, интересно?

Он подал голос, когда ее губы гуляли где-то в районе его паха. Честно говоря, что-то вроде неуверенности, даже опасения, все-таки шевелилось внутри.

— Люба...

— Да? — щеки вдруг коснулось что-то твердое и гладкое. Она же не маленькая девочка, она знает — что.

— Ты что делаешь?

— А то ты не знаешь, как это называется.

— Знаю, — выдохнул — хрипло, шумно. — Спички детям не игрушка.

— Спокойно, — она повернула голову и рискнула. Коснуться губами теплой кожи. Еще один шумный выдох. — Дети умеют обращаться со спичками.

— Ты делала это раньше? — вопрос прозвучал тихо. Напряженно. И она вдруг четко поняла, что так явно звучит в нем. Ревность. Ну, надо же...

— Люба! — он схватил ее за плечо, притянул к себе, наверх. — Ты делала это раньше?

— Странный вопрос. Ты-то должен знать...

— Это не одно и то же! Можно же и так только... без...

Она промолчала.

— Люба! Скажи мне — ты делала это раньше?!

Теперь совершенно точно — ревность. Требовательная ревность. Глаза его поблескивают в темноте.

— Люба! — он уже рычит.

— Нет, — наконец-то смиростивилась она. — Не делала. Но хочу... попробовать. С тобой.

— Черт... — он притянул ее голову к плечу. — Ты зараза...

— Почему это? Ты что — боишься? Что я сделаю что-то не так? Откушу что-то... ценное?

— Любава...

— Можешь выдать мне краткие инструкции.

— Я сам тебя укушу! Потом. А сейчас...

— Да?

— Делай все, что хочешь. Не стесняйся. Не бойся. Я вообще люблю... поглубже...

Вот как?! Ему делали поглубже? Твою мать! Сейчас она ему покажет!

Люба выдохнула и двинулась вниз.

Не страшно. Не противно. Любопытно. Все любопытнее и любопытнее. Она решилась и взяла его в рот. Наградой — стон Ника. Наказанием, спустя несколько секунд ее неуверенных движений — рука его на затылок, давление вниз, она едва не задохнулась и дернулась назад.

— Прекрати!

— Прости! — она не узнает голос, будто не его, задушенный какой-то.

— Так! — она снова подтягивается к нему наверх. — Что это за новости? Чего руки распускаешь?!

— Ну, простиии... Я голову потерял...

— Вот чтобы не терять — держи ее! Руки за голову!

Он, не споря, выполняет ее приказ.

— Так и лежи, понял? Где только привычек этих пошлых набрался?

— Прости, я больше не буду! — он упоительно послушен. Приподнимает с подушки голову, тянется к ней губами. — Пожалуйста, Любава...

— Пожалуйста — что? Вот так? — рука ее двигается вниз, пальцы сжимаются на твердом и подрагивающем.

— Дааа...

— Хорошо, — начиная медленно двигать рукой вверх и вниз. — Обещай, что будешь хорошим мальчиком.

— Обещаю! Только...

— Только — что?

Он молчит какое-то время, тяжело дыша в такт движениям ее ладони. А потом сдается. Тихо, со стоном:

— Поцелуй его. Пожалуйста...

Ну, невозможно же отказать...

Чувство власти просто выносит мозг. Тем, как Ник реагирует на ее движения, прикосновения. Тем, как иногда не может сдержаться и стонет. Тем, как подается бедрами вверх, стоит ей ненадолго отстраниться. И даже тем, как он послушно не убирает рук со своего затылка. Но особенно — каким он становится под ее губами. Меняется, твердеет, хотя куда уж дальше...

Он вывернулся из ее рук и губ стремительно. Опрокинулся на живот, с шипением, как мокрый чайник на горячей плите, плечи дрожат.

— Ник...

— Сейчас... — с низким стоном. И лишь спустя несколько секунд. — Уффф... успел...

— Что успел?!

— Сейчас узнаешь!

Она оказалась мгновенно на спине, под ним. И вот он уже в ней. Господи, даже не верится, что раньше он внутри причинял ей боль. Сейчас — лишь острое, почти болезненное наслаждение. Наслаждение быть наполненной им.

— Обними меня!

Она покорно сцепляет руки на его шее.

— Ногами тоже!

Перекрещивает икры на его пояснице.

— Вот так. Вот тааак... Черт... такая сладкая... узкая... горячая...

Болтун хренов, убивает ее этими хриплыми отрывистыми словами! Этими резкими движениями. Все быстрее и быстрее. Навстречу ему разворачивается собственное наслаждение, побуждая двигаться в ответ. Так же быстро. Но он явно быстрее.

— Ник...

— Что?... — голос звучит так, что ясно: он не понимает толком, что говорит — уже там, почти за гранью.

— Ты торопишься...

— Да?

— Да, — шепотом ему на ухо. — Я не успеваю. А я хочу с тобой, малыш...

— Ооох... — его лицо так близко, что ей даже в этой полутьме, рассеиваемой лишь светом фонаря над подъездом, видно — как блестит капля пота на виске, как ходит желвак под скулой. — Хорошо... я сейчас... я попробую...

Так. Выполняем разрез брюшной стенки в правой верхней-подвздошной области... В разрез выводим слепую кишку и аппендикс... Перевязываем брыжейку. Отсекаем отросток. Обработать культю антисептиком. Кисетный шов. При затяжке шва культю погрузить в просвет слепой кишки. Уффф... Кажется, отпустило немного.

— Ник?...

— Сейчас, моя хорошая, — начиная неспешно двигаться. — Сейчас, моя сладкая. Медленно и печально. Я буду нетороплив, как улитка. Чтобы мы успели оба.

Улитка, как же. Вместо этого он рвет темп. То сильно и часто. То медленно и почти лениво. То глубоко, то почти не входя, лишь дразня. Сдерживает себя, зажимается до огненных всполохов под веками. Наградой ему сначала ее

жалобные всхлипы, неразборчивые слова, ногти в плечи. А потом она затихает под ним. И это офигенный признак. Перед оргазмом она всегда становится тихой. Лишь дышит — все чаще и чаще, и вот, наконец-то...

И без того тугая, сжимается так, что он дергается. И еще, еще, ритмично, сладко. Все, теперь его очередь. Догоняет ее в пару движений, падает сверху, совершенно без сил. В пустой голове одна мысль: кончать в кончающую девушку — нереальный, запредельный кайф.

Глава двенадцатая, в которой обсуждаются непростые вопросы, герои демонстрируют характер, а герой снова удивляет всех, включая автора

Он далеко не сразу смог даже просто сменить положение тела. Было фантастически хорошо, а Люба притихла под ним, по-прежнему крепко обнимая его руками за шею, а ногами за талию. Но потом Ник все же сообразил, что это полнейшее свинство с его стороны — валяться своими почти ста на ее в лучшем случае пятидесяти с небольшим. Откатился в сторону, привычно протянул руку к паху. И замер. Перепроверил. Чисто теоретически, могло остаться в Любе, бывало у него такое с другими партнершами пару раз, но... Он вспомнил. Что забыл. Твою ж мать!

— Люб, я дурак, — он не стал откладывать неприятные новости в долгий ящик. Да и сам был просто в ужасе от того, что сделал.

— Не то, чтобы я была с тобой согласна. Но в данный момент контраргументировать не способна, — в ее голосе убойное сочетание — истомы и иронии. Он бы восхитился в любой другой момент. Но не сейчас. Не сейчас.

— Я забыл надеть презерватив.

Вот это ее мгновенно вернуло, так сказать, с небес на землю. Она молчала долго, обдумывая. Из двух вопросов «Что делать?» волновал ее больше всего. Потому что «Кто виноват?» было ясно, да толку с этого? Видимо, слова Ника ее хорошенько встряхнули, потому что сообразила она на удивление быстро — с учетом ее неопытности в данных вопросах.

— Есть такие таблетки, — она начала медленно, будто подбирая слова. — Я забыла, как называются. Но я узнаю... или посмотрю в Интернете. Их нужно принять в первые сутки, кажется. После... незащищенного полового акта, — тут ей показалось, что это не она говорит. Но слова, когда-то сказанные их семейным женским доктором тетей Дашей, сами собой всплыли в памяти. — После этого наступают месячные, вроде бы. И... и все. Никаких... последствий.

— Да, я знаю, — глухо отозвался Ник. — Экстренная контрацепция, я тоже... слышал. Ничего хорошего, конечно, такой гормональный удар. Но, наверное, лучше это все-таки сделать...

— Завтра же этим займусь.

— Люб, нежелательная... беременность — это еще не все... последствия.

Тут ее уже начинает подташнивать от обилия этих сухих медицинских терминов. С трудом удастся ответить ровно.

— Что еще?

Ник молчит какое-то время. А у нее острое желание стукнуть его. По глупой рыжей голове. По бесчувственной широченной груди. Встряхнуть. Наорать.

— Я... я все анализы сдавал полгода назад. Все отрицательное — реакция Вассермана, на ВИЧ, на гепатит, еще там... Я чист.

Теперь молчит она, переваривая услышанное. Заговорить удастся далеко не сразу — что-то горячее встает в горле.

— Я так понимаю... ты хочешь услышать от меня то же самое?

— Да.

— А я понятия не имею! Что у меня есть, а чего нет! Я не хожу по больницам, не сдаю анализы! У меня не было возможностей подхватить гепатит или ВИЧ, потому что... Ты знаешь, почему! Если ты, как ты выражаешься, «чист», то и я тоже!

— Люба, послушай, просто я знаю точно про себя...

— Тебе нужно... что?!? Справка? Анализ из лаборатории? Так выпиши мне направления, черт побери! Я сдам все, что нужно! Сколько тебе нужно моей крови? Пол-литра хватит?!? Скажи уже, что тебе нужно и...

Ее трясет. Даже плакать не может — не гнев, не ярость. Все вместе и еще что-то. Остро хочется выскочить вон из этой чужой квартиры, свидетельницы ее позора, ее падения, ее бесконтрольного подчинения этому... этому...

— Люба...

— Не прикасайся ко мне! Мало ли, может, заражу еще тебя чем-нибудь! Вот сначала анализы сдам, тогда...

— Прекрати! — он сгреб ее, наплевав на удар локтем в правое подвздошье и пинок коленом в голень. — Пожалуйста, Люба. Я не... Извини. Прости. Я виноват. Ты права.

— Пусти!

— Я это сказал, чтобы ты знала. Что я не мог ничем... тебя заразить. Я... у меня так... в первый раз. Чтобы я забыл. Я всегда раньше... Я сказал это, чтобы ты знала. Что тебе не о чем переживать.

— Ну да, конечно! Не ври! Ты хотел, чтобы я тебе сказала, что я тоже... «чиста», — она все-таки хлюпает прямо ему во влажную грудь. Звук выходит громкий и смешной. Но они оба не обращают на это никакого внимания.

— Люба, это я... ну, просто на рефлексе. Брякнул, не подумав. Я... Извини.

— Отпусти меня, — сказано так, что он разжимает руки. А она вздыхает. И, после паузы:

— Если мы все обсудили, спокойной ночи. Завтра я сделаю все, что нужно, — голос ее чуть прерывистый, но тон... тон холодный и острый, как хирургическая сталь тщательно заточенного скальпеля.

Отворачивается от него и замирает, затихает.

— Спокойной ночи, — говорит он ее спине.

Они не могли заснуть оба долго, прислушиваясь к дыханию друг друга.

Она сознательно закопалась в работу, с самого утра. Чтобы не думать. Не вспоминать. Не анализировать. Не зареветь в офисе, черт подери! В довершение всего позвонил дражайший папенька — удостовериться, что с дочкой все в порядке, вздумал ворчать еще, что дите дома не ночевала. Господи, ей уже двадцать пять лет, она взрослая, совершеннолетняя и... и идиотка.

В обеденный перерыв сходила в аптеку и купила нужное. Не дав себе времени на раздумья, выпила согласно инструкции, поставила напоминание в телефон на следующий прием препарата. И снова уткнулась в монитор. Читать. Работать. Не думать. Не ждать звонка, как дура!

Он позвонил — уже ближе к концу рабочего дня. Она вышла из кабинета, в коридоре, по счастью, пусто.

— Привет.

— Привет.

— Ты извини, я не мог раньше позвонить. У меня тут как по заказу. Три операции — два раза ассистировал шефу, одна раз сам.

— Ничего страшного.

— Люб, слушай... — Ник вздохнул. — Ты... ты выпила... таблетку?

— Да.

— Правда? То есть, не то. Я не...

— Я сходила в аптеку. Купила. Выпила в обед согласно инструкции. Живот уже начал болеть. Так что все в порядке.

Кажется, из трубки веет арктическим холодом от ее слов, от тона, от коротких фраз.

— Люба, я не... Я просто беспокоюсь.

— Напрасно. Не надо держать меня за идиотку. Я тоже не горю желанием забеременеть от тебя, Самойлов. Так что все под контролем, доктор. Если что-то пойдет не так — я тебе сообщу.

— Люба, послушай, ну прости меня! Я действительно...

— Мне нужно работать. Если надумаешь выписать мне направления на нужные тебе анализы — позвони.

— Люба!

Короткие гудки. Он сжимает пальцы в кулак. Она часто моргает, чтобы не заплакать. Оба делают это в такт им — коротким гудкам.

А вечером дома она совсем расклеилась. Живот разболелся — просто ужасно. И голова тоже. Папа жужжал над ухом, Люба знала, в чем причина — он плохо переносил, когда она не ночевала дома. В общем, рывкнула на отца, чего за ней не водилась ранее. Папа надулся, но отстал. Зато в комнату зашла мама.

— Любовь Станиславовна, ты как с отцом разговариваешь? Что за новости?

Люба отвернулась к стене и плотнее укуталась в одеяло. Мать села на край кровати.

— Любаша, в чем дело?

— Мам, у меня месячные как-то плохо начинаются. Живот болит, голова тоже. Тошнит. А папа пристал как назло...

— Любочка... — мама осторожно погладила ее по плечу. — А это точно... месячные?

Вот оно — материнское чутье. Как не вовремя!

— Точно, мам. Иногда бывает у меня — что так болезненно начинаются. Просто надо полежать.

— Ты таблетку выпила?

Люба вздрогнула.

— Таблетку?

— Обезболивающее. Принести тебе?

— Я уже выпила на работе, мам.

— Ну, выпей еще одну — если не отпускает.

— Да вроде бы утихает. Спасибо, мамуль. Я перед папой потом... извинюсь.

— Да я объясню. Поймет, думаю. Все же у него жена и три дочери.

— Хорошо.

— Ох, Любаша, Любаша... Организм намекает...

— На что?

— Да пора бы уже, дочка...

— Мам, — Люба повернулась к матери, — ты издеваешься?! Не ты ли говорила, что сначала нужно встретить нужного мужчину?! А потом уже о детях думать?!

— Ну так встретить, — мать невозмутима.

— Где, интересно?! Может быть, он под кроватью валяется?

— Люба, Люба... Нет же недостатка в выборе.

— Нужного нет!

— Тоже верно, — со вздохом согласилась мать. — Нужный — он один. Ладно, — Вера коснулась лба дочери губами, — отдыхай, девочка моя. Завтра все будет в порядке.

Все уже не будет в порядке. Ни-ког-да.

— Самойлов, у нее офигенные духи. От подушки пахнет — ммм! Поздравляю, в кои-то веки ты выбрал девчонку со вкусом.

— Батюшко, у тебя ко мне дело?

— Конечно. Я оценил духи твоей подружки. Тебе это не важно?

— Нет.

— Ник... — интонация Дениса резко меняется. — У тебя все в порядке?

— Нет.

— Нет — и все? Больше ничего не добавишь?

— У меня полная ж*па. Извини, Дэн, мне надо на обход. Созвонимся.

— Ох, Николай Глебович, дело-то, конечно, твое. И я не буду больше тебе Альбинку сватать, она себе парня и без тебя найдет. Но уж я повидала в этой жизни всякое. Послушай меня...

Ник безучастно отхлебывает чай, придерживая большим пальцем ложку.

— Молчишь? Ну, молчи, а я тебе все равно скажу! Не пара она тебе! Ну, по всему же видно!

— Что — видно? — все также безучастно, просто чтобы не молчать.

— Что эта твоя Люба привыкла, чтобы ей ножки целовали! Взгляд такой — смотрит на всех, как на мусор у ног. Красивая, спору нет. Очень красивая, и Альбинки красивее, — Нина Гавриловна поджала губы. — Да только не в красоте ж счастье, Коля!

Ник поморщился, но Нина Гавриловна не обратила внимания и продолжила:

— Ну, ты же вон какой умный парень! Чтобы за красивым личиком не смог разглядеть натуру — не верю я, Николай!

— А вы разглядели, значит?

— А я на глазки да губки красивые не смотрю. Да на прочее! Коля, я ж ее не ругаю, ты пойми. Она, может, и хороша. Для кого другого. Кто будет перед ней на задних лапах прыгать, об кого она сможет ножки свои вытирать да пальчиком указывать — что делать и как. Но ты-то не таков. Только время потеряешь с ней, поверь мне. Не стоит оно глаз синих бедовых.

Ник все так же безучастно пьет чай и смотрит в окно. Но видит там не голые деревья, а синие бедовые глаза.

Он ей звонил. Три раза. Три. Извинялся, каялся, просил прощения. Наверное, коряво, но уж как умеет. Предлагал встретиться. И слышал все время одно. «Все в порядке. Нет, я занята. Созвонимся».

Он виноват. Сильно виноват, это правда. Он поступил просто... просто слов нет как неосмотрительно. И то, что в первый раз у него так — его не оправдывает. Он мужчина, он обязан был позаботиться о защите. А он голову потерял до того, что про все забыл. Это не просто неосмотрительно. Это, черт побери, очень опасно для здоровья — так терять голову! Потому что список инфекций, передающихся половым путем, весьма внушителен и, к сожалению, шанс получить что-то из этого букета при несоблюдении мер предосторожности — отнюдь не иллюзорен, любой, работающий в медицине, это знает. Правда, потерял голову он с Любой, которая... которая... у которой он был первым и единственным мужчиной, и тут-то все было нормально. Кроме возможной беременности. Но он же и здесь отличился! Он умудрился сделать все еще хуже.

Да, он испугался, надо сказать честно. Испугался до того, что говорить начал прежде, чем сообразил, с кем он говорит. Рефлекс, да. И этот разговор об анализах и прочем был бы отнюдь не пустым с любой другой, кто был в его

постели. Но не с Любой же! Не надо было так. Не надо было. А он испугался. Он начал говорить раньше, чем думать — и все из-за паники. Но это не могло его оправдать.

А теперь, похоже, все. Он пытался объяснить. Пытался исправить. Если человека хотят простить — его простят, тем более, если человек признает свою вину. Но не в его случае. Видимо, совершенное и сказанное им оказалось для Любы слишком. Слишком обидным. Он сделал все, что мог. Унижаться и ползать на коленях не будет. Теперь же придется зализывать раны и жить дальше. Как-то без нее.

Наверное, взрослые женщины, ведущие нормальную половую жизнь, не стали бы на эту ситуацию так реагировать. А она... А Любу просто переклинило — ничего не могла с собой сделать. И, самое парадоксальное, его вопросы про анализы она не то, чтобы забыла. Но, в принципе, остыв немного и подумав — смогла понять, почему он так сказал. У врачей своя логика, немного отличное от других людей восприятие жизни. Ей не давало покоя иное. Именно оно заставляло раз за разом отвергать его извинения и вести себя как законченная стерва.

То, как важно для него было, чтобы она, не дай Бог, не забеременела. Нет, это и Любе самой не было нужно, конечно. Но чисто гипотетически... Нет, вот если бы это все-таки случилось... Ведь таблетки не дают гарантии 100 %. Всего лишь девяносто с чем-то. Но в ее случае все прошло как и положено. Ну, а если бы вдруг... Как бы он отреагировал, если бы она все-таки забеременела? Люба с каким-то мазохистским удовольствием думала об этом, даже престав себе задавать вопрос — зачем делает так. И понимала — для него это был бы наихудший вариант развития событий. Он очень не хотел этого. Нет, она не хотела такого тоже. Но это его явное нежелание, боязнь того, что их может связать что-то, помимо секса, оно было чертовски обидным. Болезненно обидным, острым, раздирающим. Вот для чего она нужна ему. Добро пожаловать во взрослую жизнь, Любовь Станиславовна. И в ней не принято ждать, что мужчина в сложной ситуации скажет тебе какую-то романтическую бредятину, вроде того: «Милая, если ты забеременеешь, я тебя не брошу и бла-бла-бла...». Такое бывает только в книжках. А в реальности ты понимаешь, для чего нужна ему. Для секса, только для секса. И не надо усложнять эту простую конструкцию. Как она докатилась до жизни такой? Где ее гордость, девичья честь и чувство собственного достоинства? Были да сплыли.

Раны зализывались плохо. Откровенно не хотели рубцеваться, кровоточили воспоминаниями, раздражали зеленой галочкой в скайпе напротив «Любы Соловьевой», царапались почти осязаемым беспокойством, что он не сделал все, что мог.

Почему же у нее характер паскудный? Надо было его простить, надо! Потому что спустя месяц хотелось уже выть, скулить, лезть на стену. Спасала только гордость. От того, чтобы самой не позвонить, не написать в скайп, не приехать на работу или домой. Ну, не она же виновата? Не она! Он виноват. Ну почему он не может позвонить сам еще раз? Хотя бы еще один-единственный раз? Ну почему он такой упрямый, а она такая стерва?!

Прошумел сырыми ветрами март. Прозвенел капелью апрель. А в начале мая в один из бесчисленных московских дворов въехал, раскатисто урча, зеленый мотоцикл.

Очередной день. Уставала в последнее время сильно — у них в редакции какой-то чуть ли не мор, Кольчевский в шутку говорил, что пора по па приглашать: освящать помещение. Трое сотрудников практически одновременно экстренно ушли на больничный — перелом, язва и пневмония. Работать приходилось за двоих. Впрочем, Любе это было на руку. Меньше думать. И уже дышалось почти без напряжения. Подумаешь, гордый какой и упрямый. На нем свет клином не сошелся. Не думать о нем, нет, не думать. Мороженого купить, что ли? И посидеть на лавочке у подъезда, есть мороженое и щуриться на теплое майское солнце.

Люба не сразу поняла, что человек, шагнувший ей наперерез — Ник. Потертые светло-синие джинсы, мягкие замшевые зеленые кроссовки, кожаная черная куртка и шлем — тоже зеленый. И лишь когда он снял его, под шлемом обнаружилось знакомое лицо. Голубые внимательные глаза, отросшие влажные волосы торчком. Выглядит нереально круто — иначе не скажешь.

— Здравствуй, Люба.

— Привет.

И больше нечего сказать как будто. Молчат, глядя друг на друга. И все же он решается. Заговорить. Хотя больше всего хочется плюнуть на все и просто поцеловать. Нельзя, неправильно, но хочется смертельно.

— Люб, я приехал, чтобы сказать тебе кое-что. У меня новости. И...

— Синенькая юбочка, ленточка в косе. Кто не знает Любочку? Любу знают все!
— пропел кто-то за их спинами.

Они обернулись на громкий голос оба. Но узнала быстро подходящего к ним только Люба. Левка Лопатин, еще один друг детства, правда, по месту жительства. Парень из соседнего подъезда, все школьные годы безнадежно влюбленный в них всех трех разом. Впрочем, не особо страдавший от неразделенности своих чувств, зато очень любивший демонстрировать свое восхищение. До сих пор, между прочим. Несмотря на то, что вырос и повзрослел, оставался преданным ценителем красоты девчонок Соловьевых. Правда, теперь у него остался всего один доступный объект обожания — Люба. Был Левка сам отнюдь не красавцем, но чертовски обаятельным, долговязым и работал ди-джем на одной весьма популярной радиостанции, так что языком молол вполне профессионально. В общем, то, что надо, чтобы продемонстрировать кое-кому, как нужно обращаться с девушками.

— Левушка, привет, — Люба привычно протянула руку для поцелуя Левке — это ритуал. Так же привычно и восхищение в его взгляде, немного наигранное, но он вообще артист по жизни.

— Мое почтение, сударыня! Вы, как всегда, ослепительно обворожительны, — Левка галантно поцеловал руку. А потом вдруг просто охнул восторженно: — Это Kawasaki Ninja, да?!

Люба все еще недоуменно хлопала глазами, когда Левка уже всюду ощупывал, оглаживал и чуть ли не обнюхивал зеленый мотоцикл, который был похож на какого-то огромного хищного кузнечика. А Ник рядом вполне увлеченно отвечал на Левкины вопросы — что-то про разгон до сотни, про обратную трансмиссию, про телескопическую вилку. На нее внимания ноль. И Левка туда же. Совсем охренели. Да пошли они оба! Люба резко развернулась к подъезду.

— Любава, подожди! — Звероящер споро перехватил ее за локоток. — Извини, друг, — это уже Левке, — в другой раз. Я тут по делу. Важному делу.

— Вас понял, — Левка лихо подмигнул ей, оттопырил большой палец. — Вот такой парень, Любашик! С таким-то зверем.

Люба фыркнула и демонстративно закатила глаза. А Лева, пожав руку Нику, оставил их одних, наконец-то. И снова повисло молчание. Ник поправил стоящий на сиденье шлем. Вздохнул.

— Люба, послушай... Тебе не кажется, что мы два месяца валялись дурака?

«Да!» — хочется крикнуть ей. Но почему-то молчит.

— Я виноват, я знаю. Я вот не знаю только — что я должен сделать, чтобы ты меня простила. И вообще — могу ли я что-то сделать? Люб, но я не могу так больше. Давай внесем ясность. Или уже прости меня. Или скажи мне прямо сейчас: «Самойлов, иди к черту!». Люба, давай решать. Я не могу так больше. Я устал. Ну? Не молчи. Скажи что-нибудь!

— Самойлов, иди к черту! — она шагнула вперед и уткнулась лицом ему в расстегнутый ворот крутки, в основание шеи.

— Любка, ты хочешь, чтобы у меня мозг взорвался? — он обнял ее тут же, словно боясь, что она передумает, оттолкнет. — Говоришь одно, делаешь другое. Скажи прямо — простила или нет?

— Простила, — глухо ему в шею.

— Спасибо, — теплым выдохом ей на ухо.

И снова они стоят молча, обнявшись, наплевав на любопытные взгляды.

— Ну, где там твои новости? — она отстранилась первая.

— А давай, — главное — не поцеловать ее прямо сейчас, — посидим где-нибудь?

— Давай. Тут не очень далеко есть кофейня приличная. Минут пятнадцать пешком.

— Хорошо, — Ник бросил неуверенный взгляд на мотоцикл.

— Нет-нет! Даже и не рассчитывай! Я не поеду с тобой на этом чудовище!

— Люба, — Ник улыбнулся немного растерянно. — Это спортбайк.

— И что?!

— Он не предназначен для перевозки пассажиров. Там есть место только для водителя.

— Ну вот и отлично, — она гордо вздернула подбородок. — Можно его здесь оставить?

— Конечно, — он подхватил одной рукой зеленый шлем, а другой взял ее за ладошку. Люба не выдержала и зажмурилась от удовольствия, переплетая свои пальцы с его. А он заметил и наклонился к ее уху. — Знаешь, я тоже ужасно скучал. Прости меня.

— Ну, какие там у тебя новости? — майская жара заставила их остановить свой выбор на мохито — безалкогольном в случае Ника и с честным ромом в ее бокале. А еще Ник, словно угадав ее мысли, заказал ей мороженое.

— Новости? Да они про мою работу... Дело в том, что у меня скоро ординатура заканчивается. И мне тут предложили... и я подумал и решил согласиться. В общем, я уезжаю на стажировку.

Люба отставляет в сторону бокал. Нельзя сказать, что ее радуют такие новости. Но она старается не слишком это показывать.

— Куда уезжаешь?

— В Эфиопию.

— Ты шутишь?!

— Нет. В следующий четверг вылетаю в Аддис-Абебу. Через Каир.

— Коля! Что ты забыл в Эфиопии?!

— Предложили работу. В качестве стажировки финальной. По линии Красного Креста. Там госпиталь Красного Креста в Аддис-Абебе.

— Ты шутишь. Ты все-таки шутишь, да?

— Люб, это правда, — у него слегка смущенный вид. — Звучит странно, наверное. Но вообще наших врачей там немало, но специалисты любые всегда нужны, потому что почти за даром, да и условия там, говорят... Но такой практики, как там, нигде не будет. В общем, я решил... что это полезно будет. Вот.

— Надолго? — неужели он это действительно серьезно?

— На три месяца.

Тут ей уже становится все равно, как она выглядит. И Люба буквально хватается за голову. Она только-только почувствовала, что все хорошо, все в порядке. Размолвка позади, впереди — что-то хорошее и приятное. И он снова ее... под дых... нокаутом. Не чувствуя вкуса, отпивает коктейль.

— Люб... — он протягивает руку, берет ее ладонь.

— А если бы ты не собрался в эту свою Африку — ты бы не приехал ко мне, так? — мысль неожиданная, тон расстроенный и обиженный, но ей уже плевать.

— Нет, — Ник вздыхает. — То есть, да. То есть... Черт, запутался! Люб, извини, я должен был приехать раньше, когда... по телефону не получилось. До меня просто доходит... как до жирафа.

Она лишь махнула рукой, высвободив ладонь из его пальцев, и отвернулась, упершись взглядом в стену кафе. Как же он не любит эти ее взгляды в стену!

— Люб... — он встал с места и пересел рядом с ней. Обнял за плечи. — Пожалуйста. Не сердись... — Молчание в ответ. — Послушай...

Не хочет она его слушать! Ничего хорошего он ей не скажет. Но Ник умудрился привлечь ее внимание. Негромко, на ухо:

— Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд

И руки особенно тонки, колени обняв.

Послушай: далеко, далеко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

Хотя... — после паузы, полной ее потрясенного молчания, задумчиво добавил Ник. — Чад не в Эфиопии. А я жираф не изысканный, а самый обыкновенный. Тугодумающий.

— Коля... Ты знаешь на память Гумилева?!

— Не знаю никакого Гумилева. Кто это?

— А чьи ты стихи только что декламировал?!

— А, это... Это мне Варька рассказала, когда узнала, что я в Африку на стажировку собрался. А я запомнил почему-то. Хорошие стихи, значит. Если с первого раза запоминаются. Надо будет почитать.

— Между прочим, Гумилев не только поэт, но и один из крупнейших исследователей Африки, — отвечает Люба растерянно. — И в этой твоей Аддис-Абебе бывал. А еще там есть памятник Пушкину.

— Ничего себе! — присвистнул Ник. — Ай да Пушкин! Ай да... везде успел.

— Предположительно, прадед Пушкина именно из Эфиопии.

— Ясно.

Повисает молчание. Господи, неужели всего несколько месяцев назад она считала, что знает, кто такой Ник Самойлов? Невозмутимый рыжеволосый здоровяк с непритязательным чувством юмора и полнейшим иммунитетом к внешним данным сестер Соловьевых. Сейчас рядом с ней сидит совершенно другой человек. Широкоплечий стилинга-байкер, на которого заглядывается пара девиц за соседним столиком. Человек, который читает на память Гумилева, даже не зная, кто это. Тип, который через неделю улетаёт за каким-то бесом не

куда-нибудь, а в Африку! И ей это почему-то не все равно. Очень не все равно. Слишком не все равно.

— Ладно, — она поводит плечами, вынуждая его убрать руку со своих плеч. Не то, чтобы хочет его обидеть — просто ей сейчас необходимо больше личного пространства. Ника и так слишком много внутри нее — в голове, в сердце. — Африка — так Африка. Приедешь — расскажешь, правда ли там реки вооот такой ширины. И горы вооот такой вышины. И про крокодилов и бегемотов.

— Это вряд ли, — он возвращается на свое место, напротив нее, усиленно делая вид, что его не задело ее нежелание прикосновений. — Думаю, буду там пахать, не поднимая головы, в госпитале. И не до крокодилов с бегемотами мне там будет, — тут он глубоко вздыхает, словно решаясь на что-то. — Люб, я хочу тебя кое о чем попросить.

— Говори.

— Только ты, пожалуйста, не сердись на меня, — он говорит тихо, но решительно. И за руку все же берет, несмотря на то, что она только что дала понять, что не хочет его прикосновений. — Люба, пожалуйста, сделай тест на беременность и УЗИ.

— Что?! — он снова умудрился ее удивить.

— Я почитал об этом препарате... который ты пила. Одно из возможных последствий его приема — внематочная беременность.

Сначала она просто не может сказать ничего. Ей требуется около минуты, чтобы собраться с силами. Ответить нормально, а не выплеснуть в словах то, что копилось внутри все это время.

— Так боишься, что я от тебя залечу? Да как тебе объяснить, что это не входит в мои жизненные планы — завести от тебя ребенка и таким образом захомутать тебя?!

— Люба, — он качает головой и крепко держит ее запястье, несмотря на все ее попытки вырвать руку.

— Внематочная беременность не вынашивается. Это патологическое состояние, которое очень опасно для здоровья. И может быть прекращено только хирургическим путем, а в случае несвоевременной диагностики может привести к кровотечению в брюшную полость и...

Люба бледнеет.

— У меня все в порядке! Нет никакой беременности, все... все наступило, как положено! Тем более, прошло уже столько времени!

— Она может протекать первое время бессимптомно. Люба, пожалуйста. Это очень серьезно. Просто сделай тест и УЗИ. Чтобы мы знали точно — что у тебя все в порядке. Я не хочу... чтобы ты расплачивалась своим здоровьем за мою ошибку. Пожалуйста. Я тебя прошу. Это просто, быстро, не больно и делается в любом частном гинекологическом кабинете. Анонимно можно даже. Раньше надо было, конечно, но я не сразу сообразил. Да и думал, что ты меня слушать не станешь. И... Люба... Ну, пожалуйста... Сделай это. Давай, я оплачу все и...

— Прекрати! Ладно. Я все сделаю. Сама.

— Спасибо. Не сердись. Я переживаю. И мне очень стыдно, что я втянул тебя в это и подверг таким... неприятностям.

А потом притянул ее руку и поцеловал в ладонь. Совсем с ума сошел! В довершение к этой пижонской байкерской куртке, Гумилеву и Африке еще и руки целовать вздумал! Что с ним делать прикажете? Что?! И с собой заодно.

Он все-таки умудрился ее напугать, и на следующий день Люба с утра первым делом нашла в Интернете адрес ближайшего к офису гинекологического кабинета. В пяти минутах находится, оказывается. Позвонила. И есть запись как раз на время обеденного перерыва. В общем, Ник оказался прав — быстро и просто. На все ушел час времени.

В два часа дня Ник получили смс-ку: «Я все сделала. Все в порядке». Ответ ей пришел быстро: «Спасибо». А еще через пару часов ему пришла еще одна смс-ка от нее: «Сегодня после работы. До девяти вечера квартира наша». Ответ был еще лаконичнее: «Ок».

Она не ждала ничего от этой встречи. Точнее, запретила себе ждать. Только одно. Он уезжает на три месяца. Просто... просто на прощание. Чтобы помнить. Чтобы он помнил. Чтобы самой...

И когда, спустя несколько минут после первого жадного раза, едва у них обоих выровнялось дыхание, его рука скользнула к внутренней поверхности ее бедра, она сжала ноги и перехватила его ладонь.

— Не надо.

— Почему?

— Не хочу.

— Люба... Что я сделал не так? Тебе же нравится... Пожалуйста, — теплое дыхание прямо на ухо, тело мгновенно покрывается мурашками и почти нестерпимое желание развести бедра и позволить ему дать ей то, чего она хочет. Он прав! Хочет. И боится. Боится дать ему слишком большую власть над собой. Каждый раз, когда она так отдается ему, словно какая-то часть ее переходит ему. С каждым разом все больше и больше ее принадлежит ему. И это пугает, реально пугает. Потому что она не представляет, что с этим делать. И как с этим жить, особенно в свете того, что было совсем недавно. И из-за перспектив его скорого отъезда. Нет, инстинкт самосохранения берет верх над собственным вождением.

— Я не могу.

— Почему?! Ты сердишься на меня? Все еще сердишься?

— Не в тебе дело.

— А в ком?!

— Во мне, — она прячет лицо ему в шею, чтобы он не видел. Не прочитал в глазах что-то, чему она и сама не может дать названия.

— Что случилось, Любава? Что изменилось? Почему?

— Я... — она вздыхает. — Ник, я... Ну, просто, мне нужен настрой и... Мне и так было очень хорошо.

— Люба...

— Правда, все в порядке, — оплетает его руками, ногами. — Давай просто полежим так, ладно?

— Ладно, — со вздохом соглашается он.

Провожать она его не поехала. С чего бы? Лишь за полчаса до времени вылета отправила смс-ку: «Удачного полета». Ответ пришел традиционный: «Спасибо». Пусть летит. В Африку. К черту. К памятнику Пушкину! К крокодилам и бегемотам! Она обойдется прекрасно без него. Подумаешь, три месяца. Подумаешь, одно лето. Как долго. Как же это бесконечно долго.

Глава тринадцатая, в которой на авансцену выходят, по заказу публики — фигура третья, разлучная, а затем Денис Валентинович Батюшко

Первое время она надеялась, что они будут общаться хотя бы виртуально. Но Ник бывал он-лайн редко, набегам.

— Тут кошмарный африканский интернет. Работает на магии вуду, по-моему. И на человеческих жертвоприношениях. И времени реально нет. Я один на пятьдесят детей в среднем. Ничего не успеваю.

...

— Не зря заставляют делать прививку от желтой лихорадки.

— Ты заболел?!?

— Нет. Пока ничем не заболел, но самочувствие так себе. Господи, Любка, здесь такая грязь, знала бы ты...

— Да? —ну что она может еще сказать.

— Они вообще не знают, что такое гигиена. Это другая планета. Черт! Опять. Все, убежал.

...

— Мне дали африканское имя. Теперь я Тэкле-Никос.

— Ну, здравствуй, Тэкле.

— Привет. Научил санитаря Фикаду ругаться матом.

— По-русски?!

— Они не понимают, что значит: «Operating room urgently». А когда я ору: «Бегом, на х*й, бл*дь!» — хоть как-то начинают шевелиться.

— Трудно?

— Очень. Все, исчез.

...

— Как дела, Тэкле?

— Принимал роды сегодня.

— Это же не твой профиль?!

— Никого это не интересует, по большому счету. Ну, так вышло, в общем.

— И... как?

— До сих пор в шоке.

— Страшно?

— Ой, погоди, я тут с Дарь Санной консультируюсь параллельно.

И все — офф-лайн.

...

— Ты там жив вообще?

— Условно. Хочу борща. Хочу овсянки. И аппарат УЗИ.

— Чего больше?

— Не знаю. Зато тут никакой бюрократии. Никто тебя не контролирует. Кроме Бога — так они считают.

— Ник... —она не знает, что ему сказать.

— Приходится полагаться только на собственные глаза и уши. У нас тут есть инфекционист Хабаров. Пьет страшно, но не в этом дело. Он мне все говорит: «Развивай клиническое мышление, Николай».

— Развивается?

— Семимильными шагами. Не расстаюсь с учебником по тропическим болезням. Хорошо, что взял с собой.

— Ник...

— Лучше тебе не знать, что такое муха Тумбу. Все, ушел. Извини.

И так целый месяц.

Один раз она не выдержала и написала ему в офф-лайн.

— Я понимаю, что тебе трудно. Я чувствую. Не знаю, захочешь ли ты это прочитать, но я скучаю по тебе. Очень.

Написала. Перечитала. Нет, не надо ему это видеть. Но палец дернулся на кнопке мышки. Сообщение ушло. Удалить не успела — как по заказу он-лайн. Ответил он через минуту.

— Спасибо, что сказала. Я тоже ужасно скучаю. И... мать их! Ушел.

...

— Дурак я. Опыта захотелось набраться. Романтики африканской. Набрался столько, что не унести.

— Жалеешь?

— Хочу домой. Но останусь до истечения срока контракта. Извини, что ною. Все, больше не буду.

— Ты не ноешь!

— Все, убежал.

...

Потом он будто втянулся, привык там. Сообщения стали еще реже. Сплошное «времени нет», «убегаю», «труба зовет». А затем у нее наконец-то случился запланированный и долгожданный отпуск, который она собиралась провести с Соней. Шенген, серебристый «Фольксваген Гольф» и две синеглазые брюнетки внутри. Трепещи, старушка Европа! Только вот настроение было не особо боевое. Но не подводить же Соню? Тем более, что они планировали совместный отпуск еще с осени. Ударить автопробегом по Бургундии, Оверни и Лангедоку. А потом — по Каталонии и Валенсии. Там, в Валенсии, и планировали недельку пожариться на пляже. А потом обратно — Каталония, Лангедок, Овернь, Бургундия, Париж. Отличный план. Еще бы с настроением что-нибудь сделать.

— Любашкин, так не честно! Бедный Серхио истомился твоей холодностью, на него даже мне жаль смотреть.

— Ну и не смотри. Было бы на что.

— Как это — «было бы на что»? Взор горящий, щетина брутальная, пресс кубиками. Что тебе еще надобно, капризная ты моя?

— Ничего, — Люба лениво переворачивается на живот, стряхивает песок с ног.
— Вот именно что — ничего.

— Люба! А как же я?

— А что ты? Воркуй с этим... как его... Фелипе.

— Люба! Не притворяйся, что не понимаешь. Их двое. Нас двое. Ну, хотя бы разговор поддержи.

— Языками не владею.

— Сейчас подзатыльник получишь! Твой испанский на порядок лучше моего.

— Вот и тренируй свой испанский.

— Любка!

— Не хочу.

— Ну что ты там пытаешься увидеть, Любовь Станиславовна? Другой берег моря? Там нет ничего. Там за морем — Африка.

— Угу. Помашем ручкой Кольке?

— Какому Кольке?!

— У тебя много знакомых Колек?

— Самойлов, что ли?! — Соня соображает несвойственно ей долго. — Что он делает в Африке?

— Работает.

— Вот же оригинал, — Софья звонко смеется. — Чудак он все-таки. Смешной. Неужели так буквально воспринимает сказку о докторе Айболите? Он в Африке, он в Африке под пальмою сидит, — с чувством продекламировала сестра, — и на море, и море без отдыха глядит. Не едет ли в кораблике доктор Айболит?

— Наверное, — деланно безразлично пожимает плечами Люба, загребая ступнями песок.

— Вот насобирает он там приключений на свою рыжую задницу.

— Почему — рыжую?

— Понятия не имею, — сестра зеркальным жестом пожимает плечами. — Голова рыжая же? Может, у него и задница — рыжая и волосатая? Я как-то особо не задумывалась на эту тему.

Люба молчит. А могла бы сказать, что задница там совсем не волосатая. Гладкая, упругая очень аппетитная. И Люба бы весьма шокировала сестру, если бы сказала это вслух.

Даже вообразить себе не может, чтобы рассказать Соне о том, что у нее с Ником. Потому что точно может представить сто и один вопрос, который задаст ей сестра. Но не представляет, как на них отвечать.

Первая и единственная, спустя десять лет, запись в девичьем дневнике Любы Соловьевой

Покатилось красным шаром лето. Мне тебя не хватает. Это кошмарное лето — я теперь это точно понимаю. Как будто что-то было, а потом прошло. Что это «что-то» — мне трудно описать. Попробуй додумать сам.

Подземелье лета. Не лето, а Лета. Забытое время. Не хочу о нем вспоминать.

Я жду сентябрь. А сейчас только лишь проклятый август. Все-таки это лето — как след от бича, выжженная солнцем пустыня на моей разумной, но глупой планете. Ты знаешь, это такое страшное солнце — без жалости и пятен.

Беспощадное, пыльное, сухое, убивающее лето. Если дождь — то заливают до потопа. Если жара — то выжигает клеймо загаром, снимает кожу, обдирает до сердца, на котором пляшут канкан огненные черти.

Моя маленькая, глупая планета, ты не тоскуешь по своему прохладному полулетниковому состоянию, по сумеречным, вечно сумеречным облакам? Да и потом не будешь плакать под бичами лучей безжалостного солнца? Впрочем, жалеть о содеянном — признак слабых и глупых.

Черт, пишу какой-то бред. С дневниками надо завязывать еще в школе. А литератор из меня никудышный, маминого таланта нет. Просто я очень скучаю по тебе, Ник. И, кажется, ненавижу тебя за это.

Надо завязывать писать всякий бред на бумаге. Надо завязывать думать о нем постоянно. Надо. Легко сказать. И если старый школьный дневник можно затолкать подальше в письменный стол, то от мыслей так просто не избавишься. И она все же сдается на их обманчивую милость.

Лежать перед сном и представлять, точнее, мечтать. Что вдруг он сейчас каким-то чудом окажется рядом, в одной постели с ней. И она вот сейчас почувствует это невероятное и сладкое — горячую тяжесть. Как он вжимает ее в матрас. Тяжелый. И ей это нравится. Наверное, это как-то неправильно, но это приносит ей самое настоящее наслаждение — чувствовать его на себе. Все его килограммы, она теперь знает, сколько именно, спрашивала — девяносто шесть. И чтобы вдавливал ее, вжимал в себя и наполнял собой. Возможно, дело действительно в его крупногабаритности. Или откуда это чувство фантастической цельности, когда он в ней? Даже не верится, что раньше было больно. Больно — теперь, когда он черт знает где. Больно от того, что нельзя прикоснуться. Нельзя запах вдохнуть — совершенно сумасшедший коктейль разгоряченного мужского тела, детского мыла и талька. Много бы отдала, чтобы сейчас почувствовать этот запах. И услышать его тяжелое хриплое дыхание в такт движениям внутри. И...

Когда-то, как ей сейчас представляется, давно, в иной жизни, она как-то сказала ему, что, кажется, фригидна. Люба невесело усмехается. Нет, ее диагноз иной. Она чертова нимфоманка!

Иногда, когда он совсем уставал — от этой чужой страны, больше похожей на чужую планету даже, от бесконечности проблем, каждый день новых, от тяжелых и непривычных моральных дилемм, он позволял себе. Вспомнить. Помечтать.

Как она выгибается под ним. Кожа шелковая, нежная. Везде. Прогибается так, что касается сосками его груди. И их прошибает до озноба обоих от этого. И подсунуть ладонь ей под поясницу, прижав еще плотнее к себе. И упиваться тем, какая она — нереально узкая, тугая и... и идеально ему подходящая. И ей хорошо с ним, он просто знает это, знает — и все.

Его теперешнее место работы кажется ему временами просто страшным. Здесь все не так, как он привык, и можно забыть многое из того, чему его учили,

здесь приходится действовать по обстоятельствам, и они далеко не всегда благоприятны. Иногда ему нестерпимо тошно, но он не хочет ее пугать, да и стыдно жаловаться. И тогда он просто вспоминает, и от этого становится хоть ненамного, но легче.

Вернулся. Ник наконец-то вернулся. И что же она сделала? Она ему сказала, что у нее сегодня важная встреча, и она не может с ним увидеться. Потому что уже окончательно в себе запуталась!

— Очень жаль, что ты занята, — Ник поверил. Потому что ему самому в голову бы не пришло так ей соврать! — Тогда завтра увидимся?

— Хорошо.

— У меня там для тебя сувенир дома, завтра получишь.

— Какой сувенир?

— Джебена.

— Что это?

— Кофейник национальный эфиопский. Из глины, ручной работы. И еще несколько пакетов кофе. Вот кофе там вкусный. Ты же любишь кофе?

— Люблю.

— Ну, тогда завтра оценишь. До завтра?

— До завтра.

Через десять минут она не может себе объяснить, КАК она могла так ступить? Какого черта соврала?! Идиотка! Еще спустя двадцать минут желание видеть его пересиливает все, и она хватается за телефон.

— Ник?

— Любаша, что случилось?

— У меня отменилась встреча. Давай увидимся?

— Ааа... Ну, хорошо...

Ее настораживает его неуверенный тон.

— Ты занят? У тебя уже есть планы?

— Да не особо, просто... Раз уж ты сегодня занята, я решил... В общем, мы тут с Дэном пиво пьем. Но если ты хочешь...

— Я могу к вам присоединиться?

— Конечно!

— Говори адрес.

Что надеть?! Быстро, Люба, соображай быстро! На улице по-прежнему жара. Топик? Топик. Цвета фуксии или темно-синий? Темно-синий и юбку к нему вот эту, двойную, пышную, верх сине-цветочный, низ белопенный. Белье можно любое, все равно ничего не светит, а босоножки на высоком каблуке обязательно, чтобы ему не сильно нагибаться, а ей не вставать на носочки. Последний взгляд в зеркало, сумочку с полки и бегом-бегом по лестнице.

И когда она увидела его, то поняла — все. На все плевать, сейчас будет его целовать, и пусть смотрят, осуждают, пусть кто угодно думает что угодно. Она начинает делать глупости по-крупному!

Ник встал ей навстречу из-за стола пивного ресторанчика, где они и встретились.

— Ну, здравствуй.

И ответить ему не дала. Каблуки оказались кстати, но она все равно обхватила его за шею, прижимаясь крепче. Губы, язык, слегка колючие щеки. Руки на ее талии, ежик под пальцами на затылке, запах детского мыла и талька. Все родное. Все ее.

Кто-то сначала деликатно, а потом уже совсем надсадно кашлял у нее за спиной. Отстаньте, все отстаньте. Она еще не нацеловалась.

— Самойлов, ты мстишь мне чересчур жестоко, — кашель превратился в низкий голос. — Оторвись от барышни и познакомь нас.

И, правда, надо, наверное, возвращаться в мир приличий. Она слегка отстранилась, еще чуть приподнялась на цыпочки, чмокнула в кончик носа. Подмигнула изумленным и счастливым голубым глазам. И обернулась.

— Привет. Дэн, верно?

— Нет, — покачал головой молодой мужчина, стоявший напротив. — Я не Дэн. Позвольте представиться — идиот.

— Самокритично, — рассмеялась Люба, прижимаясь спиной к груди Ника, а виском к его щеке. — А в чем причина?

— Потому что меня развели и обманули как мальчишку, — усмехнулся ее новый знакомец. Интересный, между прочим. Сонька таких называет — «фактурный». Выразительные темные глаза, породистый шнобель и обаятельная улыбка. — Но, если согласно документам — Батюшко Денис Валентинович, для друзей — просто Дэн. Позвольте ручку облобызать?

Люба протянула левую руку, правую отдав в безраздельное пользование ладони Ника.

— Соловьева Любовь Станиславовна. Для друзей — просто Люба.

— Любоооовь, — протянул Денис, наклоняясь к ее руке. — Какое говорящее имя!

Пока Денис демонстрировал галантность, она еще раз украдкой поцеловала шею чуть выше выреза оранжевой футболки, получив в ответ крепкое пожатие ее правой руки.

— Люба... Любушка... Богиня... Нимфа... Ангел... Откройте мне один секрет, — Люба в ответ не может сдержать усмешку. Дэн и вправду забавный. Глаза у него не только большие и выразительные, но еще и умные и ироничные. — Что вы в нем нашли? Он же животное.

— Друг называется, — фыркает Ник. — Давайте уже сядем. Люба, ты что будешь?

— А вы что пьете?

— «Крушовицу».

— Не люблю темное, — морщит она нос. — Закажи мне маленький бокал светлого. На твой вкус, я не разбираюсь в пиве.

— Будешь пиво? — Ник удивлен.

— Ну а что — вы пиво, а я рыжая, что ли?

Ник и Дэн дружно смеются это непритязательной шутке.

— Кстати о рыжих, — у Дэна весьма внушительный бас, немного не сочетающийся с его сухощавым телосложением и несолидной, ироничной усмешкой. — Люба, ангел мой, что ты нашла в этом рыжем? Он же... он варвар! Не ухаживает, цветов не дарит, комплименты не говорит, и вообще говорить может только о сравнительных преимуществах брюшистых скальпелей перед остроконечными. Что ты нашла в нем, о гений чистой красоты?

— Вот такие у меня друзья, — демонстративно вздыхает Ник.

— Что я в нем нашла? — Люба под столом плотнее переплетает свои пальцы с его. — Ник — это настоящая индивидуальность. Он прекрасно образован, умен и начитан, интересный собеседник, яркая личность, большой души человек и привлекательный мужчина. А, да, еще. Он просто потрясающий любовник.

Повисает молчание. Потом Дэн комично хватается за голову.

— Вот и за какие заслуги ему все это?! Почему, я вас спрашиваю?! Почему самые лучшие девушки достаются тем, кто ничего для этого не сделал?

Ник продолжает молчать, так и держа не донесенный до рта бокал с пивом в руке.

— Что? — она оборачивается к нему. — Ты со мной не согласен?

— А... Ну... Хм... Нет. То есть, да. То есть... — он ставит бокал обратно на стол. — Я просто не думал... что ты все это... хм... замечаешь.

— Вот! — Люба поднимает вверх указательный палец, обращаясь снова к Денису. — Он еще и скромный!

— Самойлов, никогда бы не подумал, что скажу это, но я тебе смертельно завидую, — Дэн неверяще качает головой. — Люба, ангел мой, и все-таки... Если он тебя чем-то обидит, этот медведь неотесанный... Ну, или если он тебе просто надоест в своем безупречном совершенстве... Давай, я оставлю тебе свой телефон? Я всегда помогу, поддержу. Я же... Самойлов, прекрати меня пинать под столом!

— Завидуй молча. И тебе ничего не светит.

— Точно, — Люба прижимается щекой к плечу в оранжевой футболке. — Ничего личного, Денис, но, правда, не светит.

— Нет, — Денис картинно всплескивает руками, — это выходит за рамки моего эмпирического познания жизни. Это просто несправедливо!

— Дэн, а вы с Ником вместе учились, да? — Любу слегка утомило это представление. — Мне кажется, Ник говорил. Но ты же старше его?

— Так, — Батюшко подчеркнуто обиженно отворачивается к окну, скорбно поджав губы и демонстрируя аристократический профиль. — Меня еще и старым называли. Тут пиво не поможет. Официант, коньяку!

— Денис, перестань. Ты мужчина в самом расцвете сил, — смеется Люба.

— Как Карлсон, — встречает Ник.

— Друг называется!

— Мы с Дэном в самом деле учились вместе. Только на разных курсах. Я поступил, а он заканчивал. Денис старше меня на пять лет.

— О моих преклонных годах мог бы и умолчать!

— А как вы познакомились? — Любе действительно интересно.

— В спортзале. Мы оба играли за сборную Мед. Академии в волейбол. Дэн был нашим капитаном.

— Более того, — дополняет Денис, — я потом передал этому типу свою капитанскую майку. Правда, она на него не налезала уже тогда.

— Ты был капитаном сборной по волейболу?

— Угу, — Ник отпивает из бокала. — Четыре года. До последнего курса. Мы даже за это время один раз первенство города выиграли среди вузов. У нас сильная команда была.

Вот и еще один штрих, которого она о нем не знала. Играл в волейбол за институт. Был капитаном. Сейчас она бы с удовольствием посмотрела на него такого — в роли капитана волейбольной команды.

Они говорили еще о чем-то. Дэн и Ник вспоминали студенческие годы, Ник немного рассказывал об Африке, Люба по мере сил поддерживала разговор. Но

в основном она была занята другим. И даже не сознавала толком, что делает. То по руке его погладит, то по бедру. То голову на плечо пристроит, то в мочку уха поцелует. Или начнет рисовать пальцами круги на большой ладони. Нику очень приятно, это заметно. А вот Дэн, в конце концов, не выдержал. О поверхность стола звонко шлепнулась связка ключей.

— Все, сил моих нет смотреть на вас, пойду, удавлюсь от зависти! Помни мою доброту, Самойлов! Посмертно.

Ник сообразил первый, быстро схватил ключи.

— Спасибо, Дэнич! Ты сам куда?

— Навещу Валентина Денисовича с сыновним визитом. Продую ему пару шахматных партий. Выслушаю пару сотен советов о том, как правильно жить. В общем, сделаю старику приятное.

— Спасибо. Правда, спасибо, Дэн.

— Не ради тебя это, — усмехнулся Денис. — Любушка, — та, к которой он обращался в этот момент, как раз решила вспомнить о приличиях и смущенно уткнулась лицом в плечо парня рядом. — Если ты вдруг решишь второпях завтра утром... забыть что-нибудь кружевное... в моей квартире... мне будет приятно.

— Батя!!!

— Батя шутит, сын мой, что ты так нервничаешь? Ладно, дети мои, — Дэн встал из-за стола, — за сим оставляю вас и вручаю судьбу вашу Купидману...

или Купидону... В общем, идите и покажите моему немецкому матрасу, для чего его на фабрике сделали. Мне кажется, он по вам соскучился.

Глава четырнадцатая, которая содержит информацию о предметах женского и мужского гардероба и о приметах

Она думала, что все будет происходить в этой квартире по тому же сценарию, что и в прошлый раз. И она ошиблась. Он ее удивил. Он был упоительно, томительно, мучительно нежен и нетороплив.

Топик он снимал с нее минут десять — то спускал лямки вниз, то снова поднимал, целуя шею, плечи. Тонкий шелк мял как настоящий восточный торговец тканями. Потом пришла очередь юбки — потрогал все складки, с удивлением обнаружил вторую, нижнюю, кружевную юбку и принялся изучать ее с энтузиазмом естествоиспытателя. Затем долго искал застежку — с правого бока, с левого. Пока она не выдохнула: «Сзади!». И юбка наконец-то пала к ее ногам.

Она поняла, что не надевать бюстгальтер было очень верным решением — неизвестно, сколько бы Ник потратил времени на избавление ее от этого предмета дамского гардероба. Потому что трусикам — простым, белым слипам с отделкой узким кружевом он уделил самое пристальное внимание: гладил ткань (причем, совсем не там, где ей хотелось, между прочим!), рубчатый кружевной край, кожу под резинкой. И к тому моменту, когда он их все-таки с нее снял, у Любы не осталось не то, что стыда или, скажем, приличия. Даже здравого смысла — и того не наблюдалось. Одно сплошное неконтролируемое желание. Потянулась к молнии на его джинсах, (слава Богу, футболка каким-то чудом оказалась уже снятой). На полпути ее рука была решительно перехвачена.

— Ты первая.

И пока она пыталась найти в своей совсем помутившейся от желания голове объяснение этим словам, Люба оказалась сидящей на постели и прижатой спиной к широкой, чуть влажной груди. Ноги ей бесцеремонно развели в стороны — впрочем, она и не думала сопротивляться, мужские руки обхватили поперек живота, Ник уткнулся ей губами в шею чуть ниже уха и прошептал:

— Как же я об этом мечтал...

Внутри вспыхнуло совсем горячо, обожгло огнем, свело судорогой горло. Но она как-то умудрилась прошептать в ответ:

— Если мечтал — начинай.

И он начал. Очень издалека! Снова целовал плечи, водил пальцами по рукам, по животу, легко щекотал ребра. Только вот ей было совсем не до смеха. И снова она, потеряв терпение, сама сдвигает его руку в желаемое, да нет же, в требуемое положение! Что делать с левой рукой, он додумывает сам, и вот его огромные ладони накрывают ее неполный второй.

— Наконец-то... — выдыхает со стоном она.

— Кто-то торопится... — мурлычет провокационно он ей на ухо.

— Кто-то сейчас сдохнет! Если кого-то не начнут немедленно... — она выгибается, сильнее вжимаясь в его ладони.

— Не начнут что? Вот так? — пальцы его чуть сжимаются.

Ответить она может уже только стоном.

И снова он издевательски нетороплив. К тому моменту, когда его пальцы, вдоволь нарисовав всяческих причудливых фигур на идеальных полусферах, касаются ставших сверхчувствительными вершин, Любе кажется, что кровь ее реально кипит. И мозг кипит — это совершенно точно. Потому что она уже просто не понимает, что делает. Тело живет своей жизнью, повинаясь одному-единственному то ли инстинкту, то ли желанию. Именно поэтому она снова своей рукой меняет дислокацию его ладони. Прижимает сверху плотнее его пальцы своими, немного приподнимает бедра. Она бы ему сказала еще что-то вроде: «Ну, давай!», но говорить уже просто не в состоянии. Однако то, какое все под его пальцами — влажное, горячее, упругое, яснее ясного говорит ему о том, чего она не может сказать словами. Пальцы его начинают двигаться под фирменное хриплое: «Вот так... вот так...», прошептанное на ухо.

Если бы кто-то включил секундомер в этот момент, то бесстрастный прибор зафиксировал бы, что с момента первого движения пальцев Ника до того, как Любу накрыл мощнейший оргазм, прошло менее минуты. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что на тот момент им было совершенно не до секундомера. Они были заняты другим.

В миг наивысшего наслаждения ее бедра сжались так сильно, что его отнюдь немаленькая ладонь оказалась свернутой между ними, словно лист бумаги в трубочку. Было больно, но эта была сладкая, правильная боль. Он ни за что бы не убрал сейчас свою руку оттуда. И даже потом, когда она расслабилась и обмякла на нем, ладони его так и остались — левая на ее груди, правая — там, между бедер. Не хотел убирать руки. Словно закрывал ото всех. Или метил. Что-то странное ворочалось в груди. Но черт с ними, с чувствами. Хочется же, смертельно!

Люба наконец-то шевельнулась, томно выдохнула, потерлась спиной о его грудь. Поясницу ей царапнула пряжка его ремня.

— Коля, скажи мне, почему так постоянно выходит, что я голая, а ты как минимум в штанах?

— Потому что кто-то постоянно торопится, — усмехнулся он ей в шею.

— Я?!

— Ну не я же?

— А ну снимай штаны!

— Ну, а я о чем говорю?...

— Тогда я сама!

Впрочем, с поставленной задачей Люба не справилась. Просто потому что в области «молнии» джинсовая ткань была натянута практически до звона.

— Подожди, я встану, так мы не расстегнем...

— Это ты мне или своему другу, томящемуся в заточении?

— Быстро учишься, — хохотнул Ник, вставая.

А потом все случилось так, как она и мечтала все эти месяцы. И как вспоминал он. Тяжелое мужское тело на хрупком женском. Хриплое дыхание. Яростные движения навстречу друг другу. И в этом есть только сладость, страсть и гармония.

Ей кажется, что ее качает на волнах огромный океан. Странное сочетание умиротворения и возбуждения. А еще — что-то поднимается оттуда, из глубин. Что-то, что она не хочет пока осознавать. Подсознательно не хочет. Это «что-то» изменит ее жизнь, она это просто знает. Но не сейчас, еще не сейчас. Сейчас она просто отдается магии этих древних, изначальных движений. А думать — думать будет потом. Когда-нибудь потом.

И если бы кто-то все же снова включил в эти минуты секундомер, то бесстрастный прибор зафиксировал бы, что Ник ненамного опередил Любу.

А потом они лежали, крепко обнявшись.

— Люб, можно, я тебя кое о чем спрошу?

— Спрашивай.

— Ты только не сердись, хорошо?

— Знал бы ты, как я не люблю такие преамбулы в твоём исполнении...

Ник вздохнул. Но, все-таки, сказавши «А»... И потом, этот вопрос его ужасно волновал — в последние несколько часов. Идея пришла в голову внезапно и мгновенно приобрела статус «навязчивой».

— Люб, я спросить хотел... А ты... ну... У тебя был кто-то? Пока я... В эти три месяца?... — чувствует, как она напряглась под его руками. — Люба... скажи... пожалуйста. Почему ты молчишь?!

— А я обиделась!

— Почему?

— Потому!

— Люба...

— Знаешь, я предполагала, что у нас есть некие... обязательства друг перед другом! А ты так не считаешь, видимо?!

— Считаю! — он выдохнул облегченно, прижал к себе крепче. — Просто мы так расстались перед моим отъездом... Мне казалось, ты на меня все еще сердилась тогда и...

— И побежала утешаться к первому встречному?!

— Нет. Я просто дурак, ты же знаешь.

— Вот в этот раз даже не буду с тобой спорить! Дурак как он есть! А скажи мне, мой больной на всю голову друг, а ты сам хранил мне верность?!

Он не то, чтобы замешкался с ответом, но она успела понять, как требовательно прозвучал ее вопрос. И формулировку оценила — уже только когда она прозвучала вслух. Хранить верность? Да, черт побери, она хочет, чтобы он хранил ей верность!

— Люба... — он вздохнул куда-то ей в висок. — Даже если бы мне захотелось вдруг гульнуть налево... у меня просто не было для этого никаких возможностей.

— То есть, тебя удерживало только отсутствие возможностей найти приключения на стороне?!

— Любка... — он простонал ей так же в висок. — Ты хочешь слишком много от мужчины спустя пять минут после оргазма. Я плохо соображаю. И не так выразился. Я и не хотел ничего. И никого. Кроме тебя.

Его слова ей польстили, еще как! Но она не собиралась так легко это показывать.

— Да? — включила надменность на полную катушку. — Что-то не похоже. Я думала, мужчина после трех месяцев воздержания будет более... нетерпелив!

— Ты хочешь сказать, что тебе не понравилось?

— Я... — да как ответить-то, чтобы сохранить преимущество в разговоре?!

— Любава, открою тебе пару страшных мужских секретов...

— А ну-ка? Удиви меня!

— Во-первых, иногда мужчинам хочется именно этого.

— Чего? Пива, пиццы и футбола?

— Нежности. Вместо того, чтобы наброситься на девушку аки тигр на беззащитную жертву и терзать грубым животным сексом. Иногда хочется просто... вот так. Как было у нас сначала. Я не притворялся. Мне действительно хотелось именно так. Не знаю, почему — я не психоаналитик. Но хотелось именно этого — прикосновений, ласки, нежности. Я думал, тебе понравилось...

— Очень! — тут она уже забыла о тактических преимуществах в разговоре.

— Вот и мне показалось... что тебе понравилось. Ты... у тебя в этот раз так ярко и бурно получилось...

Она засопела ему в шею.

— Чего это мы там делаем? Снова стесняемся?

— Немножко.

— Не надо, Любава. Мне очень важно видеть... слышать... чувствовать это. Когда тебе хорошо. Пожалуйста, не сдерживайся, когда тебе хорошо.

— Да у меня и не получается... сдерживаться.

— Ну и здорово.

— Давай лучше про второй мужской секрет, — она решает, что лучше все-таки сменить тему.

— А... Ну, собственно, три месяца без секса — это вообще ни о чем. От этого не умирают. И даже легкого недомогания не чувствуют. Тем более если есть чем заняться. А мне было чем.

— А я думала, тебе меня не хватало...

— Не хватало. Но это разные вещи, ты же понимаешь?

— Понимаю, — пожалуй, хватит откровений на сегодня. — Расскажи мне, чем ты там занимался? А то по скайпу ты был очень лаконичен. А мне интересно.

— Да я же в ресторане рассказывал...

— Совсем чуть-чуть!

— Слушай, давай, я как-нибудь потом расскажу... попозже... в другой раз, а?

И она понимает. Мгновенно, непонятно, как именно, но понимает, что стоит за его нежеланием рассказывать. Негромко и почему-то тяжело сглотнув:

— Оно открылось, да?

Она уже знает ответ, но он все равно звучит, точно так же негромко:

— Да.

Она сжимает кулаки, ногти впиваются в ладони. Все это несправедливо. И ему больно! А она не знает, что сказать или сделать.

— Знаешь, — Ник неожиданно продолжает. — У них другой цвет кожи. У них совершенно дикие на наш взгляд обычаи. Взять хотя бы обрезание у девочек... Хотя тебе лучше об этом не знать. У них чудовищные условия жизни — у многих. Но они от этого не перестают быть людьми. И детьми.

— Ник...

— Мне Хабаров говорил... Это инфекционист наш, кажется, я тебе про него рассказывал, да?

— Да.

— Так он мне говорил, что Африка из тебя сделает либо циника, либо настоящего врача. Циником не хочу, а до настоящего врача я еще не дорос, видимо. Не для меня там.

— А... куда ты теперь?

— В отделении останусь, у Владимира Алексеевича есть для меня ставка. И я рад, знаешь.

— Ник, послушай. Я... я...

— Не говори ничего. Не стоит. Не сейчас. Мне надо это... пережить. Мы как-нибудь потом об этом поговорим, ладно?

— Ладно.

— Иди сюда. Время сопливых нежностей прошло. И настало время настоящей проверки на прочность.

— Матраса?

— Тебя!

— Ой, я вся прямо дрожу.

— Дрррожишь? — пророкотал он ей в шею. — Отчетливей дрррожи!

Она сначала рассмеялась, а потом... потом было все: и дрожь, и стоны. Но он обманул — все было по-прежнему нежно.

Они виделись едва ли не каждый день. Ну, через день точно. Она узнавала по звуку его мотоцикл и, только лишь услышав, выбегала из квартиры. Ник отказывался заходить. Без объяснений, а она не спрашивала. Один лишь раз решился зайти в гости — когда привез эту свою, а точнее, уже Любину джебену. Больше всего обрадовался этому подарку Любин отец — оказывается, давно мечтал. Тут же опробовал, напоил их кофе, сваренным из привезенных Ником зерен. И расплылся в искренней улыбке, когда Ник сказал, попробовав кофе: «Ну, точь-в-точь как там!». И все равно Любе казалось, что Нику, который, по его собственному утверждению, разучился стесняться, было почему-то неловко у них дома. И она не настаивала.

Звук его мотоцикла знала не только Люба. Как-то почти сразу Ник стал объектом поклонения местной детворы — точнее, ее мальчишеской части. Едва слышав знакомый рокот, с воплями «Дядь Коля приехал!» малолетние головорезы, как стая голубей, слетались встречать Ника. Любу они считали крайне досадной помехой и совершенно лишним дополнением к «дядь Коле» и его великолепному Кавасаки. «Отпускали» Ника на свидание только после получаса, как минимум, посвященного ответам на животрепещущие вопросы о том, сделает ли на трассе Ниндзя Ямаху R1, а так же паре кругов по двору с маленьким пассажиром, устроенном на сиденье, между рук Ника. На то, чтобы покататься на мотоцикле, была организована целая очередь, за соблюдением которой головорезы следили самостоятельно. Люба терпеливо ждала положенные полчаса, попутно поражаясь тому, как Ник легко общается с этой бандой. Причем, мальчишки, напоминавшие своим поведением в любое иное время племя команчей во время налета на мирный городок, в присутствии Ника вели себя тише воды, ниже травы.

Потом они вдвоем с Ником гуляли. Жаркий август сменил почти по-летнему теплый сентябрь. Бабье лето. Прозрачное осеннее небо, еще зеленые листья. И,

несмотря на тепло дня, вечера уже остужают горячие головы прохладным дыханием.

Они много где побывали. Парки, кафе, кинотеатры. Держались за руки, иногда целовались — почти невинно. Почему-то отсутствие на данный момент возможностей для более интимных встреч не напрягало ни ее, ни его. Ну, или ей так казалось. Зато они говорили, смеялись, обсуждали все, что видели. Время словно замерло, остановилось, давая им... А что может дать время? Только себя. Время быть вместе и ни о чем не думать.

Она боялась думать. Не хотела. Жила одним днем. Почему-то осмысливать свои отношения с Ником ей казалось делом сейчас попросту невозможным. И неправильным. Ей, привыкшей разумно смотреть на вещи, взвешивать, давать оценку и прогнозировать события, не хотелось делать ничего из перечисленного. Ей казалось, что стоит начать копаться в себе — и что-то случится тут же. И после этого она уже не будет прежней.

Впрочем, «что-то» случилось и без ее копания в себе. Наверное, просто потому что оно должно было случиться — рано или поздно.

На часах почти десять, уже темнеет, они припозднились. Впрочем, Ник теперь не зависит от общественного транспорта — вольная птица на зеленом Kawasaki Ninja. На плечах Любы — согретая теплом его тела кожаная куртка, Ник же стоит напротив в тонкой футболке и утверждает, что ему не холодно.

— Ладно, давай прощаться, поздно уже, тебе пора домой.

— Хорошо. Про завтра помнишь?

— Помню, — кивает Люба. — Вечером созвонимся.

— Договорились.

Она протягивает ему шлем, который до этого вертела в руках. Выходит неловко, и шлем падает на асфальт.

— Ой!

— Да ничего страшного, — Ник нагибается, поднимает зеленый пластиковый почти шар.

— Цел?

— Цел. Но примета плохая.

— Что именно?

— Уронить шлем — плохая примета.

— Извини, — это глупо — верить в приметы, но она почему-то расстроена, что так неудачно подала ему шлем.

— Да ерунда. Байкеры просто народ суеверный. Уронить шлем — плохо. Уронить ключ зажигания — вообще засада. Ронял сто раз — и ключи, и шлем. И все живой.

— Мне очень жаль, правда.

— Не бери в голову, — отмахивается Ник. — Знаешь, Дэн на все плохие приметы как говорит?

— Как?

— Зато в любви повезет, — он усмехается. — Ладно, завтра услышимся.

Целует в щеку, снимает с ее плеч свою куртку. Спустя минуту он уезжает. Парадоксально, но иногда она даже завидует его мотоциклу — тому, как Ник приникает к нему, ложась почти всем корпусом на свое зеленое чудовище. И сейчас это чудовище с рокотом увозит Ника в очередной раз в темноту.

Вечером, после работы они с мамой пьют на кухне чай. Родители не задают вопросы о ее отношениях с Ником, хотя, наверное, о чем-то догадываются. Но мама не спрашивает, и Люба ей за это благодарна. Вместо этого они разговаривают о последнем «Букере». Все-таки, это клево, когда с родителями можно побеседовать, в том числе, и на профессиональные темы. По крайней мере, с мамой — точно. В фотографии Люба понимает только на уровне «нравится» — «не нравится». И то, что делает собственный отец, ей очень нравится.

Их разговор прерывает телефонный звонок. Мама откладывает на блюде только что надкушенное лимонное печенье, вытирает пальцы о салфетку, смотрит на экран телефона и удивленно вскидывает бровь.

— Юля звонит. Она же в командировке... — а затем уже в телефон: — Юлечка Юрьевна, чего тебе не сидится спокойно в городе белых ночей?

А потом Вера молчит, хмурится, слушая далекого собеседника.

— Так, ты, мать, главное, успокойся! Глеб же сказал... Да, я понимаю, но ты успокойся! Хорошо. Ладно. Да, прямо сейчас. Обещаю! Как только — сразу перезвоню. Все, давай, выпей чего-нибудь. Не знаю, чего! От нервов! До связи.

— Мама, что случилось?

Мать какое-то время смотрит на нее, словно раздумывая, стоит ли отвечать. А потом, осторожно подбирая слова:

— Коля... на мотоцикле... в аварию попал.

— Что с ним?!?

— Юля звонила — она сейчас в командировке, форум у них какой-то банковский в Санкт-Петербурге.

Она... совсем не в себе, паникует и бьется в истерике. При том, что сказала, будто Глеб утверждает, что ничего страшного. Он как раз дежурит сегодня, Коля у него. Но ты же знаешь Глеба Николаевича: для него не в коме — уже в порядке. А Юля там просто с ума сходит, мужу уже не верит. Просила меня съездить и удостовериться самолично...

— Я с тобой!

— Конечно. Поехали.

Они добирались до больницы около часа. За это время Люба себя даже не накрутила. Она была, наверное, примерно в том же состоянии, что и еще одна женщина, где-то там, в северной столице. Люба сидела, неосознанно сцепив добела руки на коленях и глядя пустым взглядом на машины за окном. Как? Что случилось? И, самое главное, что сейчас с ним? Не думать! Не представлять! Пытается переключиться на что-то, и вдруг обжигает воспоминание. Зеленый шлем, падающий из рук на асфальт с сухим звуком. Плохая примета? Да, чертовски плохая, ужасная примета, приносящая несчастье! Это Люба во всем виновата!

Она пронеслась по коридорам больницы смерчем, ураганом, тайфуном. Мать еще где-то там, на улице парковала машину, а Люба уже пролетала мимо охраны. «Мне разрешили пройти!», «Меня ждут!», «Где травм. отделение?!». Смелость города берет. Смелость, помноженная на отчаяние, на удивление быстро довела ее до двери с табличкой «Самойлов Глеб Николаевич. Заведующий отделением». Она толкнула ее без стука и вошла внутрь. А там в ее сторону повернулись два очень похожих человека. Отец и сын.

Глеб Николаевич в синем почему-то — просторные штаны и рубашка с короткими рукавами, обнажающая огромные ручки. Он указательным пальцем сдвигает узкие очки в тонкой оправе на кончик носа.

— Любочка, ты, что ли?

Но она смотрит на второго в этом кабинете.

Колька сидит на диване, напротив стоящего, прислонившись к столу, отца. Люба сначала просто упивается тем, что Ник жив, в сознании, сидит тут, а не лежит где-то в реанимации, непонятно в каком состоянии! А потом лишь замечает детали. У него гипс — ниже колена левая штанина джинсов обрезана, и нога вся в белом. Левый локоть тоже забинтован, но уже без гипса. На скуле и

челюсти кровоподтеки. Выглядит в целом потрепанным. Живым, но потрепанным.

Зафиксировав все эти детали, ее мозг уходит на перезагрузку. А Люба сползает по стенке в первый в жизни обморок.

— Ну что за глупости, девочка, — низкий мужской голос звучит бодро и сопровождается легкими шлепками по щекам. Люба открывает глаза. Что случилось? Где она? — Вот, умничка, пришла в себя. На-ка, выпей, — к губам подносят пластиковый стаканчик, из него пахнет резко, крепким спиртным, Люба морщится.

— Ты мне тут нос не морщи, а пей лучше, — голос Глеба Николаевича звучит чуть строже. — Я плохого не посоветую. Опять же, семилетний «Наири» — вещь. Пей, кому говорю! Давай помогу.

Те самые здоровенные ручищи легко, как пушинку, поднимают ее под спину и придают сидячее положение.

— Держи, — в руку суют все тот же стаканчик. — Держишь? А теперь пей. Вот, теперь молодец, теперь хвалю. Что это ты удумала — у меня в кабинете в обморок хлопаться? Вот что я скажу тебе, Верочка,

— Глеб Николаевич оборачивается к Любиной маме, которая тут же, неподалеку, со встревоженным видом сидит на стуле. — Это все Соловьевские гены. Тот тоже норовил по любому пустяку в обморок грохаться.

— Не наговаривай на моего мужа, Глеб, — немного нервно усмехается Вера. — Такое было с ним всего один раз. И у него был повод!

— Ну, может, и был, — невозмутимо соглашается Глеб. — Если б у меня три девки зараз родились — я бы, наверное, стал веревку и мыло искать. Что же вы, дети, как сговорились, а? — это уже обращаясь к сидящим на разных концах дивана Нику и Любе — обоим одинаково бледным и дезориентированным. — Одна в обмороки падает, другой супермена изображает — летает по воздуху и автобусные остановки крушит.

— Ужас! — выдыхает Вера. — Вот Стас периодически начинает жаловаться, что я ему сына так и не родила. Расскажу ему, что мальчишки вытворяют! Ох, Коля, Коля... Что ж ты делаешь-то? Зачем так гонять? А мать там теперь с ума сходит.

— Вот тут я категорически не согласен! — Глеб Николаевич возвращается на свое место за столом. — Любовь Станиславовна, до конца все выпей, я контролирую! Это терапевтическая доза. Так это я к чему? У меня уже служивые были, картину прояснили. Колька не виноват.

— Да! — это наконец-то подает голос Ник. — Я на «зеленый» ехал!

— Истину отрок глаголет. Урод какой-то на «красный» летел, пьяный там или просто дурак — пока неясно. Но поддел Кольку под заднее колесо.

— Я заметил его, да тормозить смысла не было. Наоборот, газу выжал, думал — проскочу перед ним, успею. Не успел.

— Не успел, — соглашается Глеб. — Со слов очевидцев, летел метров пять, обрушил скамейку и часть остановки автобусной. Вообще, удачно влетел.

Вера просто потрясенно качает головой.

— Нет, ну а что? Скамейка удар смягчила, людей ему не подвернулось. Так что Колька молодец.

— Молодец?!

— Конечно, молодец, — невозмутимо кивает Глеб Николаевич. — Среагировал, действовал правильно. Опять же, шлем на нем был — башка целая, легкий сотряс не в счет. Куртка специальная у него, что тоже немаловажно — кожа толстая, усиления, вставки защитные — все это сыграло свою роль, руки и ребра целы.

— А нога?

— А что нога? Там перелом закрытый и с небольшим смещением. Рентген, репозиция — все честь по чести сделали. До свадьбы заживет.

— Надо Юле позвонить.

— Так это Юлия Юрьевна всех переполошила?! Вот же... Скажи мне, Вера Владимировна, как может женщина не доверять мужу, с которым прожила больше двадцати лет?!

— Она тебе доверяет!

— Да? А ведь я ей сказал, что все с Колькой в порядке. Нет же! Устроила панику, подняла людей на уши. Ох, я ей устрою!

— Пожалуй, я в коридор выйду для разговора, — смеется Вера Владимировна.

— Выходи, — кивает Глеб, — но женщине моей передай, что ее по приезду ждет серьезный разговор!

Вера прикрывает за собой дверь кабинета.

— Ну что, красавица, полегчало тебе? — Глеб Николаевич переключает внимание на Любу. — Налить еще?

— Нет, спасибо, не надо. И так все... в порядке, — смущенно отвечает Люба.

А потом она решается посмотреть на него. Ник улыбается ей — смущенно и как-то немного виновато.

Вера возвращается быстро.

— Ну, все, женщину твою успокоила, Глеб Николаевич, слова твои передала. Только Юля, по-моему, не впечатлилась. Сказала, что сейчас коньяку купит и...

— Коньяк — это правильно. Она, поди, и домой намылилась досрочно?

— Точно. Жди завтра.

— Отлично! — Глеб с хрустом переплетает пальцы. — Вот приедет завтра — и высыплю ей по первое число... ремня... сначала.

— Да поздно уже... ремня, — усмехается Вера.

— Ничего подобного! Это дело никогда не поздно!

— Ладно, грозный глава семьи, поедem мы. Раз все в порядке.

— Давайте. А то у меня еще дел куча, и так на этого супермена полдня убил. Только, Верунчик, не в службу, а в дружбу — отбуксируй моего охламона домой, будь ласкова? У меня дежурство, Юля, сама понимаешь, далеко, Варвара на дачу к друзьям с ночевой умотала — шашлыки и прочее. Да и не буду ее уже дергать, ничего ж страшного не случилось, пусть отдыхает. Отвезешь?

— Конечно, отвезу.

— Давай, вали домой, герой ютуба.

— Чего?!

— Да мне уже сообщили, что видео с твоим полетом, снятое на чей-то видеорегиcтpатор, бьет рекорды по просмотрам. Ладно, еще налюбуеться, как ты летал красиво. Держи вот, — Глеб достает из-за спины стоящие у стены костыли. — Под твой рост вроде бы подойдет. Обезболивающее дома есть, наркоз начнет отходить — что делать, знаешь.

— Знаю.

— Ну, тогда хромай отсюда и не мешай мне работать.

Чтобы выйти из машины, Нику потребовалась помощь. Видно, что собственная беспомощность ему страшно неловка, но пришлось принять протянутую руку. Даже две, учитывая соотношение масс — его и двух хрупких женщин.

— Мам, я Коле помогу до квартиры добраться?

— Конечно. Люба... тебя ждать?

— Нет, мам, не жди.

Вера Владимировна неуверенно кивает, но не говорит ничего. Садится в машину и уезжает.

— Ну, пойдём? Давай ключи, буду двери открывать.

Смотреть, как он передвигается на костылях, больно. Но... это временно! Все будет в порядке. Это всего лишь не самый сложный перелом. Заживет, срастется. Месяц, два — и он будет в порядке. Даже не верится, что после всех ее страхов все обошлось так — малой кровью.

В квартире она, шикнув на него, заставила сесть на пуфик и помогла снять кроссовок с ноги.

— Люба, да я бы сам...

— Не спорь со мной!

— Хорошо.

Потом они переместились в гостиную, Ник тяжело опустился на стул.

— Наконец-то...

Да, наконец-то... Наконец-то можно подойти, обхватить плечи, прижаться грудью к затылку и замереть. Ничего страшного не случилось. Он тут, он рядом, живой, теплый. Гипс — пустяки. Главное — что жив-здоров. Люба не выдержала, всхлипнула, наклонилась и уткнулась губами в рыжую макушку.

— Любава, ну, ты что?... Все в порядке... — Ник погладил ее руку. — Чего переполошилась? Все хорошо. Я живучий. Я же Звероящер.

Люба выпрямилась.

— Ну, малыш... — он еще погладил ее по руке, запрокинул голову, глядя на нее снизу вверх. — Не переживай так сильно. Ничего со мной не случилось, видишь? Чего ты так?...

— Чего я так?!

— Ну да...

— Да я люблю тебя! Как я могу не переживать?!

И они замерли оба. У него затекла шея, но он продолжал потрясенно смотреть на нее — перевернутую в его глазах.

— Да... — кивает она. Она сказала это? Она сказала это! И это правда. Вот именно сейчас, сию секунду она поняла, что это правда. — Да, я люблю тебя!

Терпеть боль в шее уже не вмоготу, и он опускает голову. Она смотрит на рыжий затылок. Потом он снова запрокидывает голову.

— Ничего не хочешь мне сказать, Ник?

Он моргнул.

— Люба... мне... мне очень приятно это слышать... честно.

Правда обрушилась на нее молниеносно, полоснула по сердцу, отобрала дыхание. Но гордость... гордость дала ей возможность не упасть на колени прямо в этот момент. Гордость дала силы заговорить.

— Да? Мне тоже очень приятно. Что тебе приятно. Ладно, я пойду.

— Люба, постой. Погоди. Я не...

— Отдыхай. Тебе, наверное, надо больше лежать. Не провожай меня. Я сама дверь захлопну.

— Подожди! — он попытался удержать ее за руку, но не успел — ее ладонь выскользнула из его пальцев.

— Поправляйся, Ник. Пока.

— Да постой же ты!

Не слушает его. Уходит. Он попробовал встать, чуть не грохнулся со стула, зарычал от боли, уронил костыли.

— Люба!!!

Хлопнула дверь. Ушла. Да что же такое сегодня происходит?! Что за день такой?! Все к черту наперекосяк!

Глава пятнадцатая, в которой к героям приходит новый духовный, эмоциональный и иного рода опыт

Люба не помнила, как добиралась домой. Автобус, метро, снова автобус. Лица, лица, лица. Дома сразу в душ. И там, только там — плакать, навзрыд, обняв себя руками на дне кабины, раскачиваясь из стороны в сторону.

Все когда-то случается в жизни в первый раз. И ты в первый раз в жизни влюбляешься. Безответно. Ты любишь. Тебя — нет. Все просто. Смертельно, убийственно просто.

Сколько раз это было в ее жизни? Когда ей признавались в любви? Она даже не помнит. Она никогда не придавала значения этим словам. Иногда, стыдно вспомнить, даже было смешно. Эти умоляющие глаза, дрожащий голос, слова — слова казались смешными. Как же судьба ее наказала! Она, Люба Соловьева, та, которая, сколько себя помнила, всегда была уверена в своей исключительной женской привлекательности, и вся ее жизнь это только подтверждала... И что теперь? Где она теперь? На коленях. Безднажно влюбленная. Ты любишь, тебя — нет. Как же это больно. Она захлебывается водой и слезами.

Потом заперлась в своей комнате. Слез уже не было, но и заснуть не могла долго. Ложилась, садилась, вставала, ходила. Пиликнул телефон, она дернулась. Смс-ка. Может быть?... Пальцы дрожали, когда брала телефон. Напоминание от стоматолога, что пора показаться на плановый прием. Она нервно усмехается. Плакать уже нет сил. Надо как-то жить дальше. Лечить зубы. Чтобы сцепить их покрепче. Выжить. Перетерпеть. Все когда-то случается в первый раз. И на колени ты падаешь тоже в первый раз. Надо вставать. И она встанет — как-нибудь, когда-нибудь.

Заснула Люба уже ближе к трем часам ночи. Ник к этому времени только очнулся от тяжелого сна. Болела сломанная нога и голова. И что-то противно ныло в груди.

На следующий день дома был бедлам. Вернулся с дежурства отец, прилетела мать, приехала Варька. Над ним кудхтали, хлопотали, причитали. А ему

хотелось запереться и подумать. Вчера не получилось — после наркоза и пары таблеток обезболивающего его просто срубило.

Зачем Люба это сказала?! Все ведь было у них отлично! Просто замечательно, лучше не бывает. Нет, он понимал. Что девушкам это надо — чувства, эмоции. Ну и... Что с этим поделаешь, надо — так надо. Но он был не готов такое услышать! Господи, ну зачем?! Почему именно в этот момент?! И что теперь ему делать?!

Ощущение, что он сделал... или не сделал... в общем, чувство чего-то непоправимого нарастало. С каждым часом, с каждым прожитым без нее днем. Что он может сделать? Позвонить?

Нет, это не вариант, наверняка она не станет брать трубку. К тому же, такие вещи просто нельзя улаживать по телефону, он в этом убедился. А не по телефону... Ну не ходок он сейчас, на костылях-то, надо называть вещи своими словами! Да и если бы как-то смог добраться до Любы, то что сказать? Что?!

Через несколько дней она поняла: если не займет себя чем-то — сойдет с ума. Не фигурально, а буквально. Казалось, что вместе с сердцем у нее в груди пульсирует и содрогается нечто металлическое, с острыми шипами. И с каждым ударом раздирает все внутри. Боль не утихает. И даже, наоборот, становится сильнее.

— Любушка, куда смотрят твои поклонники?

— Что? — она оторвалась от монитора, стащила с головы наушники. В дверях стоит Кольчевский.

— Ну, куда это годится? Суббота, а ты на работе? Вместо того, чтобы кружить голову и делать счастливым хорошего парня.

— Иногда это утомляет, — скупое усмехается она.

— Так-так... — прищурился Виталий Федорович. — А ну-ка, пойдем на приватную беседу в мой кабинет.

— Бить будете? — нарочито тоненько пискнула Люба.

— Кофе поить, шоколадом кормить. И пытать.

— Ну, тогда обязательно в этом порядке, — со вздохом ответила Люба. — Сначала кофе и шоколад, потом — пытки.

— Ну, что у тебя случилось, девочка? Таким красавицам по статусу не положено грустить.

— А я и не грущу.

— Люба, Люба... Да что ж творится в этом подлунном мире — если ТАКИЕ девушки от тоски любовной сохнут.

Она дернулась, чтобы возразить. И передумала. Отломил еще кусочек темного шоколада.

— Да кто же это такой, что так тебя расстраивает? Я даже представить не могу — что это за принц прекрасный, что ты по нему так убиваешься.

— Любовь зла — полюбишь и... принца. А Любовь Станиславовна не только зла, но еще и дура.

Кольчевский демонстрирует изгибом брови свое удивление ее откровенностью. А Люба вдруг решается продолжить и спросить.

— Виталий Федорович, а вы знаете... как моя мама начала писать?

— Ты имеешь в виду обстоятельства ее перехода от амплуа «критик» к амплуа «писатель»?

— Да.

— В самых общих чертах. Верочка как-то обмолвилась, что у нее тогда был очень тяжелый период в жизни. Мы не настолько дружны с твоей мамой, чтобы она мне рассказывала детали, но у меня есть ощущение, что это связано с твоим отцом.

— Так и есть. Они расстались, и мама думала, что навсегда. Тогда она и начала писать. И это помогло ей пережить потерю дорогого человека — ну, она так думала.

Кольчевский смотрит на нее сквозь пар, поверх ярко-желтой чашки.

— Ты попробовала последовать этому рецепту?

Люба морщится.

— Да.

— И как?

— Дерьмо полное! Простите. Пробовала вести дневник — записки сумасшедшего. Стихи попробовала написать — корявое убожество. На прозу замахнулась — не лучше стихов.

— Ты к себе сурова. Давай, я посмотрю?

— Нет! Я в состоянии отличить качественный литературный текст от жалких графоманских потуг — меня этому пять лет учили!

— Ты не объективна, Люба.

— Еще как объективна! Правду говорят — природа на детях талантливых людей отдыхает. Нет у меня маминого таланта. Нет. И не проснулся.

— Что ж... — пожимает плечами шеф, — в тебе есть еще отцовы гены.

— Ой, там вообще глухо! — отмахивается Люба. — Думаете, папа не пробовал нас научить? Не, мы все трое — абсолютные бездари в плане фотодела. Еще у Сони что-то получается, а мы с Надей — полное папино разочарование в этом вопросе.

— Ты слишком прямолинейно смотришь на вещи, Любушка.

— А именно?

— Твои родители — оба талантливые художники в широком смысле этого слова. Люди, умеющие видеть нечто настоящее и передавать это — неважно, какими средствами. В тебе это тоже есть.

— Не думаю.

— А я уверен.

— Ты умеешь что-то иное.

— Что именно?!

— Откуда я знаю? — усмехается Кольчевский. — Это твоя задача — выяснить, к чему у тебя лежит душа.

Слова Виталия Федоровича засели в голове крепко. Ей все равно надо было на что-то переключиться, о чем-то думать, чтобы не скатываться снова в сопливую жалость к самой себе. Как же так, ее, такую умную, красивую, чудесную — и не полюбили! Теперь она стала мудрее. Теперь она знает: любят, потому что любят. Без объяснений. Это просто или есть, или нет. И твои достоинства — мифические или настоящие, не решают здесь ничего. Так, стоп! Не думать об этом. Нет, нет.

Подруга вытащила ее на шопинг. Именно в огромном торговом центре, у одной из витрин, Люба вдруг поняла — вот оно. Замерла даже. Но уже знала точно — это оно. То, что она хочет делать. Скорее всего, трудно. Вероятно, уже поздно и невозможно научиться. Но чем сложнее задача — тем лучше!

Интернет ей в помощь. При таком развитии информационных и телекоммуникационных технологий фраза «Кто ищет, тот всегда найдет» является сухой констатацией факта. Сначала нашла тематическую группу в соц. сети. Потом увидела работы одного парня — и влюбилась. В то, что рождалось под его руками. Почитала информацию и поняла: он тот, кто ей нужен. Егор Беркович. С аватарки на нее смотрело горбоносое узкое лицо с глубоко посаженными глазами и ехидной усмешкой. Длинные темные волосы собраны в не очень опрятный «конский хвост». Не красавчик. Зато руки, судя по всему, не просто золотые — алмазные. Выпускник хим. фака МГУ и обладатель потрясающего художественного чутья. Люба раздумывала недолго.

— Егор, добрый день. Восхищена твоими работами. Безумно хочу научиться делать так же. Это вообще возможно?

Ответ пришел минут через десять. Неожиданный. Хотя... Это смотря как поглядеть.

— Это твое настоящее фото на аватарке?

— Да.

Он снова промедлил с ответом.

— Давай встретимся и обсудим. Завтра в шесть нормально? Тебе удобно?

— Да.

— Отлично. Сейчас адрес мастерской сброшу.

Снова пауза.

— Нет, погоди. Это точно ты на авке?

Люба не выдержала и усмехнулась. Фото действительно шикарное — дело рук Маши Тихомировой. Собственное тщеславие заставило поставить на автарку самое удачное из возможных фото. Но именно поэтому этим аккаунтом Люба редко пользовалась — проходу же не дают!

— Как тебя убедить, Егор? В скайп слабо?

— Скидывай данные!

Спустя буквально минуту — запрос на авторизацию, а затем — видеозвонок. Люба нажимает на кнопку «Принять звонок».

Егор именно такой, как на аватарке, только вместо кожаной куртки — голубая футболка. И выражение лица... Люба не выдерживает и смеется.

— Здравствуй, Егор.

— Ты настоящая!

— Нет, ну, на самом деле я — киборг, — продолжает веселиться она — кажется, впервые с того момента, как... Улыбка меркнет.

— Обалдеть...

— Встретимся завтра?

— Спрашиваешь! Конечно. Я тебе адрес сброшу сейчас.

— Егор, я насчет обучения серьезно. Очень хочу научиться. У тебя работы потрясающие. У меня есть шансы?

— У тебя все шансы!

— Егор, я серьезно!

— Я тоже. Приезжай, Люба. На месте разберемся.

С Егором оказалось просто. Это она умела — выстраивать правильную модель отношений с поклонниками. Вот чего она не умела — так это правильно влюбляться. Умудрилась же... Не думать!

Егор принял выставленную ему дистанцию смиренно. Зато долго и нудно рассказывал, как это сложно и даже опасно, и что, вообще, стеклодувное дело — не женское вовсе. Жар горелки не очень-то полезен для нежной женской кожи, постоянно смотреть на пламя — вредно для глаз, да и ожог получить — вполне себе реально.

— Егор, давай эту часть пропустим, а? Я все поняла.

— Ну ладно, — вздыхает он. — Тогда пойдем в мастерскую.

И там она пропала. Когда увидела, как из тонкого стеклянного стержня (так называемый дрот — пояснил Егор) рождается хрупкий прозрачный шар.

— Хочу! — выдохнула, не отрывая взгляда от светло-голубого текучего переливающегося стекла.

— Понял, — вздохнул Егор. — Клиент готов.

Она настояла, чтобы уроки были платными. Во избежание дальнейших недоразумений. И готова была каждый вечер проводить в мастерской Егора. Он был тоже увлечен — больше ученицей, чем занятиями, но Любу это не слишком волновало. Егор держался в рамках приличий, а исключительно деловой статус их отношений она обозначила сразу. Впрочем, удержаться в этих рамках не удалось в первую очередь ей самой. За неполный месяц Егор стал ее личной таблеткой от тоски — умный, ехидный, с отличным чувством юмора и фантастическими руками. В его руки она просто влюбилась — в их потрясающее, феноменальное мастерство.

Когда у Любы получилась первая красивая капля, она бросилась Егору на шею. Напрасно — это она потом уже поняла. Спустя три дня он отказался брать у нее

деньги за уроки. Они поскандалили, но Егор своего решения не изменил, А Люба уже не могла без этого. Еще спустя две недели она заработала первый ожог — на правой руке, у основания безымянного пальца. Беркович кудахтал как наседка — мазал мазью, бинтовал. А потом вдруг не отпустил ее руку. Подался к ней и...

— Егор, не надо! — Люба резко отстранилась. Черт, запудрила парню голову! Стала неловко собираться, забинтованная рука мешала.

— Люба, пожалуйста... — у него и тон расстроенный, и вид. — Не уходи. Я больше не буду. Я не хотел.

— Пока, Егор.

Ругала себя последними словами — ведь видела, что нравится ему, и все равно... Теперь ты знаешь, как это больно, когда тебе отказывают во взаимности. Зачем довела другого до этого?

Егор позвонил через два дня, предложил встретиться. И она согласилась. Потому что чувствовала себя виноватой.

С тоской оглядела мастерскую. Как же она за два дня успела соскучиться...

— Егор, извини меня, — начала Люба первая.

— Люб, я взрослый человек, старше тебя на три года. Ну, помечтал, с кем не бывает? Все, проехали. Забыли как дурной сон.

— Егор...

— Двадцать восемь лет уже Егор! Ты научиться хочешь?

— Хочу.

— Тогда давай работать.

В итоге он стал ей и другом, и наставником. А потом и партнером.

Ник дисциплинированно пил кальций, валялся на кровати и ничего не делал. А, нет. С тоски подышал еще. Чем дальше, тем все становилось необратимей. Все, нет ее. Будто и не было никогда в его жизни. Но ведь была. Была!

Такая, каких у него не было никогда. Нереально красивая. Неожиданно умная. Фантастически сексуальная. Странно чуткая. Упоительно нежная. И — все. Нет ее. Ну, зачем она так?! Зачем она все усложнила, запутала, испортила?

Он попробовал занять голову. Но вся специальная литература, которую он раньше предпочитал любому другому чтиву, сейчас раздражала. Да и стажировка в Эфиопии показала, что на самом деле важно. Багаж знаний у него и без того приличный, не стоит забивать голову тем, что никогда может и не пригодиться. А вот клиническое мышление и практика... И вместо медицинских справочников взялся за этого чертова Гумилева.

Неожиданный и смелый

Женский голос в телефоне, —

Сколько сладостных гармоний

В этом голосе без тела!

Его тезка знал, о чем писал. Нику вспомнился их с Любой разговор — после того, как она в первый раз... Какая она была откровенная. И как у него самого дыхание перехватывало от ее слов, как плотнее прижимал телефон к уху, боясь пропустить хоть слово. Воспоминания — такие неожиданно яркие. Такие внезапно болезненные. Все, что ему осталось?

Начал ходить — с тростью. Поначалу опираться на ногу было больно, но надо разрабатывать. Гуляет потихоньку. Дошел до гаража. Верный конь лежит в углу — покореженный, поверженный. Как и его жизнь? Да ладно! Нога заживет окончательно, и Ник... он придумает что-нибудь. Не может быть, чтобы нельзя было исправить.

— А где дядь Коля?

На заданный вопрос Люба резко обернулась. Мальчишка — лет шесть-семь, из местных.

— Ты меня спрашиваешь?

— Ну да, — пацан дернул вверх-вниз молнию на куртке, потер нос. — Здрате. А дядь Коля чего больше не приезжает?

Ей даже пришлось зажмуриться — от внезапной острой боли, которую приносит этот вопрос. А потом открывает глаза и что-то такое есть в ее взгляде, видимо, что мальчишка вдруг отступает на шаг. Ну же, Люба, прекрати! Это всего лишь ребенок, и он не виноват в твоих проблемах.

— Он занят, — улыбается вымученно, через силу. — У него... много работы.

— Ааа... ясно. Ну, вы тогда, это... передайте ему, что мне гланды вырезали! И я совсем не боялся — как он меня научил!

— Хорошо, — она улыбается почти искренне.

— А меня Славик зовут. Да свидания! — паренек срывается с места и быстро исчезает за углом.

Улыбка гаснет, Люба прикусывает нижнюю губу совсем детским жестом. Чтобы не расплакаться.

Чертов Самойлов. Только-только она создала себе хрупкий стеклянный кокон, куда не было допуска воспоминаниям и сожалениям, и, вот, пожалуйста. Подкараулил на пороге ее собственного дома, ударил в спину рукой ребенка. Ненавидит. Ненавидит! Прикусывает теперь уже щеку, изнутри, лезет в сумочку за ключами. Да кого она обманывает? Любит...

Подсказка пришла неожиданно, с экрана монитора. Он в очередной раз гипнотизировал ее персональные данные в скайпе. Люба последнее время почти все время офф-лайн. На аватарке — прозрачный голубой шар. Статус: «Не трогай меня, я стеклянная. И меня сломаешь, и сам порежешься». Нику почему-то кажется, что эти слова — ему. И от этого невозможно тошно.

Ткнул курсором в «дату рождения». И завис ненадолго. У нее день рождения через неделю! Вот он, повод! Приедет, поздравит. Подарит подарок. Извинится. Столько раз, сколько нужно! И все станет, как прежде. Хотя, кого он обманывает? Но что-то изменится, точно. Хотя что-то изменится. А хуже быть уже просто не может.

Он все еще думал об этом вечером, в постели. Где-то там, в той части души, в которую он предпочитал не заглядывать, было понимание, что извинения — это совсем не то, что она от него ждет. Но не мог же он... сказать эти слова просто в ответ на ее. Люба замечательная, и она нужна ему, ему без нее плохо, но... Он не мог сказать ей эти слова просто так. Он никогда и никому этого не говорил. И кому-то, наверное, просто это сказать, но не ему. И это не просто слова, он знал это точно!

Если бы он смог описать свои чувства профессиональному психологу (что, конечно, маловероятно) или если бы тот смог каким-то образом прочесть мысли Ника (что чуть менее маловероятно), то специалист сказал бы, что причина в том, что Ник относится к категории так называемых однолюбов. Для таких «люблю» — это «люблю» навсегда.

Сам Ник о себе в таких высоких выражениях, разумеется, не думал. Но одно он знал точно: когда ты говоришь «я люблю тебя» — это только начало. И за этим должно быть много других слов и поступков. Нельзя сказать эти слова и оставить все, как есть. Если ты любишь кого-то — этот человек должен стать частью твоей жизни, неотделимой. Эти слова — ключ, который открывает новую дверь в твоей жизни. И в ней все будет иначе. А он к этому сейчас просто-напросто не готов.

Но надо попробовать что-то сделать. И он же не может не поздравить Любу с днем рождения? Только ему нужен совет человека, знающего не понаслышке, что это такое — мириться с девчонкой Соловьевой.

— Вик, привет. Не отвлекаю?

— Нет, все нормально. Привет, дружище. Как нога?

— А чего ей будет? В понедельник выхожу на работу.

— Ого. Быстро ты поправился.

— Да хромаю еще, но Варька обещала меня отвозить на службу. Не могу просто уже дома сидеть.

— А я бы с удовольствием пару недель сейчас бы дома посидел... — мечтательно тянет Вик.

— Там не так здорово, поверь мне. Вик, мне нужно с тобой... поговорить.

— Ну, так приезжай к нам, — не задумываясь, отвечает друг.

— Нет, там будет неудобно.

— Я так понимаю, и в офисе — тоже не вариант?

— Ну да...

— Ладно, давай тогда сегодня, часиков в семь, в том нашем спорт-баре, помнишь?

— Договорились!

— Ну, рассказывай, не тяни, — они, словно две гимназистки, заказали себе по чашке кофе и чизкейку. Вик за рулем, а Нику просто не хочется никакого спиртного.

— Мне нужен твой совет.

— Да? А что случилось? «Железо» накрылось? «Софтина» какая-то глючит? Или заблокировали доступ к любимому порносайту?

— Вы сегодня просто в ударе, Виктор Олегович — так зажигательно шутите.

— Ладно, понял, — Вик перестает даже улыбаться. — Я серьезен. Вещай.

— Вить... вы с Надей ссоритесь?

— Конечно.

— А как миритесь?

— Хм... очень приятно.

— Я серьезно!

— Я тоже. После примирения все как-то особенно приятно. А к чему такой интерес к моей личной жизни?

— Мне... — Ник вздохнул и решился, — мне надо кое с кем помириться.

— С кем это? Со своей паранойей?

— Баженов!

— Ладно-ладно! Просто ты какой-то странный. Что случилось, скажи толком?

— Ну... Я поссорился со своей девушкой. Наверное, можно даже сказать, что я... обидел ее. И теперь не знаю, как...

— Так, стоп! У тебя есть девушка?!

— Есть.

Вик ложечкой отламывает приличный кусок чизкейка, отправляет его в рот, делает глоток кофе. И лишь потом продолжает разговор.

— Что делается, а? И ты, Брут. Кто она?

— Я же сказал — девушка!

— Да нет, в твоей упертой гетеросексуальной ориентации я и не сомневался. Но... — Вик качает головой. — Она, видимо, нечто совсем выдающееся, если добилась-таки от тебя статуса «твоей девушки». Да еще и умудрилась посеять в тебе чувство вины. Познакомишь?

— Зачем тебе? — мрачно.

— С такими людьми надо дружить.

— Если помиришь нас — познакомлю.

— Ага. Ну, надо подумать. Значит, накосячил?

— Накосячил, — со вздохом соглашается Ник.

— Ну, извиняться, без вариантов. Прости, дурак, дебил, не подумал, не хотел тебя обидеть, ну и так далее.

— Боюсь, этого будет недостаточно. А если... подарить что-то?

— Хорошая мысль. Цветы будут кстати.

Цветы... Нет, цветы — это хорошо, но Ник совсем не то имел в виду.

— А ты что Наде на день рождения подаришь? У нее же скоро...

— Я уже купил — кольцо. Мне как бы тонко намекнули.

— А это вообще подходящий подарок? Ну, мне, например, чтобы извиниться...

— Ювелирка — вариант беспроблемный, — пожимает плечами Вик. — Но это стоит прилично.

— Ты на что намекаешь?!

— Да ни на что! Господи, Колька, я тебя не узнаю — ты чего такой нервный? Я уверен, что ты в состоянии купить своей девушке что-то дорогое и стоящее. Просто вот подумай... Кому я дарю кольцо за тридцать штук? Любимой женщине. Жене. Матери моего сына. А ты кому купишь дорогой подарок? Нет, если ты так уверен, что у вас все серьезно — давай. Девушки любят золото и бриллианты — все, без исключения.

— А вот кольцо столько и стоит, да? Тридцать тысяч?

— Да по-разному. Можно и за пять, можно и за сто. Тут вариантов масса. Но я бы на твоём месте не дарил бы кольцо.

— Почему?

— Ну, знаешь... Кольцо — это вроде как символ. Ну, или... В общем, обычно, если мужчина и женщина не женаты, а у них некие отношения... И мужчина дарит кольцо... Как правило, это делают при предложении руки и сердца, понимаешь?

— Понимаю, — хмуро кивает Ник. — Как еще есть варианты?

— Ну... — Вик задумчиво проводит ладонью по коротко стриженным светлым волосам. — Серьги — сразу нет. Там все очень непросто, они должны подходить к форме лица, да и металл и камни — тоже. В общем, фиг угадаешь. Цепочки — тоже, кто-то любит, кто-то нет.

— Как сложно-то все, блин...

— А ты думал! Это тебе не скальпелем орудовать. Я думаю, тебе стоит остановиться на браслете.

— Браслете?

— Угу. Вещь довольно универсальная. Единственное, что приличный браслет стоит весьма недешево — там металла много, а если еще с камнями... Раза в два дороже, наверное, чем вот то кольцо, которое я Наде купил. Зато с размерами проще, чем с кольцами теми же.

— Там еще и размеры есть?!

— Ну, знаешь ли, размер есть не только у... В общем, там их три всего — маленький, средний и большой. Кажется. У твоей девушки руки тонкие?

— Ну... да. Как у... Нади, примерно.

— Тогда это S-ка.

— Чего?!

— Самый маленький размер. Господи, ты как младенец, честное слово.

— А ты умудренный жизнью старец!

— Но ты же пришел ко мне за советом?

— Твоя правда, — вздыхает Ник. — Где их хоть покупают, скажи, о, мудрейший?

Времени на долгие раздумья у него не было — день рождения у Любы уже в следующую пятницу. Правда, если все обстоит с ценой вопроса так, как сказал Витька — то это съест почти все его сбережения. У него была заначка на зарплатой карте. Копил денег, планировал летом рвануть в Европу, погонять на каком-нибудь из легендарных автодромов — Муджелло, Ле-Ман, Саксонское кольцо. Вместо Европы ему обломилась Африка, а теперь он остался и вовсе без мотоцикла. Так что деньги можно тратить. Если было на что. В конце концов, с голоду он не умрет, с родителями живет, как-никак, не дадут пропасть. Ник, правда, как-то свыкся уже с мыслью, что у него есть деньги —

свои собственные сбережения, заработанные самостоятельно. Но сами по себе они ничего не значили. Хотя имели определенное значение, как ни крути.

Ник иногда натыкался на комментарии в соц. сетях вроде таких: «Да не буду я встречаться с лохом, который не в состоянии сводить девушку в приличный ресторан, дарит букеты за пятьсот рублей и заставляет ездить на метро!». Его даже не раздражали такие фразы. Они слишком многое говорили о таких... хм... девушках.

Хотя он бы употребил другое слово. Но в любом случае, с теми, у которых такое потребительское отношение к мужчинам, ему было явно не по пути. Но Люба... Люба не такая. Они никогда от него ничего не ждала, ничего не просила. Даже в кафе как-то попыталась за себя заплатить, но уж это-то он пресек. Но ведь он ей ничего не дарил, ни разу! Кроме этого кофейника несчастного. Нику стало не то, чтобы стыдно. Да нет, и правда, стыдно. Люба достойна всего самого лучшего, а он, он... Нет, точно, завтра же пойдет и купит ей дорогой подарок!

Ник долго не мог решиться зайти. В торговом центре ювелирных салонов было натыкано так часто, будто драгоценные украшения — предмет первой необходимости. В общем, выбирай — не хочу. Но он проходил мимо раз за разом, не решаясь зайти. Уже нога начла ныть.

В этом — какая-то монументальная продавщица, похожая на школьную учительницу. В другом — две молодые девушки за прилавком о чем-то щебечут друг с другом, и как привлечь их внимание? В третьем обнаружилась такая расфуфыренная и накрашенная девица, что к ней и подходить-то боязно. А вот девушка в четвертом по счету салоне вдруг поймала его взгляд сквозь стекло бутика и слегка улыбнулась. Она чем-то похожа на Любу — темненькая, хрупкая. И он решился.

— Здравствуйте! Чем я могу вам помочь?

— Мне нужен браслет, — Ник старается держаться уверенно.

— Мужской, женский?

Он даже растерялся. Мысль о том, что мужчины могут носить золотые браслеты, ему даже не приходила в голову.

— Женский. Хочу купить подарок... для девушки.

Продавщица незаметно сканирует потенциального клиента. Окончательного решения о его покупательной способности вынести не получается, но отмечает отсутствие обручального кольца на безымянном пальце.

— Это просто девушка? Или... особая девушка?

— Особая, — отвечает уверенно, почти без паузы.

После недолгих размышлений девушка решает предложить ему вариант из верхней части среднего ценового диапазона.

— Вот, посмотрите, — она достает с витрины образец. — Очень красивый браслет. Элегантность, классика, стиль.

Браслет и правда красивый, хотя Ник ни черта в этом не понимает. Ничего не может с собой поделать — поддевает пальцем ценник. И меняется в лице. Витька не соврал! Даже слегка приуменьшил.

— Дорого, — выдыхает честно.

— Вы не располагаете такой суммой?

— Да нет. Располагаю, в принципе. Но... Я не думал, что это столько стоит...

— Могу предложить более скромные варианты, — продавщица — сама любезность. — Но позвольте дать вам совет. Это, — она поднимает повыше браслет, — очень хорошее предложение. Смотрите, — подчеркивает цифру на ценнике, — на него скидка тридцать процентов — последний размер остался, S-ка. Уверяю вас, он стоит этих денег, это очень выгодная покупка. У вашей девушки рука какая?

— Ну, как раз такая... тонкая.

— Я сейчас на себя надену, а вы посмотрите, — девушка быстро щелкает застежкой браслета, поднимает руку. — Смотрите, как шикарно смотрится, — она поворачивает из стороны в сторону изящное запястье. — Белое и розовое золото. Шестнадцать бриллиантов, суммарный средний вес... сейчас уточню... ноль триста пятьдесят пять тысячных карат. Семь сапфиров — смотрите, какой цвет, какая чистота камней. Суммарный средний вес камней — три и два десятых карат. Вот честное слово, за эти деньги — просто шикарный вариант.

Ник слегка заворожено следит за блеском темно-синих камней, цветом почти как ее глаза. Если решаться — то сейчас, потом он просто не сможет!

— Хорошо, беру.

«ЙЕС!» — воскликнула про себя продавщица. Впрочем, она была честна с этим обаятельным «рыжиком»: браслет действительно стоящий, и цена за него справедливая — уж она-то в этих вопросах разбирается.

— Оплата наличными или по карте?

— По карте.

Его рука слегка дрогнула, когда он передавал свою банковскую карту. Этот браслет сожрет почти всего его накопления. Ну да ладно, он все равно уже решил.

Глава шестнадцатая, которая является прямой иллюстрацией третьего закона Ньютона

— Ты почему так поздно, радость моя?

— Твоя радость была сегодня еще радостью нашего общего друга Коли, — Вик наклонился, чтобы подхватить сына на руки.

— Ты встречался с Ником? Как его ноженька?

— Его ноженька сорок пятого размера почти зажила.

— Это хорошо. Есть будешь?

— Да. Во мне только кофе и чизкейк. Все, все — иди, деловой, — сынишка, засвидетельствовав почтение родителю, стал рваться с рук.

— Ну, тогда пойдем на кухню. Заодно расскажешь, что там у Ника случилось.

— Пойдем. Слушай, но ты не поверишь...

— Что такое? — Надя накладывает мужу на тарелку рыбы по-монастырски.

— У нашего Коленьки появилась зазноба.

— Да ну?

— Угу. И он с ней умудрился рассориться в дым. И по этому поводу теперь весь такой страдалец в тоске и печали.

— Коля? В тоске? Из-за девушки?

— Не видел бы сам — ни за что бы не поверил. Ой, Надюш, рыба исключительная!

— Кушай на здоровье, отец-кормилец, — Надя села за стол, напротив, подперла щеку рукой, вполглаза приглядывая за сыном, увлеченно катающим игрушечный трактор по полу. — Слушай, ну вот это новости. Значит, сдался железный Феликс. Кто она?

— Понятия не имею. Подозреваемый не сознается. Но я уже хочу с ней познакомиться. Это кто ж нашу стену непрошибаемую пробил?

— Теперь и я буду умирать от любопытства. Слушай, есть идея! Надо будет Любку попытать — они как-то с Ником неожиданно сдружились, общаются, вроде бы, часто. Правда, Любашкин что-то в последние недели смурная до невозможности. Ой... — она замолкает и смотрит на мужа. Вик тоже перестает есть. — Ой, нет, да не может же быть...

— Не может, — соглашается Вик. — Это абсурдно. Чтобы Люба связалась с Ником?...

— Да я вот тоже не верю — что у Коли хватит терпения на Любу. Но не может же это быть совпадением?...

Вик отвечает супруге задумчивым взглядом.

— Но, Витя, слушай... Если это Любка довела нашего доктора до такого состояния, то я ей самолично косы повыдергаю — те, что она еще не отстригла себе!

— Вообще-то, насколько я понял, там именно Николай Глебович накосячил. Я думал, ты будешь на стороне Любы.

— Ой, а то я не знаю свою сестру. Любовь Станиславовна при желании может мужика до нервного срыва довести! Легко и не напрягаясь. Используя все богатство великого русского языка.

— А я знаю, что Колька своей непроходимой... неуклюжестью может довести любую девушку до белого каления. Уж поверь мне, я знаю, о чем говорю. Повидал этого в исполнении нашего доктора.

— Ты сейчас о чем?

— Знаешь, — Вик аккуратно промокает губы салфеткой. — На него всегда девчонки как-то странно реагировали...

— Ну-ка, поведай мне о временах вашей буйной юности.

— А вот не буду.

— Почему это?

— Потому что, когда я тебе в последний раз рассказывал о временах своей, как ты выражаешься, «буйной юности»... и ты, кстати, просила сама рассказать и обещала не обижаться... а вместо этого я потом месяц спал на диване!

— Кто тебе виноват, что ты был такой развратник? — нимало не смутившись, пожала плечами Надя. — Ты меня шокировал! А тебе полезно месяц потомиться без секса.

— Кто сказал?!

— Я сказала, — усмехнулась Надя. — Ладно, не переживай, о себе можешь скромно умолчать. Что там с Ником?

— Да ты знаешь... Не могу сказать, что на него прямо уж так вешались. Но и без внимания Ник обычно не оставался. Не писанные красавицы, конечно, но Колька вообще не слишком разборчив в плане женской красоты.

— Натуральный Звероящер, — прокомментировала Надя.

— Угу. Самое удивительное, что этот Звероящер умудрялся каким-то непонятным образом будить практически во всех девушках неконтролируемый инстинкт гнездования.

— Это как?

— Ну да, ты не в курсе, у сестер Соловьевых он же априори отсутствует, — ухмыльнулся Вик, ловко увернувшись от брошенного полотенца.

— Это ты, типа, жалуешься?

— Это я, типа, восхищаюсь. И, вообще, я всем доволен, и не обо мне речь. Просто вот видел неоднократно, как это происходит. Спустя некоторое количество времени после знакомства с нашим дорогим доктором девушки начинают беспокоиться, как у Коленьки повязан шарфик, и не застудит ли мальчик горлышко. И все ли пуговицы на месте на рубашке, а если вдруг нет, то тут же рвутся пришивать. Вечно ему таскали всякую снедь из дому, пирожки там, булочки домашние и прочее — это он мне сам про своих сокурсниц рассказывал. Норовили затащить домой и познакомить с папой. Хотя на этапе знакомства с папой Ник обычно растворялся в синей дымке.

— Интересный эффект...

— И не говори. Колька по какому-то непонятному парадоксу вызывает у большинства дам желание срочно забиться к нему под крыло, побыстренько окольцевать и вить с ним гнездо. Не знаю, что в нем такое. Причем, сам он ни малейшей склонности к витью гнезда не имеет и никогда не скрывал этого, что характерно. А девчонкам это все было до одного места — все равно так и норовили...

— Что значит — нет склонности к витью гнезда? Наш доктор собирается всю жизнь бобылем прожить?

— Почему все жизнь? У него же план составлен — что и в каком возрасте он делает. Институт, ординатура, работа, потом аттестация, получение категории, потом снова работа, снова аттестация, получение другой категории. Где-то там еще у него в планах была работа на кафедре и защита кандидатской — но я не уверен уже.

— А где там у него женитьба в этих планах? После пенсии?

— По-моему, между получением второй и первой категории. В общем, после тридцати когда-то. Не сомневаюсь, что у него и перечень требований имеется к будущей супруге. Включая санитарные нормы и допуски.

— Нда. Случай запущенный. Слушай, вот я не уверена, что Любка захочет проверять, как у Николеньки повязан шарфик и все ли пуговицы пришиты, а так же ждать его первой категории.

— Да, ты права. Это просто совпадение, а мы тут напридумывали черт знает чего.

Надя кивает, но уверенности в ее взгляде нет.

Люба не хотела никакого празднования дня рождения. Вообще никакого. Но ее не спросили. Закадычная еще со школьных времен подруга Маринка, попробовав сначала попенять и усовестить строптивую именинницу, потом просто взяла дело в свои изящные, но крепкие ручки. Любу поставили перед фактом: еда из ресторана заказана, гости приглашены, от тебя, Любаша, требуется одно — быть ослепительной. Это Люба умела. Но категорически не хотела, да только выбора ей не оставили. Даже родители оценили Маринкину затею, и на вечер пятницы любезно освободили квартиру, уехав нянчить Ванечку, пока Любина сестра с мужем выгуливают новое Надино кольцо в ресторане.

Звонить сестрам и поздравлять с днем рождения оказалось неожиданно трудным. Чужое благополучие: теплое семейное счастье Нади, смешливая беззаботность Сони вызывали чувство собственной ущербности. И снова остро хотелось жалеть себя. Но не сегодня же. Сегодня гости, праздник, день рождения. Будь он неладен! А она сама хочет сейчас к жару горелки, к чуду живого стекла, становящимся послушным под твоей рукой и дыханием. Егор говорил ей, что она такими темпами скоро станет настоящим мастером. Люба отмахивалась, но единственное место, где она теперь жила по-настоящему, была именно мастерская Берковича. У Любы действительно получалось. Она не понимала, как это происходит, но в какой-то неуловимый момент Люба просто начинала видеть в капле стекла фигуру. Пока ее поделки были совсем простенькие, но Егор утверждал, что в них есть, как он это называл, импульс.

Кстати, подлый Беркович ее предал. Подарил набор инструментов — победитовый нож, узкий стальной пинцет, широкий пинцет с медными наконечниками. Очень нужный подарок, кто бы спорил. А вот в гости прийти отказался, сославшись на то, что никого там не знает. Люба не стала настаивать — боялась тронуть то хрупкое равновесие, в которое пришли ее отношения с Егором. Он ей был сейчас просто необходим — как друг, как наставник. Но все же жаль, что не принял приглашение. Хоть было бы с кем поговорить.

Ник с отвращением смотрел на свое отражение в зеркальной поверхности стенного шкафа в родительской спальне. Костюмы он ненавидел люто. Сам

себе в костюме казался медведем, облаченным в попону. Но за каким-то бесом решил, что должен прийти к ней именно в костюме. Ну не вручать же браслет за две тысячи евро в джинсах и толстовке? Посмотрел на галстук в руке. Нет, это уже перебор! В галстуке он вообще выглядит как полный идиот.

— А кто это у нас такой красивыый? А кто это у нас такой нарядныый? — в комнату заглянула Варвара. — Вах, какой красавчик! Хоть сейчас в гроб клади!

— Зачем в гроб?

— Да выражение лица похоронное. Галстук завязать?

— Не надо! — Ник сунул предмет вопроса в карман. — И без галстука дурак дураком.

— Вот зря ты так, — Варя смахнула невидимую пылинку с плеча темно-серого пиджака. — Тебе очень идет, между прочим. Умеешь носить костюм, в отличие от папы. Она оценит. Да-да, — Варя усмехнулась на удивленный взгляд брата. — Я знаю, куда ты собираешься. Тоже мне, секрет Полишинеля.

— Какие вы проницательные... с Полишинелем.

— А то! Мы не только проницательные, мы еще добрые и щедрые! Поэтому держи, — сестра протягивает ему автомобильные ключи с резиновой Ньюшей-брелком на колечке. — Или ты там планируешь выпивать?

— Не планирую, поэтому — спасибо.

— На здоровье. Не забудь букет купить по дороге, Ромео.

— Без сопливых разберемся.

Выбор букета вогнал Ника примерно в такой же ступор, что и приобретение браслета. Много, разные. Но все какие-то... Пестро и аляписто. Ему не нравится, он не представляет, как это подарит Любе.

— Выбрали что-то? — к нему незаметно подошла продавщица — дама средних лет в стильных очках в черной оправе.

— Нет, — вздохнул Ник. — Все не нравится.

— Ну, так давайте сделаем так, чтобы вам нравилось, — усмехнулась его собеседница. — Кому цветы? По какому поводу?

— На день рождения. Девушке.

— Это просто девушка? Или... особая девушка?

Интересно, их где-то специально учат этот вопрос задавать?

— Особая, — буркнул Ник.

— Какие бы вы хотели подарить ей цветы?

— Не знаю, — он чувствовал себя дураком. — Красивые. Но чтобы не так вот... ярко. Чтобы было... — Ник с досады прищелкнул пальцами.

Продавщица понимающе усмехнулась.

— А вы знаете, что цветы имеют значение? Каждый цветок что-то значит.

— В каком смысле?

— В прямом. Вот, например, — она ловко достает из вазона пышную темно-красную розу. — Алая роза — символ любви. Роза вообще символизирует любовь. Красный цвет — цвет страсти. Подарить букет красных роз — это все равно, что признаться в любви.

Ерунда какая-то. Он вспоминает почему-то Любу в тот день, когда он ее уволок от этого Марка. И букет бордовых роз в ее руках. Нет, чушь. Красные розы он ей дарить не будет!

— А есть цветок, — Ник не верит, что он тут стоит и ведет дискуссию о смысле цветов, — который означает... ну, извинение?

— Есть, — слегка улыбается дама. — Знаете, существует какое-то странное предубеждение против желтого цвета. Что желтый цвет — это цвет предательства, неверности или разлуки. Это неправда! Желтый — цвет солнца. Например, букет желтых роз говорит о том, что вы раскаиваетесь и хотите начать все сначала. Ну и сама по себе роза — это символ любви. Смотрите, какие роскошные розы, — она поддела двумя пальцами цветок из дальнего

вазона. — Свежие, а как пахнут, — под нос Нику сунули роскошный полураспустившийся бутон сочного желтого цвета. Ник послушно вдохнул и едва успел отвернуться и прикрыть рот ладонью.

— Простите, — он наконец-то прочихался. — Иногда чихаю на сильные запахи цветочные. Но она действительно... — Еще одно оглушительно «апчхи!». — Да что ж такое, извините, — полез в карман за носовым платком. — Давайте желтые, пока я не расчихался окончательно.

— Количество? В какую сумму хотите уложиться?

— Не важно. На ваше усмотрение. А можно еще чем-то... синим украсить?

— Есть отличный синий гиацинт. Тогда я вам советую — двадцать одна желтая роза, гиацинты и немного зелени крупной. Будет очень необычно, но красиво.

— Да, — кивнул, еще раз чихнув. — Только я на улице подожду, хорошо?

— Люба! — крикнула в глубину квартиры Соловьевых открывшая Нику дверь высокая тонкая блондинка. — Тут пришел импозантный и плечистый мужчина с роскошным букетом. Явно по твою душу. А вы, — это уже ему, — проходите.

Он едва успел шагнуть через порог и тут увидел ее.

Никогда он не видел Любу такой. Очень яркий макияж — так называемый вечерний, но Ник таких слов не знает, разумеется. Глаза кажутся особенно большими и совершенно бездонными. Похоже, она немного похудела. Снова экстремально укоротила волосы. Идеальная линия скулы, совершенный маленький подбородок, беззащитная натянутость шеи и стеклянная хрупкость тонких ключиц, открытых широким вырезом платья. Платье на ней... не видел раньше ничего подобного. Ни на ней, ни вообще. Черное, облегающее,

короткое, без рукавов. Простое, но идеально на ней сидящее. Черные чулки, черные шпильки. Она другая. Она потрясающая.

А ведь он знает, что там, под этим обманчиво простым платьем. Возможно, на ней то черное прозрачное белье с белыми атласными ленточками. Или другое какое-то. Но это все не важно. Важно, что он знает, что там, под всем этим. Нежная кожа. Точно подходящая под его ладони грудь с отзывчивыми сосками. И такая же идеально подходящая под его лапищи попа — круглая, упругая. Ножки — стройные, изящные. Которые особенно офигенно смотрятся на его поясице. Неужели он действительно был в постели с этой девушкой — сейчас, как никогда, ослепительной в сиянии своей красоты? Неужели трогал, гладил, целовал это тело, что сейчас упаковано в провокационное черное платье? Да, трогал! Везде, где хотел, и она позволяла ему все-все... И, черт, о чем он думает?! Любина подружка глядит на них, молчащих и смотрящих друг на друга, с откровенным любопытством. Он резко выдохнул.

— Поздравляю с днем рождения, Люба.

Протянул букет, ожидая любой реакции. Вот честно — любой.

Она приняла букет. Церемонно склонила голову.

— Спасибо, Николай. Удивил, честно говоря. Вот это сюрприз. Не... не ожидала тебя. Ну, ты раздевайся, проходи, нашу квартиру знаешь, все в гостиную. А я пойду, цветы в вазу поставлю.

Закреть за собой дверь, прижаться к ней спиной. Ей нужно несколько минут. Букет ароматных роскошных желтых роз и синих гиацинтов печально понурил голову в ее правой руке. А в левую руку, в район большого пальца, впились ее зубы. Не смей плакать! Не смей портить макияж! Дыши, Любовь Станиславовна, дыши. Вот так, вот молодец. Спину выпрями, плечи разверни. Букет в вазу, выкинешь потом. Нельзя показать ему, как тебе больно.

Она потирает шрам на правой руке, это уже вошло у нее в привычку. Она выдержит. Неважно, зачем он пришел, она все равно выдержит. После всего, что было — выдержит. Она стекло, горячее, расплавленное. И трогать ее опасно.

— Дорогие гости, минуточку внимания! Позвольте представить вам пополнение нашей компании — мой давний знакомый, друг детства Николай Самойлов. Николай — хирург, поэтому советую быть с ним предельно аккуратными и внимательными.

Кто-то уже весьма нетрезво смеется.

— Штрафную хирургу!

Ник у долго пришлось объяснять, что он не может пить, потому что за рулем. Еле-еле отбился.

Ему нужно застать Любу наедине — поговорить, вручить подарок. Но сейчас это представляется невозможным. Кто ж знал, что у Любы столько знакомых? Впрочем, он знал — теоретически. Что она очень общительна и популярна, среди молодых людей особенно. А он уже успел привыкнуть, что она — только для него, только его, целиком его. Настроение, и без того напряженное, портилось стремительно. Особенно когда увидел этого... как его... Марка.

Люба ровна и мила со всеми, никого особо не выделяя. Краем уха он услышал, как она очень тепло и как-то даже нежно говорит с кем-то по телефону. Услышал фразу: «Спасибо, Егор. За все. За подарок. И за то, что ты есть. Мне тебя тут ужасно не хватает». Становилось все тошнее. Какой еще, к черту, Егор?! А потом Ник вдруг оказался втянут в общение с Мариной — блондинкой, открывшей ему дверь. Оказалось, эта та самая школьная подруга, о которой рассказывал Люба. «Неужели ты меня не узнал?» — смеется Марина. Он вымученно улыбается, отрицательно качая головой, но Марину это не смущает. Спрашивает его про работу, что-то рассказывает о себе. Ник отделывается односложными фразами. А потом замечает, что Любы нет в

гостиной. И Марка тоже. Нет, это никуда не годится. То Егор какой-то, теперь этот тип! Ник извинился перед Мариной и быстро вышел из комнаты.

Ей даже дышалось в одной комнате с ним трудно. Словно он заполнял собой все пространство, забирал весь воздух. Даже не видя, она точно знала, где он. Смотрит ли? Держать спину прямой становилось все труднее. Какого черта он явился? Вдруг вежливость проснулась и решил поздравить подружку детства? Ни разу не делал так и вдруг сподобился? Нет, ну невозможно же! Надо выйти, продышаться, дать передохнуть той силе, что удерживала стальной прут в спине. Что заставляла смеяться, улыбаться, шутить. Быть милой и внимательной, остроумной и очаровательной. Боже мой, у нее сегодня бенефис! И сейчас объявляется антракт.

Выходит из гостиной на кухню, под предлогом принести что-то. Неважно, что. Прикрывает за собой стеклянную дверь матового стекла, подходит к окну. Там темно. Время сейчас такое — дни все короче, ночи все длиннее. Темноты все больше — как и в ее жизни.

За спиной негромко стучает дверь, Люба оборачивается и морщится. Еще один незванный гость. Или Маринка пригласила Марка на свой страх и риск. Любе это неинтересно.

— Любушка, куда же ты от нас сбежала?

По внешнему виду похоже, что Марк слегка перебрал.

— Просто надо кое-что принести. Салфетки закончились.

— Знаешь, — он подошел совсем вплотную. Пьян, теперь совершенно отчетливо видно, что пьян. Еще не в дым, но уже порядочно навеселе. — Тебя невозможно выбросить из головы. Я старался, но так и не смог. Скажи мне, что я делал не так?

— Послушай, — Люба морщится, ей неловко и неприятно — и разговор, и ситуация, и сам Марк. — Не в тебе дело, понимаешь? Во мне. Не в тебе.

— Что я делал не так? — он ее словно не слышит. Проводит вдруг пальцами от ее обнаженного плеча по руке вниз, придвигаясь близко-близко. — Что, Любушка? Скажи мне. Я исправлюсь. Тебе будет со мной хорошо. Я обещаю.

Чувство неловкости исчезает, оставляя одно лишь отвращение. Не трогайте ее, никто! Даже такая близость, просто вторжение чужого человека в свое личное пространство, самое невинное прикосновение мужчины вызывают сейчас практически неконтролируемое желание отшатнуться. Только вот сзади ее припирает подоконник. Если Марк подвинется еще хотя бы чуть-чуть ближе, она поступит нечестно, но эффективно. И врежет ему коленом между ног!

А потом ее планы кардинально меняются. Она слышит шаги. Знакомые шаги. И решение приходит молниеносно. Без раздумий она в следующую секунду притянула Марка за шею к себе, вдохнула поглубже и, стараясь не обращать внимания на резкий запах алкоголя, поцеловала его. Марк слегка опешил, «притормозил», но все же сориентировался. Ответил на поцелуй, развернул их вдвоем, поменяв местами, притянул ее к себе вплотную, тут же облапил за попу. А потом события понеслись совсем стремительно.

Первое, что Ник увидел, почему-то — мужская ладонь на обтянутых черным платьем идеальных ягодицах. Какой-то тип лапает за задницу его девушку! А дальше были только рефлексy. Он этого Марка даже не ударил — просто оторвал от Любы за шкуру и отшвырнул в сторону. Ну, наверное, сил не рассчитал. Тот ударился об угол деревянного резного буфета — гордость Стаса Саныча, сполз вниз. Протестующе и тонко зазвенел фарфор на верхних полках. Фарфор поддержала Люба — возмущенно и очень громко.

— Самойлов, какого хрена ты творишь?!

— Какого хрена ОН тебя лапает?! — Ник, разумеется, заорал в ответ.

— А почему это ТЕБЯ касается?!

— Да потому что...

— Я сейчас тебя урою... — вмешался в их диалог третий.

— Отвали, — Ник, не глядя, толкнул Марка в грудь, и тот снова завалился на злополучный буфет, фарфор уже не зазвенел — зазвякал. Но равновесия Марк не потерял. Вытер тыльной стороной ладони угол рта — видимо, подсмотрел в каком-нибудь боевике этот жест, потому что в реальности крови на лице не было и в помине. И не внял совету отвалить.

— Слышишь, ты, инструктор по рукопашному бою! Только уважение к этому дома не позволяет мне дать тебе в морду прямо здесь и сейчас! Пошли, выйдем на лестничную площадку, поговорим как мужики.

— Поговорим, обязательно, — мрачно пообещал Ник. — Только чуть попозже. Люба, что за хрень происходит, объясни мне!

— О, объясню! — она уперла руки в бедра. — С удовольствием объясню. Медленно и по слогам. У тебя же с пониманием не очень хорошо дело обстоит, так? Ты находишься в МОЕМ доме. Ты пришел на МОЙ день рождения. Тебя сюда НЕ приглашали. И ты оскорбил МЕНЯ, устроив драку с МОИМ молодым человеком.

— С кем?!

— Не знаешь значения этого слова? — Люба усмехнулась. — Хорошо, скажу попроще. С моим любовником. Так тебе понятнее? Такими категориями ты в состоянии оперировать? Или тебе объяснить значение слова «любовник»?

Ник молчал. Он реально не знал, что сказать. Было только одно ощущение — мир рушится вокруг. Пол осыпается под ногами.

— Ладно, объясню. Любовник — это мужчина, имеющий с женщиной сексуальную связь, но не...

— Любава! Прекрати!

— Любава я только для папы. И не смей на меня повышать голос. Думаю, что даже тебе теперь все предельно ясно. И я очень тебя прошу — уходи. Сейчас. Сию секунду. Твое присутствие здесь не желательно.

Единственное, за что она была благодарна Марку — что он, сам не понимая, подыграл ей. Подошел, покровительственно обнял за плечи. Потому что сама Люба доигрывала сцену уже на остатках сил — у Ника были такие глаза, что...

А потом Ник резко развернулся и вышел из кухни. А у нее подогнулись колени, и она бы упала, если бы не Марк. Она все равно не устояла на ногах — но потом, позже...

Пальто, шарф, руки в карманы, перчатки. Все на автопилоте, не думая. Думать — больно. Не сейчас. В кармане обнаруживается что-то вытянутое, достает. Футляр с браслетом. Боль прорывается, он резко кладет футляр на полку — к чужим шарфам и перчаткам. Ему сейчас безразлична судьба этой дорогой вещи — Ник просто не может держать это в руках. И, в конце концов, это ее подарок. Ей. Для нее. Пусть будет... на память. И даже если подарок как-то затеряется,

будет кем-то прихвачен случайно, не попадет ей в руки и окажется, что деньги потрачены зря — плевать. Деньги имеют значение до определенного предела. Когда ты подышаешь — о деньгах ты уже не волнуешься. Ты лишился чего-то жизненно-важного. И, только лишившись, понял, что можешь подохнуть без этого.

Входную дверь он прикрыл бесшумно.

В квартире наконец-то тихо и пусто. И так будет до утра. Родители решили остаться ночевать у Нади с Виком, гости разошлись. Даже Марк, в конце концов, свалил, хотя выставить его удалось с трудом. Люба оставила попытки объясниться с ним и просто вытолкала его за дверь, сунув в руки одежду. Толку разговаривать с пьяным. Если сам позже позвонит ей — что ж, она попробует объяснить, извинится, не впервой ей, уже научилась. Да, некрасиво вышло по отношению к Марку, но... Что сделано, то сделано.

Люба смотрит на свое отражение в настенном зеркале. Все, представление окончено. Можно сгорбить спину, опустить плечи, смыть грим. Ее рассеянный взгляд цепляется за темно-синий вытянутый футляр, лежащий на самом краю полочки под зеркалом. Эта вещь не принадлежит ей. И не принадлежит родителям. И не забыта случайно кем-то из гостей — она откуда-то знает это точно. И что-то вдруг остро колет под ребрами. Пальцы подрагивают, когда берет. Не сразу решается открыть. Внутри — узкая полоска бумаги. Корявый почерк, но видно, что писавший старался.

Люба, поздравляю с днем рождения. Ник.

А под запиской обнаружился браслет. У нее пальцы просто уже ходят ходуном, когда достает его из футляра. Браслет почему-то не холодный — словно хранит тепло его рук. Тяжелый и теплый. Как и Ник.

Люба медленно сползает по стене, садится на холодную итальянскую плитку «под камень», затоптанную многочисленными гостями. Утыкается лицом в колени и нервное напряжение прорывается наконец-то слезами — громко, надрывно. Плачет она долго, совсем не по-королевски, некрасиво, шмыгая

носом, размазывая вечерний макияж по щекам, до икоты. А потом, еще икая и всхлипывая, решительно застегивает браслет на руке. Ее размер. Идеально. И это становится поводом для очередной порции слез. С холодной грязной плитки рядом с входной дверью она встала далеко не скоро.

Глава семнадцатая, в которой Николай страдает и работает, а Любовь — работает и страдает

Ник всегда считал, что потеря аппетита и бессонница на нервной почве — либо фантазии впечатлительных барышень, либо признаки конкретно запущенного невроза. А теперь на своей шкуре ощутил все прелести этой «фантазии».

Он вкалывал как проклятый. Задерживался на работе. Подгребал все дежурства, какие только были. На работе еще как-то удавалось поспать, как ни странно — несмотря на то, что будили и дергали. Но дома — дома он стал спать совсем плохо. Вот вроде бы и устал, и глаза уже слипаются, а стоит только коснуться головой подушки — и все. Кино включают, блин!

Он впервые вынужден был расписаться в собственном бессилии. Что собственной голове, собственным мыслям не хозяин. Потому что думать о случившемся смысла не было. Но не думать не получалось. И это были даже не мысли. Это было мучительное осознание собственной потери.

Люба не отпускала его даже в беспокойных, рваных снах. Ему снилось. Она, обнаженная, с капельками пота над верхней губой, с закрытыми глазами. Выгибается, постанывает. Под другим. Чужие руки накрывают идеальную грудь. Чужие губы целуют.

Он просыпается посреди ночи с бешено колотящимся сердцем. И так хочется сказать себе: «Успокойся, это всего лишь сон». Но — нет. Это не сон. Это, мать твою, правда! Он встает, идет в ванную комнату, умывается холодной водой. Потом на кухню, бутылку минералки из холодильника. А после не может

уснуть до утра, и ненавидит и презирает себя за эту слабость, за то, что на поверку оказалось, что у него вместо нервов — вареные макароны. Никогда бы не подумал, что такое может быть с ним. Что вообще такое — бывает. В реальной жизни.

В конце концов, это не могло не сказаться на работе. Владимир Алексеевич прямо спросил, в чем дело, и не дать ли Нику пару дней отгулов. Нина Гавриловна тоже деликатностью не отличилась.

— Николай, а я тебя предупреждала. Вот что ж вы за люди — молодежь? Никогда не слушаетесь старших! Вот говорила я — не для тебя она? Говорила. А теперь вон на тебя смотреть тошно. Такого парня... Эх...

У него нет сил даже спорить, оправдываться, огрызаться. Молча смотрит в окно. Хмурый, мрачный ноябрь за окном. И пироги с капустой совсем невкусные.

С этим надо что-то делать — если уже работа начала страдать. Ему ошибаться нельзя никак. Спросил у отца, что лучше принимать от бессонницы — золпидем или нитрозедам.

В ответ получил подзатыльник и совет: «Водку!». Мысль о спиртном вызывала отвращение, а вот отеческая длань оказалась все-таки терапевтическое действие. Стыдно стало. Ну, надо же как-то справляться с собой. Не пацан уже. Ну, наломал дров. Ну, получил по заслугам. Жизнь на этом не кончилась. Хотя вот в данный момент кажется, что именно кончилась. Надо за что-то цепляться. Работа. У него есть работа. Его слабости не должны на ней отражаться. Спустя две недели он снова смог нормально спать. А вот аппетит так толком и не вернулся.

— Любка, прекращай мне ребенка баловать!

— А кто балует?

— У него этих тракторов уже столько, что складывать некуда.

— Ну, нравится же Ванечке, — Люба рассеянно смотрит на племянника, увлеченно исследующего новую игрушку. Берет чашку с чаем, но, так и не отпив из нее, ставит на стол. Рассеянность и задумчивость заметны невооруженным взглядом. Как и роскошный браслет на запястье. И Надя решается спросить.

— Красивая вещь. Можно посмотреть?

— Да, конечно, — Люба расстегивает замок и протягивает сестре браслет. Но у Нади странное чувство, что эту вещь хозяйка выпускает из рук крайне неохотно.

Надежда защелкивает браслет на собственном запястье — на ее руке он сидит так же хорошо, как и на Любиной. Поворачивает руку из стороны в сторону.

— Красота какая. Это кто же тебе такие дорогие игрушки дарит?

— А они именно дорогие? Я не очень в этом разбираюсь, ты же в курсе. Это ты у нас ювелирный магнат стараниями Вектора.

— Нууу... — Надя с видом профессионального ювелира прищуривает глаза, разглядывая украшение на собственном запястье. — Две — две с половиной тысячи, думаю.

— То есть, это... бижутерия?!

— Ну, мать, ты даешь... Две с половиной тысяч евро!

— ЧТО?! Сколько?!

— Ну, в этих пределах. Я же говорю — дорогой подарок. Люб, надеюсь, ты понимаешь... Не хочу тебя учить жизни, но если ты принимаешь такие подарки от мужчины — то ты даешь ему определенные надежды. И берешь на себя определенные обязательства.

У сестры дрогнули губы, подбородок. Но Люба ничего не сказала в ответ. А Надя не смогла удержаться.

— Любашик, кто он?

— Неважно.

Обидно такое недоверие от сестры. Тем более что сама Люба в свое время оказалась осведомлена о сердечных делах Нади едва ли не лучше самой Нади.

— Это Ник, да?

Сначала ей кажется, что Люба не ответит. Но та произносит, тихо, отвернувшись и глядя в окно:

— Да. Только я не хочу об этом говорить. Не сердись, Надюш. И верни мне мой браслет, пожалуйста.

— Витя, ты представляешь?! Это все-таки Ник!

— Что — Ник?

— Ну, Ник и Люба!

— Офигеть... Как они так вляпались-то... друг в друга... Я их не могу представить вместе.

— Знаешь, — Надя задумчива. — А я могу. Если у них все... по-настоящему.

— Не знаю, как у них там, но Колька в последнее время или отмалчивается, или психует.

— А Люба грустная. Блин... Как бы им помочь?

— Никак. Двое дерутся — третий не мешай. Полезем — только хуже сделаем.

— Ну, жалко же дураков.

— Да кто ж спорит. Жалко.

В какой-то момент Люба поняла, что она опасно привязывается к Егору. И что это чревато новыми потрясениями — для него, в первую очередь. Но без его мастерской жить уже не могла. И что делать? А решение оказалось простым — как в детстве. Если не знаешь, что делать — иди к папе. Папа все знает.

Она скрывала от родителей свое увлечение стеклодувным делом. Не могла объяснить, почему. Придумывала какие-то несуществующие мероприятия, встречи, оправдывая свое почти ежедневное отсутствие дома до позднего вечера. А когда наконец-то создалась отцу, поняла, какой была дурочкой. У папы совершенно счастливые глаза, в которых ни тени упрека или непонимания, а только радость и гордость за ребенка.

— Ты ж моя умница! — отец притянул ее за голову, поцеловал в висок. — Когда покажешь?

— Принесу что-нибудь из своих поделок, они в мастерской у Егора, — она прижимается щекой к отцову плечу. — Знаешь, пап, мне так неудобно перед ним — я столько времени у Егора отнимаю, у него своих дел куча...

— Ну, так давай сделаем тебе собственную мастерскую, — отец ответил спокойно, как будто это было нечто само собой разумеющееся.

— А это можно?!

— Думаю, нет ничего невозможного для человека с интеллектом, — усмехается отец, поглаживая ее по голове. — И с определенными финансовыми возможностями.

— У Егора мастерская на базе химического факультета...

— У нас не факультет, конечно, но мы попробуем что-нибудь сделать, если тебе это нужно.

— Очень!

Мама отреагировала на открытие дома филиала стеклодувной мастерской гораздо более скептически, нежели отец.

— Доченька, ну зачем тебе это? Это же тяжело, опасно. Вон, уже один ожог на руке есть. Неужели ничего менее опасного нельзя выбрать?

— Моя дочь — художник, — Стас обнимает Любу за плечи. — И только сам художник определяет материал, с которым будет работать. Если моя дочь хочет работать со стеклом — значит, она будет работать со стеклом.

— Упрямые, — вздыхает Вера.

Именно сейчас Люба поняла, как ей повезло с родителями. На обустройство домашней мастерской у отца ушла неделя. Под это дело была выделена бывшая комната Нади. Папа проконсультировался по телефону с Егором в части требуемого оборудования, нашел все необходимое, купил, сам установил и подключил. Мама при виде баллонов с газом и кислородом покачала головой, понимая, что спорить бесполезно. И только увидев сильную струю ярко-голубого пламени в опасной близости от своей девочки, охнула. И тут даже Любины уверения в том, что она этим уже не один месяц занимается и знает, что делает, не помогли — мама два дня отпаивалась успокоительным. И предпочитала не заходить в комнату, когда дочь работает.

А Люба работала. Она была безумно благодарна Егору за все, что он для нее сделал. Но, лишь оставшись один на один со стеклянными заготовками и горелкой, она раскрепостилась по-настоящему. А у нее стало получаться такое... Такое, что даже Беркович присвистнул, когда она показала ему свою Жар-птицу.

— Люба, это здорово. По-настоящему здорово.

— Спасибо, — ей невероятно приятно. Слова Егора для нее много значат.

— Не хочешь выставить на продажу?

— Предлагаешь стоять на рынке? Налетай, не скупись, покупай живопись...

— Не обязательно. Можно попробовать...

— Эй, молодежь, — в комнату заглядывает отец. — Айда чай пить. «Прага» поспела.

Торт удался, чай ароматный, беседа ведется на приятные для Любы темы. И вдруг, неожиданно, отец портит все:

— Мне Глебадий втык тут дал. Сказал, заедет проверить, как я с кислородным баллоном обошелся. Историями страшными пугал.

— Но ведь это действительно опасно, — Вера Владимировна до сих пор не в восторге от Любиной с отцом затеи.

— Я сделал все, как положено, — парирует Стас. — Так что пусть приезжает, проверяет, бюрократ медицинский. Хоть один, хоть с Колькой. Мне стыдиться нечего — я все делаю на совесть, — тут Соловьев замолкает, недоуменно уставившись на толкающую его под столом ногой жену.

А у Любы резко пропадает аппетит и желание поддерживать разговор. Одно только имя. Колька. Ник. Звероящер. Любимый. Потерянный любимый. Он ее не простит. Никогда.

Работа не спасала — сколько бы ее ни было. Он стал спать по ночам, но проклятые картинки — они преследовали его и наяву. Кто бы мог подумать, что у него такое богатое воображение? Раньше вот Ник полагал, что у него оно отсутствует напрочь. Зато теперь с каким-то мазохизмом представлял. Ее. Любу. С другим. Обязательно в постели. Ей с другим так же хорошо, как было с ним? Или, возможно, тот, другой, дал ей то, что не дал он сам? От этих мыслей, от этих картин тошнило. Надо на что-то переключиться — работа не спасает.

Решил заняться мотоциклом. Снова наведалься в гараж, но там быстро понял: своими руками починить не удастся — слишком сильны повреждения, повело раму, нужна сварка. Проще купить новый, чем ремонтировать этот. Хотя это же его боевой друг, и продавать на запчасти было обидно. Может быть, попробовать вернуть любимое «детище» к жизни? Но в любом случае, на ремонт денег сейчас нет — все ушло на... А Ник все равно не жалеет о сделанном. Может быть, хоть так она будет иногда его вспоминать?

Отбросив идею занять голову мотоциклом, Ник вдруг вспомнил о том, на что ему постоянно пенял Батюшко. О вопросе собственного жилья. А и в самом деле — может быть, пора уже валить из теплого родительского дома? Тем более, ему сейчас хотелось этого — чтобы было место, куда можно прийти и где тебя никто, никто не будет трогать, задавать вопросы и пытаться развлечь. Ник не страдал излишней гордыней и пошел за советом к человеку, который разбирался в рынке недвижимости куда лучше, чем он сам — к матери. В итоге

его определили в хорошие руки — к специалисту по ипотечному кредитованию со сказочным именем «Аленушка» и обыкновенной фамилией «Елисеева».

При непосредственном общении с Аленушкой Ник понял, как мало он еще в этой жизни повидал. Особенно в ее бюрократической составляющей. Теперь он стал гораздо лучше понимать шефа, который вечно ворчал на засилье бумажек. Ник все необходимые документы и справки переделывал раз по три, Аленушка, она же Алена Владимировна, терпеливо возилась с ним, как с малым дитем — ну, а как иначе, сама Юлия Юрьевна попросила помочь. Небыстро и неспешно, учитывая, что работу в отделении никто не отменял, но дело по получению ипотечного кредита, тем не менее, двигалось. И главное — он нашел, чем себя занять.

Стеклянная армия заполонила весь комод и понемногу стала стекать на пол. Какие-то фантастические цветочные композиции, нереальной красоты хрупкие деревья, горделивый красавец олень и смешной сердитый домовый. Егор просто тащился от ее последней работы — пары Деда Мороза и Снегурочки. Добрый Дед Мороз у Любы вышел нетрадиционно суровым, от переливов синего стекла так и веяло холодом — суровое зимнее божество, а не добрый дедушка. Под стать ему была и Снегурочка — не веселая внучка, а, скорее, дочка — вся в отца, только фигура более светлая, искристо-льдистая. Пара оставляла странное впечатление, странное, но завораживающее. Егор сфотографировал и через неделю заявил, что нашел покупателя. На Любино тщательно скрываемое недовольство только фыркнуло.

— Учись расставаться с работами. Все, ты вышла из любителей. Будь профессионалом.

— Да какой из меня профессионал?

— Вот как первую работу продашь — так и станешь профессионалом. Ну, я забираю?

— Забирай, — со вздохом. — Но Жар-птицу не отдам!

— Если найду покупателя — отдашь.

— Нет! Егор, — почти просительно, — все что, угодно, но ее не отдам. Она... моя. Для меня.

— Ладно, — соглашается. — Ты работай, девочка, а мы там потом разберемся.

Она гладит тонкий огненный гребень. Сама не может понять, чем ей так дорога эта работа. Она сделана качественно, это факт. Переливы — от темно-багряного через алый к трескучему оранжевому. Поднятые вверх крылья во всполохах застывшего пламени. Жар-птица. Феникс. Символ возрождения. И Люба так же, как феникс — когда-нибудь вернется к нормальной жизни. Сейчас она выживает.

Через какое-то время несогласие выразил уже отец.

— Любава, ну их уже скоро ставить некуда. Этак твое сказочное зверье скоро нас из дому выживет.

— Пап, ну Егор продает понемногу... Мне, наверное, надо просто перестать их делать в таком объеме. А я остановиться не могу, — Люба вздохнула.

— А что все Егор да Егор? Сама не можешь, что ли? Заниматься реализацией? Если это продается?

— Ой, пап, это не так просто. Этим, правда, надо заниматься. Я не хочу. Мне времени жаль. Я лучше... — она виновато потупилась.

— Кто тебя просит этим заниматься самолично? — удивленно спрашивает отец.

— Есть такая штука, как Интернет. Открой свой интернет-магазин. От тебя ничего не будет требоваться. Почти. Только фотографии работ выкладывай.

— Да? Но я совсем не знаю, как сделать... такое.

— А тебе зачем знать? У нас есть для этого специально обученный человек — муж твоей старшей сестры.

— Витя?

— Витя.

— Нет!

— Почему? — отец удивлен. — Он в этом прекрасно разбирается.

Люба не может толком объяснить, почему. Наверное, потому что Вик — друг Ника. А она сейчас не хочет видеть вокруг себя ничего и никого, кто хоть как-то будет напоминать ей о нем.

— Ну, Вик же денег с меня не возьмет за то, что сделает этот магазин...

— Конечно, не возьмет. Вот еще глупости. Мы все свои люди.

— Не хочу его отвлекать от семьи на свои глупости, если это даже денег ему не принесет.

— Да Виктор будет рад помочь, я уверен.

— Пусть он это время лучше на жену и сына потратит, — Люба не собирается соглашаться. — Я попробую поискать кого-то. Спасибо за идею, па.

— Привет, крыса.

— Кто?!

— Крыса, — голос Вика в телефонной трубке демонстративно ровен.

— Баженов, ты там белены объелся?! Я твоей бесценной пожалуйюсь, что ты меня обзываешь!

— Я тебя не обзываю. Я констатирую факт.

— И почему это я — крыса?!

— А кто еще? Отказываешься от моей помощи, собираешь нанимать какого-то левого дядю со стороны. Как это еще назвать?

— Вик... — похоже, папа ее сдал.

— Люб, если ты на меня за что-то обиделась, или у тебя какие-то претензии ко мне — скажи прямо. К чему весь этот детский сад с привлечением чужих людей, когда я все могу сделать сам?

— Да ни на что я не обиделась!

— Тогда когда встречаемся?

— Эээ... зачем?

— Обсудить детали, — Вик по-прежнему невозмутим. — Ты расскажешь мне, чего хочешь от своего интернет-магазина.

Люба вздыхает. Вот как Надя живет с этим упрямцем? Непременно все нужно сделать по-своему!

— Ау, Любовь Станиславовна! Я жду ответа.

Не отстанет, факт.

— Ну, давай сегодня вечером после работы я к вам подъеду.

— Не, давай лучше не дома. Дома Ванька нам не даст поработать. Приезжай ко мне в офис. Знаешь, где я обитаю?

— Нет.

— Так, сейчас скину адрес смс-кой.

— Уютно у тебя тут. Боже мой, даже Надина фотография на столе... Баженов, ты законченный подкаблучник.

— Угу. Кофе будешь?

— А что у тебя есть к кофе?

— Ну, надо же... — Вик качает головой. — Дали меду — и ложку теперь подавай.

— Меду не хочу.

— Какие ж вы, Соловьевы, все-таки капризные... Печеньем меня сегодня угостили. Будешь печенье?

— Давай.

А потом они устроились за столом Вика, перед монитором.

— Ну, рассказывай.

— Вить, я, наверно, только на пальцах смогу объяснить...

— Давай на пальцах. Не впервой.

За разговорами они просидели около часа, выпили по кружке кофе, сгрызли вкусное домашнее печенье.

— Ну, мне все понятно, — Вик наклоняет голову направо, налево, наклоняет вперед, разминая шею. — На каркас уйдет пара недель, обкатаем — и в бой. Главное, чтобы доменное имя быстро зарегистрировали.

— Что?

— Не парься. Это я о своем.

— Спасибо, Вить, — Любе неловко. — Тратишь на меня свое личное время за просто так.

— Кто сказал, что за просто так? — Вик усмехается.

— А... а что тебе нужно?

Вик перестает улыбаться.

— Совет. Помощь.

Люба знает одну-единственную область, в которой Вику может понадобиться ее помощь. Хотя она была уверена, что Витька уже научился справляться с этим совершенно самостоятельно.

— Что у вас с Надей случилось?

— Надя меня ревнует, — Вик вздохнул. — До скандалов.

— К кому?

— Ко всем! Включая фонарные столбы.

— Витя! Прекрати паясничать, если хочешь, чтобы я тебе помогла. Излагай факты. Не верю, что фактов нет. Кто она?

— Ну...

— Не нукай!

— Блин, — Вик провел рукой по волосам. — Будто с Надей говорю. В общем, есть у меня коллега. Рита. Маргарита. Вот это имя лучше не произносить при Наде. Она закипает мгновенно.

— Есть повод?

— Ты издеваешься?! Я же русским языком сказал — коллега. Мы работаем вместе. Все.

— Тогда почему Надя ревнует?

— Потому что это Надя! Я не знаю... Ну, мы с Ритой много времени вместе проводим. Пару раз выезжали в командировки...

— Так-так-так... Командировки, значит... С коллегой симпатичной...

— Да она и несимпатичная даже! Ну... с Надей... или с тобой — не сравнить. Любка, прекрати! Я думал, ты мне поможешь. Меня Надя дома просто заклевала уже. И ты туда же. Я что, похож на идиота? Я люблю ее, а она совсем невменяемая становится, когда речь заходит о Рите! Если Маргарита звонит мне вечером, Надька потом со мной весь вечер не разговаривает.

— Не бери трубку.

— Это работа, блин! Могут быть срочные вопросы. Я уже не знаю, как объяснять...

Их прерывает звук открывшейся двери. В кабинет входит высокая сухощавая брюнетка в темном брючном костюме. По тому, как меняется лицо Вика, Люба понимает — это предмет их обсуждения.

— Ой, Витя, ты занят?...

— Немного, Рит. Если ничего срочного, давай завтра.

— Хорошо, — она кивает, а потом переводит взгляд на Любу. — Здравствуйте, эээ... Надежда?

— Нет, — Люба сладко улыбается. — Я — Любовь Станиславовна. Сестра супруги Виктора, — по-хозяйски обнимает Витьку за плечи. — Я... как это называется, Витюш? Кажется, свояченица... Вот, я свояченица Вити.

— Вы очень похожи... с супругой... Виктора, — Марагрита кивает на фотографию на столе.

— Мы близнецы, — Любина улыбка демонстративно безмятежна. — Вы знаете, близнецы часто бывают похожи.

— Ясно, — коллега Вика слегка растеряна. — А я — Маргарита, мы с Виктором вместе работаем.

— Замечательно, — Люба улыбается еще слаще, — что у Витеньки такие чудесные коллеги.

Повисает пауза.

— Ну... Не буду вам мешать.

— Спасибо, — улыбка Любы сочится патокой. — Всего хорошего. — И, как только за Маргаритой закрывается дверь: — Только не говори мне, будто ты не замечаешь, что она на тебя западает!

— Замечаю, — Вик мрачен.

— А говоришь, повода нет! Если эта Маргоша по тебе сохнет, спит и видит, как бы тебя прямо на рабочем месте совратить!

— А что делать прикажешь?! Работу менять? Это несерьезно. Мне здесь нравится, я на хорошем счету у руководства, здесь есть перспективы профессионального роста. Я уже говорил... с шефом.

— О чем?

— Чтобы нас с Маргаритой больше не ставили на одни проекты. Ну, объяснил. Как мужчина мужчине. Он понял, вроде бы. Но у нас с Ритой еще два проекта! Один вот в конце года завершится. А второй долгоиграющий, еще на год. И, как бы... Мы там оба практически незаменимы — чтобы кого-то из нас с проекта снять, и другого человека поставить. Мне бы как-то год продержаться...

— Боишься, что не устоишь перед Марго?

— Влепить бы тебе подзатыльник...

— Но-но, руки не распускай! Я твоему тестю пожелаю!

— Я боюсь, что Надя за этот год совсем к черту нервы истреплет — и себе, и мне.

На Вика действительно жаль смотреть. И объективно — ну, не виноват парень. Что запала на него это Маргарита. Тем более, есть на что западать. Женидьба Витьке пошла на пользу — из милого лохматого ботаника Вектора превратился в секси-блондина с пронцательным прищуром голубых глаз, брутальной стрижкой и в неизменно стильном костюме. Люба сестру понимает — стеречь надо такое сокровище зорко. Да только и другое Любе совершенно очевидно: в одном Вик не изменился — как был по уши влюбленный дурак в свою Королеву Надин, так и остался.

— Слушай, а вот скажи мне, Витенька, как ты считаешь: Надя — умная?

— Дурацкий вопрос.

— А ты ответь.

— Умная! Очень. На мою голову.

— Тогда скажи мне — что делать умной, деятельной женщине, которая сидит дома с маленьким ребенком?

На лице Вика мелькает виноватое выражение. Видимо, сам думал об этом, и неоднократно.

— Люб, ну а что мы можем сделать? Ваня маленький еще. От няни Надя категорически отказывается, да и все равно рано ей на работу выходить — она еще грудью кормит. Надюша и не рвется, собственно, знаешь ли. Ванькино благополучие нам важнее. Просто...

— Вить, я не говорю о выходе на работу.

— Тогда я не понял тебя.

— Надя у нас кто? Юрист?

— Юрист.

— Специализация у нее — семейное право, верно?

— Мы играем в игру «Дай ответ на очевидный вопрос»?

— Нет, — Люба переводит взгляд на монитор. — Вот же решение. Такое же, как для меня или схожее.

— Что?... Ты о чем?

— Сделай ей интернет-приемную. Консультации по семейному праву по скайпу. Ну, ты же умный, придумай что-нибудь. Чтобы она могла, не выходя из дома, работать понемногу. Как только Надя займет свой мозг, — Люба постучала указательным пальцем по виску, — она перестанет есть твой.

Вик сначала молчит, переводя взгляд с Любы на монитор и обратно. А потом вдруг широко улыбается.

— Любка, я тебе говорил, что люблю тебя?

А у нее вдруг каменеет лицо, начинает дрожать подбородок.

— Вить, не надо так говорить, пожалуйста...

— Эй, ты чего? Любаш, ну я же как брат...

— Все равно не надо. У меня аллергия на эти слова.

Он хочет что-то сказать еще, это видно. Но так и не решается.

— Ладно, понял. В общем, спасибо за совет. Тогда, если у нас все — давай по домам?

— Давай. Ты меня добросишь до метро?

— Обижаете, Любовь Станиславовна. Только до подъезда.

— Ну, как у нас продажи?

— Пап, ты где таких слов и интонаций нахватался?

— Я человек разнообразных интересов в жизни, — отец облокачивается на стол. — Как там твой магазин?

— Да ты знаешь... как ни странно... на этой неделе продала три фигуры. Не знаю, откуда информация так быстро расходуется. Витька, правда, что-то там оплатил за свой счет — какие-то рекламы на поисковиках, я не очень поняла. Но люди пишут, интересуются.

— Так это ж замечательно!

— С одной стороны, — Люба потерла висок. — А с другой — это времени занимает кучу. Все равно, надо встречаться с людьми, отдавать им покупку, а ее еще надо упаковать и...

— Тебе нужна помощь?

— Нужна, — кивает она. — И я даже знаю, чья!

— Егор, у меня к тебе предложение.

— Какие люди пожаловали! — Беркович искренне рад, подходит, целует в щеку. — Давно ты у меня не была.

— Да не так уж и давно — месяц, наверное.

— Поболее. Ну, что там за предложение? Руки и сердца?

— Сердце занято, извини. А вот руку...

— Заинтриговала, — усмехается Егор.

— Слушай, Егорий, ну зашиваюсь я одна с этим магазином. Времени нет. Да и не хочется им заниматься, если честно.

— И ты хочешь спихнуть это на меня?

— Не спихнуть! Давай сделаем совместный магазин-мастерскую. Твои и мои работы. Ты все равно уже сбытом занимался. А тут готовая площадка. Удобная, кстати! Вик переделает нам дизайн, будет наш совместный проект. Что скажешь, Егорушка? — Люба использует запрещенный прием в виде жалостливого взгляда. На Егора таким не прошибешь, и она этому отчасти рада — значит, действительно, никаких романтических чувств у него к ней нет. Он складывает руки на груди.

— А что будешь делать ты, Люба?

— Работать. Со стеклом.

— Хитрая какая. А ты не думала совсем бросить работу в редакции?

— Не, пока не могу. Мне это тоже интересно и важно. Ну, Егoooор... Ну, пожалуйстааа...

— Ладно, шут с тобой. Давай свою руку и бери меня замуж.

— Ура!

Глава восемнадцатая, в которой Виктор и Надежда осуществляют по одной результативной передаче, а Варвара забивает победный гол

— Ну, ты и тяжелый, парень, — Ник ловко устраивает крестника на сгибе локтя. — Откормила ты богатыря, Надежда Станиславовна. У самой спина не отваливается? Эй, хулиган, ухо мне и самому пригодится!

— Да отпусти ты его, — Надя смеется. — Я стараюсь отучать потихоньку от рук. И, правда, тяжелый уже стал.

Ваня, только-только освоивший передвижение на двух конечностях, постоял немного, а потом привычно шлепнулся на попу и пополз по своим делам.

— Ну, что скажешь?

— Да все в порядке. Про операцию можно забыть. Но консервативное лечение все продолжать до полного закрытия пупочного кольца до нормального размера.

— Спасибо тебе, Коль.

— Да я-то тут причем? — он пожимает плечами. — Это же все вы делали, все рекомендации исполняли. Точнее, наверное, в основном, ты. Так что себя и благодари.

— Ладно, — Надя решает не спорить. — Тебя покормить?

— Нет, — он качает головой. — Спасибо, не хочу.

— Не хочешь?!

— Нет.

— Ты же с работы?

— Ну... я там перекусил.

— Колька... ты совсем не умеешь врать.

Он молча отворачивается, смотрит в окно. Почему-то чувствует себя дураком. И виноватым — рядом с Надей. Он снова переводит взгляд на нее. Синие глаза в обрамлении темных ресниц. Аккуратный ровный нос. Красивые розовые губы. Все так похоже. Так болезненно похоже. Что он почувствует, если возьмет вдруг сейчас и поцелует ее в эти розовые губы? Он зажмуривается своим крамольным мыслям. А потом открывает глаза.

Он знает — все не то. И дело даже не в том, что прическа иная — небрежно и, одновременно, изящно собранная на затылке роскошная копна волос. В чем-то иное дело. Это девушка — другая. Красивая, похожая, сестра. Но это не она. Не Люба.

— Я — не она, — Надя словно читает его мысли.

— Я знаю, — он смущен. — Извини. Я не...

— Послушай, — Надя вдруг берет его за локоть, словно опасается, что он сейчас уйдет. — Я не имею привычки лезть в чужие дела. И учить других людей, как жить. Я просто хочу, чтобы ты кое-что знал.

— Что? — хмуро.

— Тот браслет, что ты ей подарил... Она его носит, не снимая. Я сама видела. И мама подтвердила. Она даже спит в нем.

Он моргает — часто-часто, как-то совсем по-детски.

— Коля, пойми, я не...

— Не надо. Не надо, пожалуйста, Надь. Я... я все понял. Спасибо, что сказала.

Надя вздыхает. Что он там понял своей упрямой рыжей башкой? А потом раздается трель звонка.

— А вот и Витя.

— Видел мою последнюю поделку? — друзья сидят перед ноутбуком, с чаем и конфетами.

— Покажи.

— Сейчас. Самому нравится, как вышло. Простенько, но эффектно. Смотри.

Взгляд сначала цепляется за название — красивый синий затейливый шрифт. «Мастерская „SolBerk“. Стеклодувных дел мастера Любовь Соловьева и Егор Беркович. Реализуем свои и ваши фантазии и мечты в стекле». А потом до него доходит смысл. А потом он замечает фотографию.

Сначала видит только ее — белая футболка, голубые джинсы, руки скрещены под грудью, совсем по-мальчишески растрепанные волосы. И какая-то робкая, неуверенная улыбка. А только затем замечает его. Этот Беркович высоченный, стоит у Любы за спиной, положив руки ей на плечи.

— Это Люба?! — выдыхает Ник. Может быть, он что-то не так понял?...

— Она, она, наша девочка. Не ожидал от нее, честно. Но у нее классно получается. Она мне подарила домовенка такого смешного — он у меня в офисе, дома-то Ванька бы до него быстро добрался. Люба сказала, что он будет меня... хм... охранять. Что-то вроде оберега.

— Оберег от вирусов?

— Ну... и от вирусов тоже, — хмыкает Вик. — Как тебе главная страница? Я лично доволен результатом. Фото мне только не очень, если честно, но я не стал говорить Машке, чтобы не расстраивать. Егор хорошо вышел, а Любка какая-то бледная. Зато название мне нравится — Солберк, Солберк... Это я придумал их фамилии соединить! Удачно, по-моему, как ты считаешь?

— Кто этот Егор?!

— А так непонятно? Егор Беркович. Партнер. В смысле, по бизнесу. Ну, по мастерской, то есть...

У Ника очень напряженный взгляд, когда он вглядывается в фото. Чужие мужские руки на ее плечах! Да что ж за мука-то такая!

— Коль, послушай... Я не люблю лезть в чужие дела. Но я точно знаю, что Егор для Любки — просто друг. Ну, он учил ее и все такое. Но... между ними ничего не было.

— Ты-то откуда знаешь, мать твою?!

— А вот не надо Евгению Андреевну все поминать — она тут вовсе не причем. Успокойся. Я их видел вдвоем — когда мы дизайн и движок сайта меняли. Это же видно — по тому, как они общаются. Что они друзья — и только друзья. Не любовники.

— Угу. Мы тоже были с ней... только друзьями. Когда-то.

— Тут ты прав. Но ты еще подожди немного — может быть, и Люба с Егором тоже перестанут быть «только друзьями».

— Сволочь ты, а не друг!

— Уж какой есть, — пожимает плечами Вик.

Он за пару дней излазил весь простенький сайт мастерской «SolBerk» вдоль и поперек. Изучил все выложенные работы. С закрытыми глазами мог представить ТО фото. Название, соединившее их фамилии, придуманное лучшим другом-предателем, настойчиво стучало в голове. Ник вообще перестал что-либо понимать. Люба... хрупкая изящная Люба, рафинированная красавица, интеллектуалка, занимается... вот этим?! Он посмотрел пару роликов на ютубе про стеклодувов — и ему стало страшно за нее. Раньше ни черта не понимал. А теперь... теперь не понимает еще больше, хотя куда уж!

Егор. Что еще за Егор?! То Марк, то Егор! Откуда они все на его голову? Витька говорит, что он ей друг. Зачем Любе такой друг? Он дал ей то, что не смог дать сам Ник?

А спустя еще два дня Ник, шагая с работы, совершил весьма импульсивный, несвойственный ему поступок. И набрал номер, увиденный на сайт и засевший теперь намертво в голове. Нику ответил низкий мужской голос.

— Беркович, слушаю.

— Здравствуйте. Я бы хотел приобрести у вас... сувенир.

— Здравствуйте. Код изделия помните?

— Эээ... нет.

В трубке вздохнули.

— А что это? Опишите?

— Мандаринка.

— А, — Беркович вздохнул с облегчением. — Понял. Есть в наличии. Где и когда вам удобно?

Они встретились возле «Багратионовской». Егор приехал раньше, и Ник его сразу узнал, как только вышел из метро. Тот стоял спокойно и неспешно курил. Нормальный с виду парень, ну, патлатый, но лицо умное, интеллигентное. Отчего же такое острое желание врезать ему, да так, чтоб зубы повывлетали? Ник глубоко вдохнул. Выдохнул. Зачем он вообще это затеял? Эту покупку,

встречу? Посмотреть хотел, понять что-то? Понятнее не становится. Фиговее — да.

— Наверное, меня ждете? — Беркович обернулся на его голос. — Я за мандаринкой.

— Тогда вас, — тот улыбнулся, скупое, но вполне искреннее, протянул руку. — Добрый вечер.

— Добрый, — пришлось ответить на рукопожатие.

— Вот ваш сувенир, — Егор протянул Нику пакет. — Проверяйте. Отличный выбор, кстати. Хорошая работа — простая, но сочная и лаконичная.

Ник раскрыл картонную коробку с мелким принтом. Внутри — ярко-оранжевый шар, как настоящий, словно присыпанный сахаром, с темно-зеленым листком.

— Оно? — интересуется Беркович.

— Оно, — соглашается Ник. — Это ваша работа?

— Нет, — усмехается Егор. У него приятная улыбка, открытая. И вообще — хороший парень, располагающий. Но желание дать в морду не отпускает. — Это Любина работа. Моей партнерши по мастерской. Мы всегда работы друг друга хвалим, свои-то неудобно рекламировать — так у нас заведено.

Внутри все просто цепенеет от этих слов — «мы», «у нас», «моей». Сжимает правую руку в кулак.

— Ну, если все в порядке...

Нет, ну нельзя так, этот Беркович действительно не виноват в том, что...

— Да, конечно, — Ник кивнул резко, полез во внутренний карман пальто за портмоне. — Спасибо.

— Вам спасибо, — Егор сунул деньги в карман своей куртки. Неожиданно подмигнул. — Надеюсь, ей понравится подарок.

— Это я для себя, — Ник ответил хмуро.

Беркович перестал улыбаться.

— Ну что же, тогда, надеюсь, мандаринка будет радовать вас. Всего наилучшего.

— До свидания, — кивнул на прощание, развернулся и быстро пошел к метро. Радовать?! Он вообще уже забыл, когда чему-то радовался.

Но Беркович оказался прав. Теплый оранжевый стеклянный кругляш словно согревал его, одним лишь присутствием на столе рядом с ноутбуком.

На работе как-то все стало совсем подозрительно благополучно. Набирался опыта, бывал периодически хвалим шефом. В начале декабря в городе запылила эпидемия гриппа, а иммунитет Ника, непредсказуемо отреагировавший на африканский стресс, вдруг включился на полную мощность и раз за разом отбивал атаки коварного вируса. И пока коллеги лежали по домам с температурой, кашлем, насморком и прочими «радостями жизни», Ник впахивал за добрую треть отделения. За что получил почетное звание «героя последней эпидемии». На Нину Гавриловну, которая в очередной раз зачем-то решила высказаться на тему его перманентно мрачного настроения, а так же его синеглазой причины, неожиданно рявкнул в ответ вдруг так, что потом стыдно стало. А медсестра на следующий день подошла и сказала: «Молодец, Николай Глебович. Правильно на место меня поставил. Нечего позволять всяким посторонним в свою жизнь лезть. Взрослый мужик — сам лучше меня все знаешь. Просто возмужал ты, а я и не заметила, все как с пацаном с тобой». Но Ник все равно извинился за свои резкие слова, и они с Ниной Гавриловной в итоге преломили в знак примирения отличнейший домашний пирог с рыбой.

Новый год подкрался незаметно. Многочисленные мытарства Ника сначала под руководством Алены Владимировны, а потом на пару с Варькой — выбирая берлогу Звероящеру, сделали из него счастливого обладателя скромной однокомнатной квартиры в новостройке, а в комплекте к ней — двадцатилетнего ипотечного рабства.

Договор он подписал за четыре дня до конца года, а на следующий день было запланировано празднование Нового года с коллегами. Нику совершенно не хотелось, но он дежурил в тот день и деваться некуда было — пришлось присоединиться к коллективу, собравшемуся в ординаторской. Чисто символически глотнул шампанского — знал, что не отстанут. А потом чувствовал себя дурак дураком — трезвый среди веселящихся коллег. Выслушал излияния подвыпившей Нины Гавриловой о том, как бы она хотела, чтобы «ее Альбиночка и ты, Николаша друг с дружкой... Но я понимаю, все понимаю, сердцу не прикажешь...». А потом еще постовая сестра, Светка Рыбакова, приняв на грудь для храбрости, вытащила его танцевать, несмотря на то, что места в ординаторской для этого практически не было — но играет что-то заунывное и медленное, свет приглушен и лишь гирлянда на окне ярко мигает. А ему почему-то неловко стало отказать и... и потом она прижалась к нему упругим третьим и под завывающий женский вокал огорошила сообщением о том, что он ей всегда нравился, и она не против, совсем не

против даже просто в постели покувыркаться, ну, вы же, понимаете, Николай Глебович?...

В иных обстоятельствах он, если бы не хотел, как-то попытался бы сказать это помягче — насколько смог бы, конечно. Но задолбался уже и ответил прямо:

— Не могу, Свет.

— Почему? — она жарко дышит ему в шею.

— Не могу и все. Какая разница?

— Значит, правда...

— Что — правда?

— Нина Гавриловна рассказывала. Что у тебя девушка красивая как кинозвезда. Правда, выходит?

— Выходит, — да когда они уже навеселятся и расходиться начнут? Устал страшно, хочется тишины.

— А давай мы ей не скажем? — она прижимается еще плотнее. — То, о чем человек не знает, не сможет его расстроить...

— Светка, прекращай!

— Ну, вот почему... — Света обиженно надувает губы. — Как, с*ка, кобель и урод — так непременно твой! А как порядочный — так всегда чужой. Несправедливо.

— Жизнь вообще несправедлива. Светлана Анатольевна, перестаньте уже так ко мне прижиматься, в конце концов!

— А вам нравится, Николай Глебович. Я вот прямо животом чувствую, как вам нравится...

— Света, это физиология и ничего не меняет. Ты сейчас домой поедешь, а мне работать. Будь человеком — перестань.

— Я могу остаться...

— Нет. Нечего тебе тут делать. Дуй домой.

— Противный.

— Еще какой.

На этот Новый Год родители остались дома. Ник с Варварой отбыли трудовую повинность на кухне, а потом смылись: Варька — чистить перышки и прихорашиваться перед походом в клуб с друзьями, Ник — в свою комнату, валяться на кровати с книжкой в руках, как это за ним в последнее время водилось. Ничего, скоро ему будет, чем занять руки, ремонт в голых кирпичных стенах — крайне увлекательное занятие. В качестве подсобной рабочей силы с

матерью остался лишь отец, и с кухни периодически слышался его низкий смех.

Всем хорошо и весело. Ну, хоть кому-то хорошо и весело. Ник погладил пальцем гладкую оранжевую мандаринку с колкими крупинками по поверхности, лежащую рядом на подушке. В комнату заглянула Варвар, села рядом, шлепнула ему на колени пакет.

— С Новым годом, брателло!

— Спасибо, — он отложил книгу. — Что это?

— А ты открой и посмотри.

Внутри пакета обнаружился медицинский костюм — рубашка с короткими рукавами, брюки, все темно-бирюзовое. На левой полочке рубашки — улыбающийся кот Леопольд.

— Нравится?

— Да, спасибо.

— Это специально для детских врачей костюм. Примерь.

Ник послушно натягивает рубашку поверх домашней футболки.

— Ну как?

— Нормально. Плечами вошел — значит, всем войду. Спасибо, Варь.

— Да носи на здоровье. Слушай, Колянчик...

— Ммм?

Варька смотрит на него искоса, вздыхает и решается.

— Слушай, ну разлюби ты ее уже, а? Не идет тебе это унылое амплуа безнадежно влюбленного.

— Чего?!

— Того! Нет, я все понимаю, в Любу трудно не влюбиться. Тем более, ты был у нее первым, и крышу тебе с непривычки явно сорвало с креплений. И Люба, правда, классная. Они все, конечно, красивые, но Любка — она из них троих самая... самая свойская.

— Ты о чем вообще?!

— О чем, о чем... Не притворяйся, что не понимаешь. Нет, знаешь, вот будь я мужиком и на твоём месте — я бы в нее тоже влюбилась. Даже вот имей я не ту сексуальную ориентацию — тоже бы влюбилась в Любу. Она, правда, офигенная. Но...

— Погоди! Ты считаешь, что я... что я в Любу... что я ее... люблю?

— Да ясен день! Ну, дело-то житейское, и нечего этого стесняться. Все люди влюбляются рано или поздно. Просто ты у меня мальчик с запаздыванием в развитии... в некоторых сферах. И впервые влюбиться умудрился в преклонном возрасте аж двадцати шести годков. А с любовью, знаешь, как с ветрянкой — чем позже подхватываешь, тем тяжелее болеешь. Тебя вон как перекосило. Но хватит уже, Коль. Пострадал — и будет.

Ник растерянно смотрит на сестру.

— Ну что ты на меня глядишь? Хватит страдать, кому говорю! Нет толку. Бывает так, Николаш. Ты любишь — тебя нет. Я это проходила. Да, больно, обидно, страшно, но так бывает, от этого не умирают и ничего с этим не поделаешь. Переживи это, помни и иди дальше. Люба классная, но не для тебя. Ты еще встретишь девушку, которая полюбит тебя, и которую полюбишь ты. И у вас все будет хорошо. Правда. Ну, бро, — толкает Ника плечом в плечо.
— Не грусти.

— То есть... ты считаешь, что я ее люблю?

— Коля! Ты на Новый год надел костюм дятла? Сколько раз можно одно и то же переспрашивать?! Да, ты ее любишь! И надо что-то с этим делать, если уж это чувство — невзаимное.

— Ой... — он вдруг совершенно картинно схватился за голову. Начал раскачиваться из стороны в сторону. — Ой, я дурааак...

— Я тебе об этом уже лет двадцать твержу. Рада, что ты, наконец-то, согласился со мной.

— Так! — его вдруг охватывает внезапная, судорожная жажда деятельности. Быстрый взгляд на часы. — Могу успеть! — Вскакивает на ноги, кладет руки на резинку спортивных штанов и лишь тут спохватывается: — Выйди, я переодеваться буду!

— Да чего я там не видела — твоих трусов с Гомером Симпсоном? — Варвара слегка обескуражена поведением брата. — Никуда не пойду — ты тут так убедительно умалишенного изображаешь...

— Дело твое! — Ник не вступает в спор, вместо этого стягивает штаны, под которыми обнаруживаются вполне консервативные сине-голубые боксеры. Не глядя, хватает джинсы, толстовку.

— Все интереснее и интереснее... — мурлычет Варя. — И куда это мы на ночь глядя собрались?

— Исправлять собственную глупость.

— Монументальный план. Там поле непаханное, я бы сказала. А подробности?

— А подробности потом. Спешу!

Он уже выскочил из комнаты, а потом вернулся, наклонился и крепко обнял все еще сидящую на кровати в недоумении сестру.

— Спасибо, Варьк! Кстати, твой новогодний подарок на верхней полке в шкафу.

Глава девятнадцатая, в которой Николай делает то, чего от него все так ждут, а история замыкается в круг

Наверное, у него было классическое состояние аффекта. Потому что Ником овладело одно-единственное желание, одна мысль, одно устремление — успеть. Успеть до наступления Нового года сказать ей. Все остальное отошло на задний план, потеряло на данный момент значение — то, что ее может не быть дома, этот гребанный Марк и все, что она сказала ему самому на свой день рождения. Важным было только одно — успеть сказать ей. И если он имеет на это право, если она все еще ждет и если... много-много «если», ни грамма логики — и он просто рвался изо всех сил туда, к ней, сквозь метель, местами нетрезвую и куда-то спешащую толпу, не отпускающие столицу даже в преддверии наступления Нового года пробки. И точно Ник знал только одно — он должен успеть, должен успеть до двенадцати. Такая вот хреновая Золушка!

Он не успел набрать номер квартиры на домофоне — сзади его приперла веселая компания, дверь подъезда открыли, с Новым годом поздравили, нового счастья пожелали. Счастье у него одно. Не новое. Прошлогоднее даже.

Звонит долго. Сконцентрировавшись на собственном указательном пальце, на кнопке звонка под ним, на едва слышном треньканье за дверью. Не позволяя себе думать о том, что будет, если... Нет, она дома. Она должна быть дома. Она должна ждать его!

Он, в конце концов, отпустил кнопку звонка. Гробовая тишина в подъезде. Тишина за дверью. Ее нет дома. Он устало упирается ладонью в запертую дверь. Все напрасно. Все зря. Щелкает замок.

Ник едва успевает убрать руку, как дверь открывается. И там, за дверью — она. Любава.

На ней спортивные бирюзовые брючки, белая футболка, ноги упакованы в теплые носки. Совсем не праздничный наряд. Челка убрана ото лба заколкой, лицо без косметики. Абсолютно домашний вид — будто спать уже собралась и читала книжку перед сном. Лишь дорогой золотой браслет на запястье выбивается. И дает надежду.

Он без приглашения шагнул через порог, заставив ее отступить вглубь квартиры, захлопнул за собой дверь. Вдохнул поглубже, шумно выдохнул и понял. Что не в состоянии сказать ни слова. Словно напрочь отказал речевой аппарат — как при каком-то там синдроме. Вдохнул еще раз. Не помогло. Дышать может. Говорить — нет. Люба тоже молчит.

Ник зажмуривается и делает шаг к ней. На его протянутой ладони — оранжевый мандарин. Он открывает глаза, чтобы увидеть, как она отрицательно качает головой. Еще шаг, еще более настойчиво предложенная мандаринка. Она снова качает головой. Все верно. Он должен сказать. Должен — и не может.

А Люба неожиданно первая нарушает молчание.

— Ладно. Хорошо. Я дам тебе еще один шанс. Но только один, слышишь, Самойлов, только один! — голос ее звучит звонко, и она следует примеру Ника — шумно выдыхает. Продолжает уже спокойнее: — Это не секс, слышишь меня? Тут не будет третьей, четвертой и черт знает какой попытки! Еще один шанс. Только один, понял меня?!

Он кивает. Он такой красивый. Сбившийся шарф, наполовину расстегнутое пальто, снежинки в рыжих волосах, румяные щеки. И совершенно какие-то странные глаза. Эти глаза говорят больше, чем он ей сказал за все время. Они кричат. И Люба не может не ответить им. Она уже говорила это ему. Она уже слышала в ответ то, что едва не убило ее. Хуже не будет. Она его любит. Ей нетрудно сказать это еще раз.

— Я люблю тебя.

Эти слова рушат что-то. Стену его молчания. Прозрачную стеклянную преграду между ними. И его ответное «Я люблю тебя» начинает звучать еще до того, как отзвучало ее. И остановиться он уже не может и не хочет. Два шага к ней, прижать к себе — и целовать во все, что попадется: макушка, смешная заколка, лоб, скула, веко, кончик носа. Едва не задыхаясь и приговаривая между поцелуями: «Люблю тебя. Люблю. Люблю». Сначала она пытается сдержаться, но не получается. И она начинает реветь, не плакать, а именно реветь, уткнувшись ему в распахнутый ворот пальто, куда-то то ли в шарф, то ли в толстовку. Он сначала пытается спросить, понять, успокоить, а потом лишь прижимает ее к себе и слегка раскачивается, глядя по голове, по вздрагивающим плечам. И шепчет все то же «Люблю», не в силах сказать ничего иного.

Потом она все же успокаивается. Поднимает к нему лицо, несколько не стесняясь своей зареванности:

— Вот скажи мне... скажи мне, кто тебе мешал это сказать мне тогда?!

— Никто, — честно отвечает он. — Я сам. Я. Дурак. Тупой. Идиот. Тормоз. Болван.

— Прекрати! Прекрати ругать моего любимого мужчину!

— Любимый мужчина... это я?

— Ну а кто же еще? — сквозь еще непросохшие слезы усмехается Люба.

— Любава... — Ник накрывает своей рукой ее, лежащую у него на груди. — Я... я точно знаю, что недостойн тебя. У меня непростой характер — я тугодум, молчун и зануда. У меня тяжелая и не самая престижная работа, нет и в помине хрустального дворца для тебя — хотя я, конечно, буду стараться. Внешне я далеко не красавец и... В общем, ты могла бы найти себе кого-то и получше. Но уже поздно. Я тебя не отпущу. Никому не отдам и не отпущу, слышишь?!

— Не отпускай, — она привстает на носочки, утыкается ему губами в ухо и обнимает за шею. — Держи крепче и не отпускай. Пожалуйста, не отпускай...

— Не отпущу, — он обхватывает ее обеими руками. — Никогда не отпущу.

Они стоят так — вне времени. Только они двое, слушая дыхание, ощущая тепло друг друга. Сейчас им достаточно и этого. А потом...

— Ник, сколько сейчас?... — голос ее чуть хриловат.

Он убирает одну руку из-за ее спины, поворачивает к себе запястье. Усмехается.

— Меньше минуты до Нового года. Что, пора?

— Пора, — кивает она.

И он целует ее в соленый от слез рот. И они снова, второй год подряд, встречают смену календаря вот так — целуясь. А потом, уже после, в наступившем Новом году они чистят и делят на дольки так и не выпущенную

им из рук мандаринку. И кормят друг друга — то смеясь, то снова начиная целоваться сладкими от мандаринового сока губами. А потом Ник вдруг становится серьезным.

— Любава... Скажи мне — почему? Почему ты пришла тогда? Почему поцеловала? Зачем?

— Не знаю, — она тоже перестает улыбаться. — Если ты думаешь, что я... что я знаю ответ — ты ошибаешься. Я не планировала. Я ничего к тебе не чувствовала тогда — это правда, и не буду сочинять о мгновенно вспыхнувшей любви. — Она шмыгнула носом. — Просто... я не знаю... ты, наверное, будешь смеяться, но теперь мне кажется — будто в спину меня кто-то толкнул тогда. К тебе. А я не жалею. Даже в эти месяцы... когда я думала, что ты не... — она еще раз шмыгнула носом, — ты не любишь меня... я все равно ни о чем не жалела!

— Солнышко мое... — он снова прижал ее к себе. — Мне страшно становится... что этого могло не случиться. И жил бы я так до сих пор. И не знал бы, какая ты на самом деле...

— Какая?

— Фантастическая. Я никогда не смогу тебя это объяснить. И я просто нереально счастлив, что ты тогда, год назад... Я люблю тебя!

— И я тебя, — наверное, в сотый раз за эти немногие, но такие насыщенные минуты.

— Люба... а у нас там когда секс по расписанию? Через полчаса примерно?

Люба хихикнула. Вот за что она отдельно любит этого мужчину — так это за прямоту!

— Ага. Но я предлагаю не ждать так долго.

— Кто-то снова торопится...

— Мы оба, — она обнимает его за шею и прижимается крепко. — Давай, бери меня уже на руки и тащи в мою комнату. Дорогу помнишь?

— Помню. Погоди, воспитанный человек только ботинки и пальто скинет. И... Вот, теперь можно.

Подхватывает ее под попу, она привычно обнимает его ногами за талию. Если новогодний сценарий хорош, зачем от него отклоняться?

Руки не могут насытиться ею. Гладкая нежная кожа — пальцы и губы словно узнают ее заново. А Люба нетерпелива, ей мало прикосновений, и он не может ей противиться долго, не сегодня, слишком долго был без нее...

Падает в нее, тонет в ней — томительно-узкой, идеально-горячей. Задыхается ее стоном, лишается головы под ее пальцами на своей шее.

Плавится под ним, растворяется в нем, проникает под кожу и остается там. Наконец-то чувствует себе полной, заполненной, цельной. Потому что — с ним.

Год назад они были очень разговорчивы в постели. Сейчас за них говорят тела, одно на двоих дыхание, и лишь короткое хриплое «Люблю» — чье? Ее? Его? Неважно. Их.

— Знаешь... Я так часто мечтала об этом... Все это время, когда мы не... А ты?

— Да. Я тоже.

Люба лежит, прижавшись щекой к его груди. Прямо под ее ухом стучит его сердце — стучит еще быстро, рвано, постепенно замедляя свой ритм после того, что было только что.

А потом она приподнимается на локте. Его лицо слабо освещается разноцветными бликами гирлянды на окне.

— Ник, о чем ты сейчас подумал?

— А почему ты спрашиваешь?

— У тебя дыхание изменилось. И сердце... иначе стучать стало.

— Глупости.

— О чем подумал?!

— А... неважно.

— Коля!

— Хорошо, — он вздыхает. — Только ты не сердись, ладно?

— Ооо... Мое любимое. Началось. Говори.

Он прижал ее к себе.

— Люб, правда. Не сердись. И не обижайся. Но... Знаешь, я ведь был у тебя первым. И единственным. Какое-то время. Теперь... теперь это не так. Я не единственный у тебя.

— Тааак...

— Дослушай меня! Я знаю, что виноват сам! Когда... не ответил тебе на твое признание. Ты... — он еще раз вздохнул, — ты имела право... так поступить. Если считала, что ты мне безразлична. Если я... ну... в общем, я тебя не виню, правда. Просто это очень... больно. Я один виноват, что потерял это! Но легче мне от этого не становится. Люб, ты не виновата, но... ты спросила... Я ответил тебе. Честно. Мне плохо... очень плохо и очень больно от того, что я больше не единственный мужчина в твоей жизни. Я знаю, что это моя вина и... Я справлюсь с этим. Переживу. Обещаю. Но пока... пока вот так.

Какое-то время она молчит. На лице ее пляшут многоцветные отсветы от гирлянды. А потом произносит негромко:

— Знаешь... вот согласно всем законам педагогики — не надо бы тебе ничего говорить сейчас... Чтобы ты пострадал и помучился этак с полгодика — в отместку, так сказать. Но я ведь так не сделаю...

— Ты о чем? — спрашивает он совсем тихо.

— Да не было ничего. У меня с Марком. Кроме того поцелуя, который ты видел. И то противно было... до невозможности, — она передергивает плечами. — Марк явился без приглашения, весь вечер мне проходу не давал, на кухню за мной увязался, приставать начал. А потом я услышала шаги и... и поняла, что это ты. И так захотелось вдруг... сделать тебе больно. Очень больно. Прости. Прости. А с Марком больше и не было ничего — все на твоих глазах было, ничего, кроме этого. Так что ты по-прежнему единственный и неповторимый... Ой! Перестань. Прекрати! Ты мне шею сломаешь! Задушишь! Колька, остановись!

Но он не может остановиться — стискивает в своих медвежьих объятьях, целует беспорядочно и шепчет «Моя! Моя! Только моя». Люба понимает, что сопротивление бесполезно и покорно переживает вспышку собственнической радости Звероящера — ей и приятно, и немного досадно одновременно.

— Послушай, — ей наконец-то дают возможность свободно дышать и говорить, — Коля, ты ненормальный! Ты меня чуть не придушил. А если я тебя обманула? Это же всего лишь слова — как и в тот раз.

— Нет! — он обхватывает пальцами ее лицо, вглядывается в глаза в переменчивом свете новогодних огоньков. Качает головой. — Ты не обманываешь. Тогда — могла обмануть. Сейчас — нет. Ты моя. Только моя. Знаешь... — его голос звучит с какой-то странной убежденностью. — Наверное, где-то в глубине души я это всегда знал. Ты же любишь меня. Ты не могла... с другим. Я вот не смог. И ты не смогла.

— Не смогла, — соглашается она. — И не хотела. Ударить побольнее хотела, это правда. Прости меня.

— Я это заслужил, — он говорит это совершенно искренне. — Главное, что ты — моя. Только моя. Моя Любава. Моя любовь.

Она утыкается лицом ему в шею. Он такой... такой... это его «моя» просто выбивает ее из состояния равновесия.

— Скажи мне — когда это стало так важно? Что ты первый и единственный? Только не говори мне, что ты всегда мечтал о девственнице — не поверю. Я помню, в каком ты был шоке год назад!

— Так заметно было? — усмехается Ник.

— Весьма.

— Ну... ты права. Был даже момент, когда я подумывал... как бы выкрутиться без потерь из той... хм... ситуации.

— Слить хотел?!

— Ну, не то, чтобы слить... Но...

— Что же тебя остановило, благородный рыцарь?

— Ты, — ответил честно. — Когда ты рядом, голая — это чертовски мощный аргумент. В пользу того, чтобы тебя... ну...

— Ну-ну... И что же дальше? Ты как-то не проникся оказанной честью, насколько я помню.

— Факт, — вздыхает он. — Сначала — да.

— А потом?

— А потом... потом... Знаешь, я не помню точно, когда именно... Но помню сам момент. Мы с тобой лежали в постели. После секса. Мне кажется, это было у Дэна. Так вот, мы лежали, было так... офигенно. Ты что-то говорила, рассказывала, смеялась. А я вдруг, знаешь, как со стороны увидел. Вот я лежу в постели. Голый. У меня только что был офигенный секс. И рядом со мной девушка. Нереальная просто. Красивая. Умная. С чувством юмора. Такая... каких у меня просто и близко никогда не было. И при этом — никто никогда не прикасался к ней так, как я. У нее не было никого, кроме меня. И тут — все.

— Что — все? — подначивает его Люба.

— Переклинило меня, — вздыхает Ник. — Только я не сразу это понял. Но до меня вообще все долго доходит.

— Тут даже спорить не буду. Но... Коля, Коля... Ну нельзя на этом так заикливаться. А если бы я не была... ну... если бы меня был уже опыт — ты бы меня не полюбил?

— Не знаю. Все сложилось так, как сложилось. Ты пришла ко мне. Подарила мне себя. Свела меня с ума. А теперь — мы в ответе за тех, кого приручили, Любовь Станиславовна.

— Чего так официально? Первый раз ты меня в постели по имени-отчеству.

— Любка, — он выдохнул, словно решаясь. — Выходи за меня замуж.

Вот тут она все-таки оторопела. Помолчала. Прокашлялась.

— Коля, ты торопишься...

— Не тороплюсь!

— Совершенно определенно торопишься.

— Почему?! — упрямо.

— Потому что... ну... не принято так... сразу...

— Ты еще скажи, что мы мало знакомы и должны получше узнать друг друга! Любка, что за детский сад?! Мы с тобой знаем друг друга с детства. Я люблю тебя. Ты любишь меня. Чего нам ждать? У моря погоды? Я не могу без тебя. Я чуть не сдох без тебя за эти месяцы. Я хочу засыпать с тобой. И просыпаться с тобой! И чтобы все знали, что ты моя! Чтобы ты носила мою фамилию! Чтобы... — он перевел дыхание. — Чего нам ждать? Ты нужна мне! Каждый день. Разве я тебе не нужен? Так же? Зачем нам чего-то ждать?

— Угу... — Люба ошарашена его бурным монологом. — Вот когда я тебе говорю, что люблю тебя, ты можешь себе позволить несколько месяцев раздумывать над ответом. А когда ты зовешь меня замуж — я должна дать ответ сиюминутно.

Ник засопел — смешно, по-детски.

— Ладно. Ты права. Имеешь право. Думай.

— Вот спасибо, облагодетельствовал.

— Только имей в виду — ты все равно никуда не денешься, — рано она начала праздновать победу. — Я тебя все равно возьму измором. Ты не представляешь, каким я могу быть занудным и настырным. Я буду тебя спрашивать каждый день: «Люба, ты не передумала? А ты думаешь над моим предложением? Часто думаешь? Ты согласна стать моей женой?». Я тебе надоем. Я тебя достану. И ты все равно согласишься.

Люба честно попыталась выдержать паузу, помучить Звероящера, как-то сдержаться. Но у нее ничего не вышло, и она рассмеялась.

— Ты меня УЖЕ достал! Ладно, черт с тобой. Я согласна. Ай! Все, ты мне ребро сломал!

— Люблю, — прошептал он ей на ухо, обнимая крепко. — Моя. Моя.

— Твоя, твоя. Но свадьба — летом!

— Хорошо, — безропотно соглашается счастливый только что получивший согласие жених. — Как раз за полгода квартиру в порядок приведем.

— Какую квартиру?!

— Нашу.

— А вот с этого места — поподробнее!

— Ну... зачем мне еще тебя замуж звать? Просто я один ипотеку не потяну...

— Коля! Ты купил квартиру?!

— Да. Однокомнатную, но, думаю, на первое время нам хватит, она довольно просторная. А там... посмотрим.

— Так! — Люба резко садится на кровати. — Мы еще не женаты. А ты... ты уже принимаешь важные решения, касающиеся нас обоих, единолично?!

— Любава...

— А если мне не понравится район? Этаж? Планировка? Что, мое мнение не имеет значения?!

— Боже мой, какая грозная, — Ник со смехом повалил Любу на себя. — Меня это так возбуждаает...

— Самойлов, прекрати меня лапать! Я серьезно!

— Хорошо, хорошо. Давай так. Я купил квартиру. Это просто стены на данный момент. Ты решаешь, как там будет внутри. Внутренняя отделка — все, как ты захочешь.

— Все?

— Все. Обои, плитка в ванной, цвет штор и прочее — все на твое усмотрение.

— Хм... Соблазнительно. Но недостаточно.

— Недостаточно?

— Совершенно определенно недостаточно.

— Ну... — он провел рукой вдоль ее спины, устраивая ее на себе удобнее. — Тогда ты дашь имена нашим детям. Сама. Единолично.

Теперь она не просто оторопела. Она офигела!

— Детям?...

— Ну да, — как о чем-то само собой разумеющемся. — Раз у нас будет семья, будут и дети. Не сразу, конечно, со временем, как мы решимся. Двое, наверное. Как ты думаешь?

Он ее самым натуральным образом нокаутировал. И что сказать — Люба не знает. Одно слово «дети»... Их дети... Ее и Ника... что-то ранее неизвестное сладко сжимается внутри. Вопрос детей ее никогда не волновал раньше — они милые маленькие существа и только. А теперь же... одно лишь слово от него, и у нее кружится голова — от самой возможности. Он использует совершенно запрещенные приемы!

— Хорошо, — она собирается с мыслями. — Старшего сына назову Марком.

— Старшая у нас будет дочь!

— Тогда младшего сына.

— У меня будет две дочери!

— Хочешь двух дочек? — он ее решил удивить сегодня всеми возможными способами! — А как же наследник рода и прочее?

— Фигня! Вон у дядь Димы две девчонки, и он не выглядит несчастливым отцом. Да и твой отец тоже.

— Ой, как будто это от тебя зависит!

— А от кого? — весьма натурально демонстрирует удивление. — Пол будущего ребенка на сто процентов определяет мужчина. Так что — у меня будут две дочери.

Люба молчит. Она реально не готова обсуждать такие темы. Слишком быстро. Слишком... невероятно... волнующе. Затихает под его ладонью, утыкается в шею. А Ник поднимает ее руку, переплетает их пальцы, трогает соскользнувший с запястья вниз браслет.

— Тебе понравился мой подарок? — тихо.

Она могла бы сыронизировать на тему: «А так незаметно?». Но вместо этого отвечает так же негромко:

— Да. Очень.

Теперь он гладит шрам у основания безымянного пальца.

— Это от стекла, да?

— Да.

— Любава...

— Даже не думай!

— Что?

— Я не брошу это — и не проси. Даже не заикайся!

— Но это же очень опасно...

— Жизнь вообще опасная штука — от нее умирают.

Ник вздыхает, притягивает ее руку к губам, целует шрам.

— Ладно. Но ты будешь осторожна. Очень осторожна, так ведь?

— Так.

— Бедный пальчик, — снова наглаживает. — Пальчику больно было... Надо будет тебе выбрать широкое кольцо — тогда будет почти незаметно. Знаешь... так хочу увидеть... обручальное кольцо на твоей руке... Дурак, да?

— Нет, — голос ее звучит смущенно. Ник ее просто добивает! — А ты помнишь, что обручальное кольцо буду носить не только я? Готов увидеть обручальное кольцо, — Люба разворачивает их сплетенные руки так, чтобы была видна его рука, — на своем безымянном пальце?

— Знаешь, вот на своем пальце я хочу увидеть обручальное кольцо едва ли не больше...

— Хочешь носить обручальное кольцо?!

— Очень, — Ник серьезен.

— Почему?!

— Хочу, чтобы все знали — я принадлежу одной конкретной женщине. И только ей. Я твой. И я хочу, чтобы все это знали. Что я уже нашел свою одну-единственную, и только ей принадлежу. Вот.

Это те слова, которые хочет услышать, наверное, каждая девушка на свете. И произносит их самый неромантичный на свете парень.

— А говорят, что мужчины все полигамны по своей сути. И им нужна хотя бы иллюзия свободы и возможности иметь много других... женщин, — Любе все же удается справиться с удивлением. И волнением.

— Ну, мужчины, может, и полигамны... А самцы Звероящеров — нет. Звероящер — зверь-однолюб, -

Ник прижимает ее к себе сильнее. — Одну-единственную-Любу-люб.

— Вот скажи мне, Самойлов, — голос ее звучит чуть прерывисто, — как тебя можно не любить?

— А зачем тебе об этом думать? Не надо тебе думать о том, как меня можно не любить. Ты должна думать о том, как меня любить, Самойлова.

— Эй! Я еще не Самойлова!

— Да куда ты теперь денешься, — он усмехнулся. — Ты теперь моя. Моя самочка Звероящера.

— Что?! Колька, ты охренел! Только ты можешь обозвать девушку самочкой!

— Ну, а что в этом такого? Не самец же? Самец Звероящера — это я. А ты...

— Прекрати! — Люба не знает — плакать или смеяться. — И вообще — я биологически не отношусь к Звероящерам!

— Почему это?

— Потому что! У меня нет чешуи! И хвоста!

— Нет хвоста? — у него такая улыбка, что Люба тут же начинает подозревать подвох. — А если найду?

— Нет! Нет. У меня. Хвоста.

— А я проверю, — и, без предупреждения...

— Коля! Перестань! Черт... Бесстыжий... Нет! Нет... Чуть ниже. И нежнее. Да. Вот так. Вот тааак...

Они целуются, пока он ласкает ее — интимно, нежно, так, как позволено только самому-самому, единственному. И потом берет ее — теплую и сладкую после оргазма.

Засыпают они, крепко обнявшись.

Если новогодний сценарий хорош — то зачем от него отступать? И новогоднее утро тоже не стало исключением. И проснулся Ник под чужим взглядом. И чей это был взгляд!

Он проморгался, чуть повернул голову, рядом сонно заворочалась Люба. Картина не поменялась. В дверях стоял, сложив руки на груди, Любин отец. Охтыжелкипалки! Что сейчас будет...

Ник сделал единственно возможное в данной ситуации — попробовал разбудить свою соседку по постели.

— Колька, перестань щипать меня за попу, — недовольно промычала Люба, не открывая глаз. Ник похолодел. Все становилось еще хуже! — Ты разве не знаешь, что принцесс положено будить поцелуем?

Он попытался донести всю серьезность ситуации до своей свежесобранной невесты. Она не оценила. Но хоть глаза открыла.

— Да прекрати ты щипаться! У меня синяк будет на попе! — на него уставились огромные синие глаза. Любимые синие глаза, но сейчас ему вот

было, честно говоря, не до любования — с учетом того, кто грозно стоял в дверях и пока... пока! молчал. — Доброе утро, Коленька... — она потянулась к нему, но Ник отшатнулся — и максимально округлил глаза, скосив их за ее плечо. Люба нахмурилась, но пантомиму поняла и обернулась.

— Ой, пап. Привет. Вы уже вернулись? Рано вы... — Люба как не в чем ни бывало зевнула. — С Новым годом, папа.

Соловьев, наконец-то, подает голос:

— Через пять минут. На кухне. С объяснениями.

После этого уходит, прикрыв дверь.

— Ушел наконец-то, — вздыхает Люба. — Ну, меня будут целовать?

— Любка, нас ждут! — его голос звучит хрипло — Ник надеется, что это спросонья, а не от пережитого ужаса.

— Подождут — Люба, в противовес ему, беспечна. — Куда папа денется? А я уже соскучилась по своему Звероящеру...

— Давай одеваться! — он умудряется вывернуться, сесть на кровати, а потом и вовсе встать на ноги.

Оглядывается в поисках одежды. Джинсы валяются почти рядом с дверью. Ему хочется стонать — голый, в чужой квартире, за дверью — разгневанный отец его невесты и... и даже физиология подводит! Несмотря на два раз ночью и обстоятельства пробуждения утренний стояк никто не отменял. Наклоняется за

боксерами — те тоже на самом видном месте, мать их, в самом центре комнаты! И пара использованных презервативов рядом с кроватью. Вообще зашибись картина!

— Ты одевайся красиво, с чувством, с толком, с расстановкой. Чтобы я могла насладиться... процессом, — Люба и не думает вставать с постели. И даже прикрываться не собирается — бесстыдница. Ник замирает и смотрит на нее, забыв на какое-то время обо всем. И Люба это понимает. Томно, с придыханием:

— Иди ко мне, мой самец Звероящера...

— Зараза! — он все-таки отводит взгляд от ее голой груди. В два шага добирается до своих штанов. — Марш одеваться! Нас ждут.

— Зануда. Пусть ждут. Что ты паникуешь?

— Я не паникую. Я... — он снова сбилсся, совершив ошибку и опустив взгляд ниже ее лица.

— Коля, если ты забыл — ты мне ночью предложение сделал. Или ты передумал?

— Я не забыл! И не передумал!

— Ну, тогда все в порядке. Не паникуй, — Люба садится на кровати, одеяло совсем сползает, она сладко потягивается, а Ник снова «зависает». — Точно будем одеваться? По-моему, ты совсем не этого хочешь...

— Я тебе отомщу, — грозит он, натягивая толстовку. — Страшно отомщу! Если сам выживу, конечно...

На кухню они зашли, держась за руки. Стас Саныч стоит, прислонившись к углу подоконника, сложив руки на груди. С другого угла зеркальной копией стоит Вера Владимировна. Нефиговая такая мизансцена.

— Ну-с. Я жажду услышать объяснения увиденному, — Любин отец не собирается ждать, пока Ник соберется с мыслями.

— Здравствуйте... Стас Са... Станислав Александрович... Вера Владимировна... — неловкий кивок в сторону будущей, как он надеется, тещи. — Дело в том, что я... что мы... с Любой... в эту ночь... хотя, на самом деле, это еще год назад... началось. Хотя это неважно. Или важно... То есть, я хотел сказать... — все, его словарный запас исчерпался — особенно под пронзительным синим взглядом взрослого мужика, который ему в отцы годится.

— До чего же любопытная история, Верочка, ты не находишь? — Соловьев демонстративно обращается к супруге. — Так увлекательно излагает молодой человек — слушал бы и слушал.

— Папа, прекрати! — Люба, как кролик из цилиндра фокусника, высовывается из-за плеча любимого. Встает перед Ником, прижимается спиной к его груди, берет его руки и обнимает ими себя за талию. — Перестань пугать Колю, он скоро заикаться начнет — из-за тебя! Ты и так все прекрасно понимаешь!

— Боюсь, ты переоцениваешь мои мыслительные способности, дочь.

— Хорошо, — Люба невозмутима и нисколько не обескуражена строгим тоном отца. — Коля вчера пришел ко мне. Сказал, что любит, жить без меня не может.

Предложил выйти за него замуж. Я согласилась. И потом мы слегка увлеклись... празднованием этого события. И Нового года. Вот. Все просто.

— Да, — Ника вдруг внезапно наконец-то отпустило. Что он, как мальчишка, в конце-то концов? Ничего плохого и недостойного он не совершил! Обнял Любу покрепче. — Так все и было. Я люблю вашу дочь и прошу ее руки.

Соловьев какое-то время смотрит на них молча. А потом обращается все так же к супруге:

— Верочка, тебе не кажется, что наши дочери завели какую-то странную привычку — выходить замуж за сыновей наших лучших друзей?

— Факт, — Вера едва сдерживает улыбку.

— Надежда выскочила замуж за сына Баженовых, Любава намылилась за сына Самойловых. Что будем делать с Софьей? Парней больше нет.

— Не знаю, не знаю, — Вера уже откровенно улыбается, глядя на среднюю дочь и ее избранника.

— Одна надежда на Тихомирова, — продолжает разговор на отвлеченную тему Стас, — может быть, у него где-то завалялся незаконнорожденный отпрыск?

— О, зная Дашу — это вряд ли.

— Да у него там этих незаконнорожденных — целая горнолыжная секция, — решает поддержать тему Люба. — Как там этого их юного Васькиного чемпиона зовут? Артур?

— Эдик, — смеется Вера. — Но он совсем мальчик еще.

— Ну, вот Сонька себе сызмальства мужа и воспитает как надо. И вообще, — Люба с видимым удовольствием трется затылком о плечо жениха, продолжая милый необременительный домашний треп, — мало ли, каких она там себе привычек приобретет на своей второй Родине — при их-то либеральных нравах? Вот сменит сексуальную ориентацию — и соблазнит... Катьку. Или Варьку.

Стас и Ник поперхнулись одновременно. И одновременно рыкнули:

— Любава!

— Все, молчу, молчу! — смеется Люба. — Цени, папа, я тебе привела нормального жениха!

— А я ценю, — наконец-то улыбается Соловьев. Протягивает ладонь Нику. — Добро пожаловать в семью, Николай.

— Спасибо, — Ник отвечает на рукопожатие. И тут нервное напряжение его отпускает окончательно. Все хорошо. Все правильно.

— Мы очень рады за вас, дети, — Люба переключивается из рук Ника в материнские объятия. Вера целует дочь в лоб, а потом спрашивает: — Коля, твои уже знают?

— Нет. Пока... не знают.

— Так это надо срочно исправить! — Стас берет со стола лежащий там телефон. — Надо же обрадовать... свата.

— Рано еще, пусть человек поспит, — смеется Вера.

— Да как можно спать, когда такие новости? Доброе утро, Глеб Николаевич! — последнее уже в трубку. — Недоброе? Ну, извини, просто у меня тут такое — только к тебе могу обратиться, уж прости, что разбудил. Что случилось? Рассказываю, слушай. Прихожу я, значит, утром, домой из гостей — а у меня дома, в постели моей средней дочери, лежит голый парень. Нет, я звоню тебе не как травматологу и не потому, что я его из окна выкинул. Ах, почему не выкинул?! Ну, во-первых, он здоровенный лоб под два метра. Согласен, не аргумент. А во-вторых, он — твой сын. Что значит: «Какой сын?!». У тебя их сколько? Да не ори ты так! — Стас убирает трубку от уха. — Капец у тебя папаша горластый, — это уже Нику. И снова в телефон: — Ну, проорался? Нет, я не шучу. Абсолютно серьезно. Что я сделал? О, ну я был в негодовании. В страшном, да. Что они? Ну, они у меня оба в ногах тут валялись. Долго валялись — с полчаса, наверное. Долго и убедительно. Ну, ты же знаешь мое доброе сердце. Простил. Простил и благословил. Так что теперь твоя очередь. Приезжай... благословлять детей. Да, все есть у меня для благословения. Полный буфет и холодильник. Даже этот твой поганый сидр есть, к которому ты в последнее время пристрастился. Все, приезжайте. Ждем.

Стас нажимает отбой.

— Слушай, Николай, ну отец твой... Что за манера у этих заведующих: чуть что — сразу орать? Но ты не переживай, — хлопает Ника по плечу. — Я своих зятьев в обиду не даю. Ладно, дети. Идите в душ и завтракать будем. А потом у нас гости.

С кухни Люба и Ник выходят так же — держась за руки. И уже на выходе их настигает голос Стаса:

— На тот случай, если я неясно выразился: в душ — по отдельности!

Люба и Ник переглядываются и дружно улыбаются.

Глава двадцатая, в которой герои выют гнездо и учатся жить вместе

— Тебе нравится?

— Нормально.

— Что — и цвет не смущает?

— Люба, почему у меня такое ощущение, что унитазом в нашей квартире буду пользоваться только я? Если тебя не смущает розовый цвет — то почему меня должен? Это вообще вещь сугубо... утилитарная.

— Ты портишь мне все удовольствие! — она с досады притопывает ногой — прямо посреди зала сантехники в строительном гипермаркете.

— Я согласен доставлять тебе удовольствие, — он наклоняется к ее уху. — Но не здесь же. И не в процессе покупки унитаза.

Ник довольно наблюдает за выражением смущения на ее лице.

— Как тебе тот ламбрекен?

— Люба, что из ЭТОГО является ламб... этой штукой?

— Вон та штучка сверху, с драпировкой. Красиво. Тебе нравится?

— Угу.

— Что — угу?

— Нравится.

— Что именно тебе нравится?

— Ну, этот... ламберекон.

— Ламбрекен! Ты даже название не запомнил!

— Зачем мне знать название того, что будет висеть на окне?

— Ты портишь мне все... — и тут она замолкает под его насмешливым взглядом.

— Николай, да оставался бы уже у нас ночевать.

— Нет, спасибо. Мне завтра на работу рано, а от вас очень далеко ехать. Подниму вас тут ни свет, ни заря.

— Ну, вызывай тогда такси. Может, еще чаю с кексом на дорожку?

— Спасибо, Стас Саныч, но — нет. Очень вкусно, но больше не хочу.

— Мое дело — предложить.

А потом они уединяются в ее комнате.

— Ну чего ты упрямисься? Оставался бы у нас ночевать.

— Угу. Чтобы меня твой отец прибил. Он довольно ясно высказался на этот счет. Что, дескать, в своей квартире можем делать, что хотим. А тут — ни-ни.

— Ну и не надо «ни-ни». Кто тебе мешает спать на диване в гостиной?

— Ты!

— Я?! — предельно округлив глаза.

— Ты! Блин, — он проводит рукой по волосам. — Я думал, что раз мы жених и невеста, то хоть как-то сможем... А тут этот ремонт все время пожирает. Батя твой высокоморальный. Дэн сволочь завистливая, — Ник совсем удрученно вздыхает.

— Малыш Звероящер скучает? — она прижимается к нему, стоящему у самой двери в комнату.

— У нас секс в последний раз был в новогоднюю ночь! А сейчас, слава Богу, февраль уже на дворе!

— Кто-то говорил мне, что три месяца без секса — это вообще ни о чем, и от этого не умирают...

— От этого не умирают. От этого с ума сходят!

Только тут Ник сообразил, что в процессе диалога его ненавязчиво прижали к двери. И засунули ладошки под толстовку. Он хотел возмутиться. И, разумеется, не смог. Лишь выдохнул жалобно:

— Ты что творишь?...

— Молчи, мужчина. Когда женщина делом занята.

Он начал задыхаться. Потому что она перекрыла ему кислород своими поцелуями. Потому что долго и мучительно сражалась с «молнией» на джинсах. И когда ее рука наконец-то преодолела последнее препятствие в виде резинки на трусах, он застонал.

— А ну тихо! — его повелительно цапнули за нижнюю губу. — Тихо, кому я сказала!

Он попробовал быть тихим. Но это было невероятно трудно. За что она ему мстит этой медлительностью и неторопливостью?! Этими почти невесомыми движениями?! Снова теряется все вокруг. Туман вожделения, только ее губы и дыхание, только ее пальцы там. Он не выдержал этой пытки, сорвался, сжал свои пальцы вокруг ее ладошки. Вот так, сильнее, резче, пожалуйста... Она поняла, умница, девочка. И... и... и...

— Вот урод же... — это были его первые слова. Когда вообще говорить смог. — Придурок я. Прости меня.

— Перестань. Тебе не за что просить прощения.

— Угу. А полная пригоршня спермы — это мне кажется? — у него дернулся уголок рта.

— Посмотри на меня, — свободной рукой она обхватила его подбородок. Ой, взгляд какой виноватый... — Знаешь, мне один умный человек сказал однажды такую вещь.

— Какую?

— Не надо этого стесняться, Ник, — она смотрит ему в глаза, не отрываясь. — Не надо стесняться того, что мы хотим друг друга так, что нам плевать на все.

— Но не так же!

— Кто сказал?

Он вздыхает. Потом еще раз.

— Ладно. Все равно извини.

— Тебе было хорошо?

— Да, — совсем шепотом.

— Это главное.

— Главное — найти сейчас влажные салфетки.

— Погоди, у меня в сумочке есть, — она отклоняется назад и, порывшись в сумочке, стоящей на столе, достает упаковку. Он отбирает у нее и сам тщательно вытирает ее руку — пальчик за пальчиком. А потом целует так же — пальчик за пальчиком. И лишь потом, отвернувшись, приводит в порядок себя.

— Вы страшная женщина, Любовь Станиславовна. Меня в первый раз в жизни... так совратили.

— Помни об этом.

— Коль, ты закончил с розетками? — она окликает его из кухни.

— Да, почти.

— И я закончила тут всю грязь вывозить, — Люба проходит в комнату, вытирая пот со лба. — Даже не верится, что это все наконец-то скоро завершится...

На всю тяжелую работу они наняли бригаду отделочников — точнее, наняли родители в виде подарка на свадьбу, и будущие молодые супруги не стали демонстрировать гордость. Но всякую мелочь они уже доделывали сами. Двухмесячный ремонтный марафон почти завершен. Ламинат, обои, плинтуса. Собрана кухня. Готова ванная комната. Сколько это все стоило времени, нервов, денег! Но было еще и невероятно приятно. Обустраивать дом. Свой собственный дом. Их. Только их. Их собственный дом.

На пятницу — доставка кровати. В среду должны привезти и смонтировать стенной шкаф. Через неделю можно уже переезжать.

— Я тоже не верю, — Ник кладет отвертку на подоконник и обнимает Любу за плечи. — Что скоро совсем все. И будет уже можно... Устала?

— Немножко, — она прижимается к его груди. — Ну, хоть квартира на квартиру стал похожа. Пол чистый, мусор весь вывезли. И даже на кухне подключен холодильник, а в нем есть сок. Боже, на что похожи мои руки? Самойлов, тебе не совестно? Заставляешь меня работать. Посмотри на мой маникюр. Стыд и позор.

— Знаешь, после того, что ты делаешь со своими руками у горелки... И тебя никто не заставляет. И тяжести поднимать не смей!

— Раскомандовался. Ну что, давай собираться по домам?

— Угу.

— Коля... Коля, перестань! Ну что ты делаешь? Я два часа мыла пол и таскала мусор. Я потная и грязная. Да прекрати же ты! С ума сошел. Тут даже кровати нет! Коля!

— Пол чистый, и я буду снизу, — скороговоркой и неразборчиво, потому что целует ей шею.

— Давай, хоть в душ сходим... Коля... Паразит!

— Потом в душ, — стаскивая с нее заляпанную пятнами краски футболку. Его — похожая, только в два раза больше размером и темно-синяя, летит на пол следом. — Иди сюда, садись на меня...

— Ты ненормальный. Ты извращенец! Ты... сделай так еще раз...

На них обоих джинсы — старенькие, потертые, с прорехами. А выше талии — голое тело и сплошной простор для рук и губ. Она выгибается на нем, задевая его грудь своею. Он чувствует, что еще чуть-чуть — и терпеть боль и дискомфорт от плотного шва ширинки, о которую трется эта бесстыжая кошка, станет невозможно. И жар ее тела он чувствует даже сквозь все эти слои джинсовой ткани.

— Приподнимись, давай снимем... — хрипит он. А она вдруг спохватывается.

— Ник, а у тебя есть?... С собой?

— Нет, — он, казалось, тоже опомнился. — Не взял. Не... подумал.

— Тогда лучше не стоит. Все равно через несколько дней переедем, и тогда уже... Чуть-чуть подождать.

— Я не могу ждать, — со стоном. Расстегивает пуговицу на ее джинсах. — Пожалуйста...

— Коля... Я не хочу больше пить те таблетки. Я после них не очень хорошо себя чувствовала...

— И думать забудь. Никаких гормональных таблеток.

— Коля, ну как же?...

— Я позабочусь, — он стаскивает с нее джинсы вместе с бельем.

— Коля?!

— Не переживай, я обо всем позабочусь, — теперь он снимает свои джинсы.

— Коля!

— Женщина, доверяй мне, — Ник опрокидывает ее на себя. — Я выйду. Перед. Из... Я не кончу в тебя. Все будет в порядке. Давай... Иди ко мне... Да, вот тааак...

Надо сказать, что, несмотря на все приятности, этот вид контрацепции Любе не понравился категорически. Это же было отдельное наслаждение — чувствовать, как он пульсирует внутри, вздрагивает всем телом, стонет в ухо. А вместо этого она созерцает его содрогающуюся спину, слушает хриплое дыхание.

— Я пол мыла-мыла... А ты его снова испачкал.

— Ты зараза, — обессилено.

— А ты не мог потерпеть пару дней!

— Не мог, — он поворачивается к ней, обнимает. Целует в висок. — Прости меня. Я больше не буду.

— Ну-ну...

— Ты сегодня рано, доченька. А где Коля?

— Коля сегодня играет в мачо. И собирает собственноручно кровать.

— А сборку оплатить? — ухмыляется Стас.

— Это не по-пацански, — ответно усмехается Люба. — Хотя, по-моему, ему просто нужен повод — купить пива, позвать Дэна и Вика. Ну, заодно, может, пару ножек прикрутят.

Родители смеются.

— Нет, ну а что? Если ему так хочется поизображать самца — не буду Кольке мешать. В кои-то веки можно полежать в ванной, сделать маску для волос...

— Какая у нас дочь мудрая молодая женщина. И в кого бы это?

— Ну, мудрая в тебя, а женщина — видимо, в меня, — парирует Вера.

— И не поспоришь.

Они молчат и смотрят друг на друга, пока лифт поднимает их на пятнадцатый этаж. У Ника в ногах стоит спортивная сумка, у Любы — небольшой чемодан на колесах. Самое необходимое на первое время.

Лязгают двери лифты, звякают ключи. А потом Ник неожиданно подхватывает Любу на руки.

— Ты чего?!

— Мать велела так сделать. Примета такая — что на новоселье муж должен жену через порог перенести.

— Ты мне пока не муж.

— Да кому нужны эти формальности, — он шагает через порог.

В коридоре Ник аккуратно ставит ее на ноги, а потом внезапно продолжают — Любе споро завязывают глаза мягким кашемировым шарфом, от которого пахнет детским мылом и любимым мужчиной.

— Ник?...

— Что?

— Знаешь... я как-то не чувствую склонности к ролевым играм с завязыванием глаз и прочим связыванием. Боюсь, я для этого недостаточно... искушенная.

— Да ладно. А вдруг тебе понравится?

— Ник!

— Постой пару минут, ладно? Я приготовил тебе сюрприз.

— Что-то мне уже страшно...

— Заметь — я пока даже не связал тебе руки.

Ей казалось, что она так, в темноте под шарфом, стояла куда больше двух минут. А потом его большая ладонь обхватила ее руку.

— Пойдем.

Теплая кашемировая пелена сползает с глаз. И Любу укутывают отсветы от десятков свечей, расставленных по всей комнате на полу.

Ник все-таки собрал кровать. И сейчас она застелена черным, матово поблескивающим атласом. На котором россыпь лепестков роз. Розовых. Люба молчит. Молчит так долго, что Ник не выдерживает первым.

— Ну как? Тебе нравится?

Она медленно выдыхает, оборачивается к нему. Говорить почему-то трудно, какой-то комок в горле. Он помнит. Он все помнит...

— Хороший мой... Это совсем не обязательно.

— Как это — не обязательно? То есть, я зря искал этот комплект черного постельного белья в Интернете? Зря зажигал пятьдесят свечей? Зря исколол все пальцы, обдирая кучу роз? Зря выжрал полпачки антигистаминных?

Она могла бы сказать многое. Но сказала главное:

— Нет. Не зря.

— Нравится?

— Очень.

Он довольно улыбается в мерцающем свете свечей.

— Тогда давай посмотрим, как ты будешь выглядеть среди розовых лепестков на черном шелке в свете свечей.

— Давай посмотрим.

— Раздевайся.

Люба удивленно посмотрела на Ника. Он демонстративно сложил руки на груди. Ну что ж, мальчик, сам напросился.

Дома она не переделалась, и сейчас на ней приличный костюм для офиса — короткий, в талию, жакет, прямая юбка-тюльпан. Пальцы ее начинают одна за одной расстегивать потайные кнопки на жакете. Первая, вторая, третья, четвертая. Повела плечами, и черный жакет из шитья упал к ее ногам. Черный же, прозрачный кружевной бюстгальтер мало что скрывает. Да и нечего ей скрывать от Ника. Глаза в глаза. Он на мгновение прервал зрительный контакт, проследив за соскользнувшей по бедрам юбкой. Сглотнул.

— Помочь не хочешь?

Он помотал головой. И потом умудрился вытолкнуть сквозь пересохшее горло:

— Я лучше посмотрю.

Люба деланно равнодушно пожала плечами и завела руки за спину. Не торопясь, аккуратно расстегнула крючки. Ник демонстрирует поразительную выдержку. Но и Люба еще не все показала. Изящное движение плеч — и кружевной бюстгальтер пополняет кучку черной одежды у ее ног.

Жаль, что на ней не чулки, а просто тонкие телесного цвета колготы-невидимки. Были бы чулки — Ник бы уже сдался. А так придется прибегать к крайним мерам.

Колготы снять красиво трудно, поэтому Люба постаралась сделать это побыстрее. Зато собой в одних лишь прозрачных кружевных трусиках позволила Нику полюбоваться всласть.

А потом подцепила пальцами тоненькие кружевные края и уничтожила всю интригу. Одежды на ней не осталось. Ее одевал только мужской взгляд — ласкающий, обволакивающий, словно шелковое покрывало. Но с места Ник так и не сдвинулся. И, поскольку было очень на то похоже, что он просто прирос к полу, Люба по-кошачьи скользнула по черному атласу.

— Оууу, — выгнула спину, закинула руки за голову, потянулась. — Знаешь, а мне нравится. А тебе?

Он смог только кивнуть.

— Очень приятно на ощупь, — продолжила буквально мурлыкать Люба. Слегка отвела в сторону бедро, позволив ему лишь на мгновение увидеть... И снова сомкнула ноги. — Такая гладкая ткань, мягкая и гладкая...

Тут он все-таки не выдержал. Матрас прогнулся под его весом — он сел у нее в ногах. Стопы коснулось его обтянутое джинсами бедро, Ник провел пальцем по ее икре.

— Вряд ли более мягкая и гладкая, чем твоя кожа... Знаешь, ты была права.

— В чем?

— Это красиво. Нереально красиво.

У него никогда не хватит слов, чтобы описать, какая она. Фарфоровая кожа на черном шелке. Розовые лепестки роз и розовые лепестки ее сосков и... И просто комок в горле. Бывает так — что сказать не можешь. Так красиво, что дыхание перехватывает.

— Скажи мне, — она гладит стопой его бедро, — почему опять я голая, а ты — нет?

Он не стал произносить дежурную фразу о том, что кто-то торопится. Вместо этого перегнулся, подцепил один из усыпавших кровать лепестков роз и аккуратно положил его на вершину левой груди. Наклонил голову, оценивая результат. Идеально подошло — и цвет, и размер. Повторил то же самое с правой. Выдохнул хрипло.

— Ну вот... Я тебя одел.

Теперь не нашлась с ответом Люба. Лишь грудная клетка под его взглядом поднималась все чаще и чаще.

— А теперь — раздел, — в одно движение сметает лепестки с ее груди. И заменяет их своими губами. Время любоваться закончилось. И пришло время наслаждаться.

— У нас есть минералка в холодильнике?

— Угу, — у него еще не выровнялось дыхание. — Есть. И сок есть. Сейчас принесу.

— Не надо. Я сама схожу. Ты и так постарался.

— Тебе, правда, понравилось?

— Очень.

— А... о чем ты сейчас думаешь?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ответь мне!

— Ну, если честно... то о том, что надо бы погасить свечи — они жгут кислород. Хотя пару можно оставить. И надо бы убрать все лепестки, и упаковать герметично — иначе ты у меня под утро расчихаешься.

— Ты ужасно неромантичная женщина, Любава Станиславовна.

— Я не женщина. Я самка Звероящера, ты разве забыл?

От его карающей длани Люба со смехом увернулась и отправилась за минералкой. А когда вернулась...

— Боже мой! — она демонстративно прикрыла лицо ладонью.

— Что такое? — лежащий на животе Ник чуть приподнялся и повернул лицо в ее сторону.

— Самойлов, я тебе говорила, что у тебя отпадная задница?

— Хм... По-моему, нет.

— Не попка — пЭрсик! Особенно с этими прилипшими лепестками роз. Просто самое оно для гей-порно...

— Любава!

Во второй раз ей не удалось увернуться, и он повалил ее на кровать и щекотал, пока она не взмолилась о пощаде и пообещала, что больше так не будет. Или будет. Вот так. Вот тааак...

Тонкое кружево ее белья и его хлопковое — то с мультяшными героями, то консервативное — вместе, на соседних полках в шкафу. А в прихожей — его зимние ботинки сорок пятого растоптанного и ее изящные сапожки тридцать пятого. В ванной все уставлено ее кремами, лосьонами и прочими артефактами в борьбе за девичью красу. А в шкафчике под раковиной — стратегический запас детского мыла. Его синее полотенце, и ее — персикового цвета.

С Ником оказалось очень комфортно жить. Непритязателен в еде, вполне аккуратен в быту. Пришлось учиться готовить и брать консультации у папы. Ник все уплетал с удовольствием и нахваливал. А если Люба по какой-то причине не успевала приготовить — спокойно обходился бутербродами. Более того, наличием еды в холодильнике бывал озабочен больше Любы, и запасы пополнял сам. Именно поэтому покупка продуктов как-то быстро и незаметно стала его обязанностью — о хлебе насущном забыть Ник не мог никоим

образом. У него вообще был полный порядок с аппетитом. И не только в плане еды.

— Ник...

— Я понял, — он убирает руки, целует в основание шеи. — Ты устала и хочешь спать.

— Я, правда, устала. У нас с Егором заказ...

Ник сердито засопел, но продолжил ее обнимать. Ревнивое животное. Ревнивое, любимое и сексуально озабоченное.

— Коленька, я, честно, засыпаю. Завтра, хорошо?

— Хорошо.

Она молчит какое-то время. Вот как можно уснуть, когда он ее обнимает, его губы прижимаются к ее шее, а в низ спины...

— Коль, как ты думаешь, я смогу заснуть, когда ты... хм... так упираешься в меня?

— Я что могу сделать? Оно само. Нормальная реакция, когда ты голая рядом.

— Это ты запретил мне надевать пижамы!

— А я и не жалуясь.

— Ты не жалуешься. А оно... там... немым укором.

— Немым укором? А ты хочешь, что «оно» тебя укоряло... словами? Ну ты и фантазерка, Любава...

Люба не выдержала и рассмеялась. Повернулась к нему лицом и вдруг прижалась крепко, закинула ногу на его бедро, Ник довольно выдохнул.

— Самойлов, ты мертвого растормошишь и уговоришь.

— Не-не, некрофилия — не мой конек.

— Ой, лучше молчи!

— Молчу...

Она просыпается от того, что большие твердые ладони оглаживают ее — уверенно, по-хозяйски. И тело уже подло реагирует на эти прикосновения. Но... кромешная же темнота вокруг!

— Коля, сколько времени? — голос спросонья немного хриплый.

— Не знаю... — к ладоням присоединятся губы, Люба совершенно непроизвольно выгибается навстречу.

— Коля! Сколько времени?!

— Ну... — отрывается от нее со вздохом, — скоро шесть.

— Шесть утра?! Коля, сегодня суббота! Нормальные люди используют субботу, чтобы выспаться! А ты будишь меня в шесть утра!

— Я пить захотел, встал и...

— И встал, видимо, не только ты один!

— Угу, — его ладони снова приходят в движение.

— Коля... Давай выспимся как белые люди... А потом...

— Вот именно — потом и выспимся.

— Ты — чудовище! Мой ночной кошмар, который не дает мне спать по ночам.

Его ладонь без предупреждения оказывается между ее бедер.

— Ты же хочешь...

— Все-то ты знаешь, — тело предает ее окончательно.

— Именно так, — он начинает двигать пальцами. — Так. Вот тааак...

Она ненавидит и боится, когда он такой. Не его ненавидит и боится — саму ситуацию. Когда он приходит домой такой. Когда отказывается ужинать. Сразу в душ, а потом ложится на кровать лицом в стену. Она знает — устал. Она понимает — лучше не трогать. Сидит полчаса на кухне с планшетом. Но... но нельзя же так! Невозможно делать вид, что ничего не происходит!

Проходит в комнату и, не дав себе времени на раздумья, ложится рядом, обнимает за широкую спину, прижимается щекой. Ник вздыхает.

— Я понимаю... Ты устал. Ты, наверное, хочешь побыть один. Чтобы тебя никто не трогал. Что-то случилось, да?

— Люба...

— Можешь не рассказывать, если не хочешь. Но я не могу делать вид, что ничего не происходит! Я не могу заниматься своими делами, когда ты лежишь вот так — отвернувшись к стене! Мне кажется, что я могу что-то сделать... как-то помочь. Я не могу ничего не делать, когда ты такой, понимаешь?!

Он молчит. Молчит так долго и обидно.

— Ладно, — она со вздохом разжимает руки. — Тебе надо побыть одному, я поняла.

Совсем отстраниться Люба не успевает — Ник поворачивается и уже сам обнимает ее, утыкается губами в макушку. Снова молчит. Но потом все же нарушает тишину.

— Люб... да ничего особенного не случилось. Просто... у меня бывает так иногда... реально кончаюсь. Физически. Эмоционально. Прости. Это пройдет.

— Перестань. Я понимаю. У тебя непростая работа.

— Правда. Но я ее выбрал сам. А ты выбрала меня. И я люблю тебя. Я, правда, сейчас очень устал. Но ты не обязана прыгать вокруг меня, подстраиваться под мое настроение. И если ты...

— Ник!

— Если ты чего-то хочешь, — продолжает он упрямо, — скажи мне. Только скажи прямо — я сейчас просто не в состоянии гадать.

Она выдыхает ему тепло в шею. И, после паузы, тихо:

— Единственное, чего я хочу — чтобы тебе было хорошо.

— Мне уже хорошо.

— Угу, прямо невооруженным взглядом заметно, — она поднимается на локте, смотрит внимательно и вдруг начинает покрывать мелкими, легкими поцелуями его лицо — упрямый подбородок, скула, темно-рыжая бровь, лоб. И шепчет между поцелуями:

— Хочу, чтобы тебе было хорошо, любимый мой, хороший мой. Хочу. Хочу, чтобы тебе было хорошо. Чтобы ты забыл про плохое и тяжелое. Хочу. Все будет хорошо, поверь мне. Люблю тебя.

А потом их губы встречаются и...

— Не надо... — как только они отрываются друг от друга. — Ты устал. Просто полежи, а я поглажу тебя по голове. Вот так. Вот так.

— Хочу тебя. Пожалуйста...

— Точно?

— Точно, — кивает он. — Только можно... я буду сегодня снизу?

Люба мгновенно понимает, о чем он. И не думает отказывать.

Она выполняет его работу, то, что обычно делает он. Целует, ласкает, возбуждает, заводит его. Раздевает. И не только раздевает — одевает тоже. В первый раз он отдает всю инициативу в ее руки. Лишь вздрагивает от ее немного неумелого обращения с изделием из латекса. Но со второй попытки у Любы получается справиться. Опускается на Ника, ложится сверху. Целует его лицо, обнимает руками и не только — всем телом обнимает, согревает, дарит тепло и нежность, двигаясь неторопливо. Давая ему возможность сейчас просто наслаждаться и быть любимым.

В конце концов, Звероящер в Нике проснулся. И Люба оказалась на спине, под ним. Но это ни ее, ни его нисколько не расстроило.

— Спасибо, — тихо ей на ухо.

— За такое не благодарят, дурачок. Ты аппетит не нагулял? — она гладит его по затылку.

— В общем-то, да. Я бы съел чего-нибудь.

— Ладно, иди в душ, а я пока на стол накрою.

— Любава, — он перехватывает ее руку, целует в ладонь. — Я... я не часто буду такой. Правда. Когда со мной надо вот так... нянчиться. И ты не обязана...

— Самойлов, иногда тебе лучше есть, чем говорить. Все, марш в душ!

— Ник, я сегодня задержусь, не теряй меня.

— Ты к родителям?

— Нет, у меня встреча с Егором.

— Я тебя встречу.

— Коля! Я не маленькая. К восьми буду дома.

— Я тебя встречу.

Когда он говорит таким тоном, спорить с ним бесполезно. Он на каждый ее аргумент будет повторять одно: «Я тебя встречу». Упрямый и чертовски ревнивый.

— Хорошо, — со вздохом соглашается она.

— В полвосьмого возле мастерской.

— Ну, все, Егорик, я побежала.

— Куда так торопишься? Давай, чаем на дорогу угощу?

— Не могу. Меня ждут.

— Кто ждет? Твой Отелло?

— Он самый.

— Да познакомь меня уже с ним. Я твоего Николая понимаю, конечно, сам бы на его месте был бы начеку...

— Егор!

— Ну, надо же ему объяснить, что уж с моей-то стороны он может подвоха не ждать. Чтобы зря нервы не трепал.

— Тут я согласна. Пойдем, выйдешь меня проводить, заодно и с Ником познакомлю.

— Знакомьтесь, Николай, Егор.

— Рад знакомству. Давно хотел... — Егор протянул руку и осекся на половине фразы.

— И тут Штирлиц понял, что явка провалена, — после паузы хмыкнул Ник.

— И тут Беркович понял, что полгода назад был в шаге от крупных неприятностей для своего здоровья, — в тон ему ответил Егор.

— Ребята... — Люба растеряна. — А что происходит?...

— Все в порядке, солнышко! — Ник деланно бодр. — Егор, рад знакомству! — крепко жмет руку Берковичу. — Извини, торопимся страшно, в другой раз пообщаемся.

— Коля?!

— Пойдем, пойдем. Все по дороге объясню!

Егор с улыбкой смотрит вслед удаляющейся и бурно жестикулирующей парочке. Метров через двадцать они останавливаются и начинают целоваться — точнее, Он целует Ее, сломив легкое сопротивление. Завидовать чужому счастью нехорошо, но сейчас Егор все-таки немного завидует.

Она ждет его возле работы — освободилась раньше и решила заехать. Конец марта — сырого и ветреного. Вспоминает, как вот так же приезжала тогда к нему — извиняться, примерно год назад. Сколько изменилось за этот год...

— А это у нас Люба, никак? — из состояния задумчивости ее выводит женский голос.

Оборачивается. Секундное замешательство, но имя вспоминает.

— Здравствуйте, Нина Гавриловна.

— Здравствуй, касатка. Николая ждешь?

— Его.

— То-то я смотрю, Николай Глебович как на иголках, а Владимир Алексеевич ему все какие-то поручения да наставления, и все никак остановиться не может.

— Ничего страшного, — улыбается Люба. — Я подожду.

Медсестра смотрит на нее внимательно. А потом вдруг произносит неожиданное:

— Ты береги его, голубка. Такой парень — один на тысячу, уж не знаю, понимаешь ли ты свое счастье. А как любит-то тебя. Дороже такого ничего не бывает — поверь мне.

Люба помедлила с ответом. Не сказала первое, что пришло в голову — ведь Нику с этой женщиной работать. И потом — права она, если рассуждать здраво, и Люба с ней согласна. Ну, просто есть такие люди: хлебом их не корми, дай в чужие дела повмешиваться.

— Буду беречь, — Любе даже удается мило улыбнуться.

— Ну, надо же, — качает головой Нина Гавриловна. — Все есть — и краса, и голова, и сердце. Нашел Николай невесту под стать себе.

А потом улыбается — искренне от души.

— Люб, давно ждешь? — Ник слегка запыхался. — Прости, шеф задержал. А...
Нина Гавриловна, вы ж вроде бы домой пошли?...

— Да вышла, смотрю — красавица твоя стоит одна, тебя дожидается, скучает.
Дай, думаю, подойду, разговором развлеку. Ну, теперь все, сам свою голубку
развлекай. А я домой пойду. До завтра, Николай Глебович.

— До завтра. Люба, — как только они остались одни. — Не слушай ты ее! Она
женщина хорошая, но много лишнего говорит и лезет, куда не просят.

— Не слушать?

— Не слушай!

— Жаль. А мне Нина Гавриловна про тебя такие замечательные вещи говорила.

— Да?!

— Угу, — серьезно кивает Люба.

— Знаешь, а я думал... Ну, я боялся... как бы она тебя не обидела...

— Солнышко мое, — Люба берет жениха под руку, — меня не так-то просто
обидеть. Пойдем?

— Ник, как ты думаешь?...

— Ммм?...

— Боль может быть возбуждающей?

— Внезапный вопрос. Откуда такой интерес?

— Мы просто на работе одну книгу обсуждали. О субкультуре БДСМ.

— Слушай, ты, вроде бы, в приличном месте работаешь? А говорите там о всякой ереси.

— Это бестселлер, между прочим!

— Да мало ли... Говорят, бумага все стерпит. Мне сегодня мама моего пациента рассказывала, что собственными глазами видела в павильоне детской литературы книжку под название «Приключения какашки».

— Ты шутишь!

— За что купил, за то и продаю. Гришина мама клялась и божилась, что видела.

— Нет, ну правда. Шут с ним, с приключениями какашки. Но вот сам факт того, что боль может возбуждать... Ты думаешь, это правда?

— Боль — это боль, как ее ты не назови. Боль — это страх, там, где страх, места нет любви, — безбожно фальшивя, пропел Ник.

— Перестань паясничать! Я серьезно!

— Да ерунда это все, Люб. Помнишь наш первый раз? И второй? Насколько я помню, тебе было больно. Очень больно. Ну и как? Это тебя возбуждало? Заводило? Мне вот показалось, что не особо.

— Ну... да. Но если не по-настоящему. Так, чуть-чуть. Знаешь, отшлепать там. Или еще что-то...

— Хочешь попробовать?

— Нууу...

Тяжелая мужская ладонь без предупреждения звонко и хлестко опускается на идеально-круглую женскую ягодицу.

— Ай! С ума сошел?! Больно же!

— Так и должно быть больно. Ну как? Ты возбуждаешься? Или еще добавить?

— Идиот! Мне больно!

— Правда?

— Правда! — отворачивает обиженно.

— Ну-ка, дай посмотрю, — переворачивает брыкающееся женское тело на живот. — Ого... Что-то я погорячился...

На белой коже алеет большой след ладони.

— Очень больно?

— Очень больно! Сделай что-нибудь.

— Подуть? Поцеловать?

— Все сразу!

— Сейчас, — усмехается. — Слушай, а неплохо смотрится. Может на другой половинке... для симметрии?

— Только попробуй!

— Неважный из тебя... бдсмщик.

— Целуй давай!

— Вот так всегда, — наклоняясь и дуя на алый след. — В голову приходят всякие идиотские мысли, а отдувается за это попа. Бедная, бедная попа...

— А с чего ты вообще взял, что если БДСМ — то в подчинении обязательно женщина? — Люба из душа, одно полотенце вокруг тела, другим промокает волосы. Ник уже в постели.

— Вы опять какую-то ерунду на работе обсуждали? Слушай, надо будет купить тебе «Приключения какашки» — уж лучше это обсуждайте. Все-таки книга о познании глубокого внутреннего мира книга, судя по названию.

— Не уходи от темы! Не можешь представить себя в подчиненном положении?

— Честно говоря, слабо.

— А я бы, знаешь... посмотрела на тебя... стоящего на коленях...

— Хочешь увидеть меня на коленях? — она уже точно знает, что этот взгляд означает готовящийся контрудар. И, тем не менее, отвечает:

— Да.

— Нет ничего проще.

— Это как?

— Хочешь увидеть меня на коленях перед собой — раздвинь ноги.

Она так и знала! Что он скажет что-нибудь... этакое. И, тем не менее, румянец топит щеки. Да сколько же можно это спускать ему с рук?!

Отбрасывает в сторону одно полотенце. А затем и другое. А затем... затем исполняет его просьбу — ставит ногу на пуфик.

Но глаза все же на секунду прикрывает. А потом открывает и смотрит ему прямо в лицо.

— Ну, Самойлов. На колени! Я жду.

Не поймешь, кто кого переиграл. Он на коленях. Ее не держат ноги. И она стонет:

— Ник, пожалуйста...

— Нет уж, ты просила...

— Я сейчас упаду...

— Не упадешь.

Но потом он все же позволяет ей упасть — на край кровати, а сам остается по-прежнему на коленях. При этом полностью контролируя ее всю, ее наслаждение, ее дрожь и стоны.

— Ты фанатик орального секса... — утомленно и томно.

Ник хмыкает, а потом и вовсе смеется.

— От фобии до фанатика. Я крут, что тут скажешь.

— Фобии?!

— Ну... Я, кроме тебя, ни с кем это не практиковал.

— Да?

— Да. Я тебе говорил об этом, между прочим. Когда мы... когда я тебя в первый раз... поцеловал... там.

— О... Ну, слушай, я тогда тоже... в первый раз же и... Наверное, забыла.

— Вот так вот открываешь человеку душу — а он даже не помнит.

— Бедненький. Но как же ты лишал своих предыдущих самого сладкого?

— Ну вот так.

— Слушай, а вообще это несправедливо. Ты меня можешь сравнивать с другими.

— Я тебя ни с кем не сравниваю! Ты самая лучшая!

— И, тем не менее. А я вынуждена верить на слово — что ты самый лучший. У меня возможности сравнить не было. Может быть, ты дашь мне возможность... шанс... сравнить?

— Ты очень не смешно шутишь.

— То есть, ты даже не допускаешь возможности?

— А ты допускаешь такую возможность?! Что я с кем-то смогу? После тебя?!

— При чем тут ты? Речь шла обо мне.

— Люба, мать твою! Возможно, идею с поркой не стоило так сразу отвергать.

— Ну что ты так завелся? Это шутка.

— Повторяю — не смешно!

— Нервный какой.

— Люб, так не трепли мне нервы. Ты же знаешь, как... как это важно для меня — что ты только моя. Любава... — обнимает ее, крепко прижимая к себе. — Ну, все уже сложилось у меня как-то. До тебя. Какая разница, что там было до тебя. Это не важно.

— А откуда я знаю — что там было до меня? Ты никогда не рассказывал.

— И не собираюсь.

— Почему?

— Потому что до тебя никого не было.

— Опачки... подозреваемый путается в показаниях. А мне говорил, что не девственник. Обманул?

— Люб, — Ник вздыхает. — Ну к чему эти разговоры? Я даже не помню... Почти не помню ничего — ни имен, ни внешности. Так, какое-то смутное пятно. Ну, было. Как, с кем... Знаешь, словно это было не по-настоящему. Так, просто удовлетворение потребности тела. И все. Словно... ну, я не знаю. Не с живым человеком, а с куклой резиновой. Или... просто по необходимости. Не знаю, как объяснить. С тобой все совсем иначе.

— Так, погоди. Кукла? У тебя был секс с резиновой куклой?

— Люба! Это просто сравнение! Ты допросишься!

— Такой грозный... Слушай, ну я просто вот в печали... Если ты не делал своим бывшим так приятно, как мне... Если ты к ним так относился. Коленька, какие же у них остались о тебе воспоминания?

— Мне как-то все равно.

— А мне — нет! Я переживаю за твою репутацию. Надо порыться в твоём телефоне! И обзвонить их всех и рассказать, какой ты на самом деле великолепный любовник. Где там твой телефон?

— Эээ... — он выглядит реально озадаченным. А потом вдруг начинает хохотать.

— Чего ты ржешь?

— Боже мой, — Ник все еще давится от смеха. — Люба, это просто смешно!

— Что именно?

— Твоя ревность. Если кто и может из нас двоих ревновать, то я.

— Почему это?

— Потому что ты — это ты. На тебя мужики на улице головы сворачивают.

— Ты преувеличиваешь.

— Не имею такой привычки. Ты у меня принцесса. А я обыкновенный.

— Обыкновенный свинопас?

— Ерунду не говори.

— Это ты говоришь ерунду. Между прочим, на тебя девчонки очень даже заглядываются.

— Да? Ты так считаешь?

— Нет! Я пошутила. Никому ты не нужен, Самойлов! Кроме меня на тебя никто не посмотрит!

Он снова смеется, а потом прижимает ее к себе.

— А мне больше никто и не нужен.

— Слушай, я в аптеке сегодня покупала презервативы...

— Умница.

— Я не о том. На меня продавщица с такой завистью посмотрела, когда я попросила Durex XL. И мне пришло в голову... А вот ты когда сам покупаешь...

— Что?

— Прекрати так ухмыляться! Сознаться — часто знакомился с девушками в аптеках?

— Ну, бывало пару раз. Один раз девушка-фармацевт... хм... впечатлилась моей покупкой, еще как-то в очереди просто за мной стояла девушка, потом сразу за мной на улицу вышла.

— Значит, пару раз?

— Ну, может, пару-тройку.

— Все, с сегодняшнего дня презервативы покупаю только я!

— Как скажешь, милая.

Когда ни у нее, ни у него уже нет сил сдерживаться, и они наконец-то становятся одним целым, он заводит ее руки ей за голову. И удерживает все время, пока любит ее.

— Что за первобытные инстинкты? — уже потом, после, пристроив голову ему на плечо. — Зачем ты мне руки фиксируешь? Боишься, что сбегу? Что-то не так сделаю?

— Извини. Это само как-то вышло. Если тебе неприятно, надо было сказать.

— Я бы сказала. Если бы было неприятно. Мне просто интересно — это особенность Звероящеров?

— Это особенность всех мужиков. За косу и в пещеру. Кстати, о косе...

— Что?

— Люб, а можно, я тебя кое о чем попрошу?...

— Я даже догадываюсь, о чем. Ты же утверждал, что тебе нравится моя стрижка. Что она стильная. И что мне идет. Врал?

— Не врал. Но так хочется...

— За косу и в пещеру?

— Нет. Лицом в волосы зарыться. Пальцами перебирать.

— Ты еще скажи — косы заплетать!

— Вот кстати — да! Надо же мне на ком-то тренироваться, с учетом того, что у меня будут две дочери.

— Ты невозможный тип! — смеется Люба. — Ну, предположим. Я снова отращу волосы. Чтобы угодить тебе. А на какие изменения в своей внешности готов пойти ты ради меня?

— А чего ты хочешь, Любава?

— Надо подумать...

— Татуировка — сразу нет.

— Нет?

— Нет. Ты прекрасно знаешь, как я к этому отношусь. Хватит с нас твоей глупости, — Ник перевернул ее не живот и в очередной раз принялся разглядывать пару крылышек, притаившихся между лопаток.

Эта татуировка была очередной ее попыткой быть «не как все». Папа тогда, пару лет назад, был в предобморочном состоянии, когда узнал. Мама хмыкнула и сказала отцу, что ничуть не удивлена. Но самые забавные последствия этот ее импульсивный поступок имел для Нади с Виком. Потому что старшая сестричка, увидев пару ангельских крыльев на спине у средней, срочно захотела себе такие же. Вик заявил, что только через его труп. А поскольку на тот момент они переживали период установления внутрисемейного этикета и правил, кому что можно, а что нельзя, то они примерно месяц выносили мозг друг другу на эту тему. А потом Вик одномоментно виртуозно переиграл свою ненаглядную, заявив, что если Надя хочет тату, то он не против. Но, поскольку это очень больно, потенциально опасно и так далее, и тому подобное, то носить Надину татушку будет он сам. И не успела Надежда пикнуть, как ее любимый в тот же вечер вернулся домой буквально «окрыленный»: с парочкой крыльев между лопаток — точной копией Любиных. Возражать уже было поздно и, по сути, нечего. Зато на совместном отдыхе в Турции Люба и Вик на пляже вызвали натуральный фурор.

— Не хочешь себе пару крылышек — и к нам с Витькой в компанию?

— Тебе рассказать, как в тату-салонах заражают СПИДом и гепатитом?

— Меня же не заразили. Вика тоже. Вряд ли это вообще происходит в дорогих, приличных салонах!

— Не вижу смысла рисковать.

— Что, и пирсинг тоже нет? Так и вижу тебя со стразиком на крыле носа...

— Увы, я не вижу.

— Ты зануда. Консерватор. Ладно. Отрасти бороду.

— Хорошо.

— Так сразу согласился?! Это подозрительно.

— Ты знаешь, мне Владимир Алексеевич давно советует отрастить бороду. Чтобы солиднее и старше выглядеть. Правда, меня даже слегка небритого дети начинают бояться, по-моему. Но попробовать можно.

— Пробуй. А может, мы тебя обесцветим, а? Будешь белый-белый...

Ник округлил глаза.

— А, может, не надо?

— Ладно, не надо, — Люба проводит ладошкой по его голове. — Мне очень нравится твой цвет волос — такой... солнечный. Бороду расти — я хоть посмеюсь.

— Все, я не могу больше! Сбрасывай это безобразие!

— Напоминаю — ты сама этого хотела...

— Больше не хочу! Оно колется! И ты выглядишь реально старше меня лет на десять! Марш бриться!

— То есть, свою часть сделки я выполнил?

— Да-да! Стой. Нет. Сбрей только бороду, усы оставь. Хочу посмотреть на тебя с усами.

— Как скажешь, солнышко.

— Готова? — голос Ника звучит немного глухо, он промокает лицо полотенцем.

— Открой личико, Гюльчатай. АААААА!!! — Люба взвизгнула.

— Что?

— Ты ужасен! Марш бриться! Немедленно!

— А как же поцеловать? — Ник сделал шаг вперед.

— Не подходи ко мне! Ты похож на таракана с этими рыжими усами!

— Ну, один поцелуйчиик... — Ник вытянул губы в трубочку.

— Прекрати! Я сейчас из дому сбегу! Иди в ванную и не показывайся мне на глаза, пока не будешь гладко выбрит!

— Слушаюсь, госпожа.

— Ну, наконец-то! Иди сюда, поцелую.

— Целуй.

— Господи, как приятно-то... Не смей больше отращивать эту кошмарную растительность!

— Ради тебя — все, что угодно. Но ты мне обещала...

— Да помню я, помню.

Неделя выдалась сумасшедшая, но она закончилось, сегодня пятница, и Ник вполне живой приехал с работы. И даже раньше Любы. И даже купил ей бутылку шампанского.

Она какая-то скованная в его руках — он чувствует это сразу.

— Что такое? Устала?

— Да, немного, — но взгляд отводит.

— Люба... — предупреждаяще. — Не надо. Если что-то не так — говори прямо. Ты же знаешь — я никогда сам не догадаюсь.

— Все в порядке, правда.

— Если ты говоришь, что все в порядке — я буду себя вести так, будто все в порядке! Хотя я точно вижу, что что-то не так!

— Хорошо! Я... мы... мне... в последние пару раз... — решимости ее хватает ненадолго и она замолкает.

— Вон оно что... — Ник вздыхает. — Ты права. Прости. Я сплеховал в последние два раза.

— Вовсе нет.

— Вовсе да. Люб, прости меня. Просто секс — это самое лучшее средство сбросить нервное напряжение и...

— Вот и у меня было такое чувство, что меня используют как... тренажер, — произносит она совсем тихо.

— Могла бы сказать сразу!

— Трудно разговаривать со спящим человеком.

Он краснеет — чуть-чуть, но на рыжих это заметно сразу. Отводит взгляд в сторону. А потом решительно:

— Ты меня разбаловала. И это надо срочно исправлять! Раздевайся.

— Не буду.

— Поверь мне, в одежде ванну принимать не очень удобно.

— Ты сколько пены вылил?!

— Не знаю. Треть, наверное. Много?

— Много, — смеется Люба.

— Учту на будущее. Потрогай воду. Нормальная?

— Да, отлично.

— Тогда залезай.

— Эй, ты зачем выключил свет?

Он вернулся через пару минут. Принес свечи, потом ушел еще раз, вернулся уже с бокалами и шампанским.

— Откуда?

— Из магазина, — Ник пожал плечами. Пламя свечей отражается от плитки и пузырьков пены. С мягким звуком пробка покидает горлышко.

— Ты тоже будешь шампанское?

— Чуть-чуть. За компанию.

Ник сидит, скрестив ноги «по-турецки» на полу. Что-то рассказывает, веселит ее.

— Слушай, Люб, а почему пахнет шоколадом?

— Потому что пена шоколадная.

— Серьезно?

— Коля, не ешь пену!

— Не буду, — морщится. — Сплошной обман. Пахнет шоколадом, а на вкус — гадость.

— Ты невозможный тип, Самойлов! Перестань есть пену, кому сказано!

— А вдруг я не распробовал...

Теплая вода, полутьма, алкоголь в крови. Веки тяжелеют сами собой.

— Знаешь, если ты планировал меня соблазнить, то добился прямо противоположного эффекта. Сейчас отключусь.

— Не-не, это не вариант. погоди отключаться пару минут.

Возвращается с большим полотенцем, слегка промокает ее от пены и на руки, как маленькую. А на кровати переворачивает на живот, убирает полотенце и... С губ Любы срывается стон.

— Дааа... Ты волшебник...

— Я не волшебник, я только учусь, — он аккуратно разминает ей спину. — Это не настоящий массаж, а баловство. Настоящий я не умею.

— Мне очень нравится.

— Ну и славно.

В итоге она почти уснула. Уже в полудреме почувствовала, как он напоследок погладил спину, укрыл одеялом. Встал, вышел из комнаты. И не вернулся.

И вместо того, чтобы заснуть, она заплакала. Сначала тихо, потом начала хлюпать.

— Люба, что случилось? — Ник вернулся с кухни, присел перед кроватью. — Любава... Ты плачешь?! В чем дело? Я думал, ты заснула.

— Ты такой... такой заботливый...

Он уткнулся лбом в матрас рядом с подушкой.

— Знаешь, я удивляюсь. Как мужики в первый год после женитьбы не седеют от такой жизни и таких приколов. Ты плачешь, потому что я проявил заботу о тебе?

— Ну... можешь считать, что у меня ПМС.

— Неправда. У тебя только середина цикла.

— Коля! Бессовестный. У меня никакой личной жизни, — шмыгнула носом.

— Любава, подвинься, — Ник устроился рядом, на краешке, обнял ее поверх одеяла. — Люб, мне ужасно стыдно. Что просто малейшие знаки внимания с моей стороны ты так воспринимаешь. Я, видимо, совсем животное. И ты меня разбаловала.

Она промолчала.

— Ты пинай меня, Люб, если что. Не стесняйся. Я очень хочу, чтобы тебе со мной было хорошо. Важнее тебя у меня ничего и никого нет.

— Я важнее... всего? Важнее родителей? Важнее твоей работы?

— Даже обидно, что ты так спрашиваешь. Ты. Важнее. Всего.

Она вздохнула и подвинулась ближе, чтобы уткнуться лицом в шею.

— Но я надеюсь, ты не попросишь меня сменить работу. Потому что ничего другого я не умею.

— Не попрошу. Коль... расскажи мне сказку.

— Хорошо. Слушай... — он помолчал немного. — Жил-был на свете рыжий мальчик. И был он, как водится, дураком.

— Самокритично.

— Ты слушай дальше. Знаешь, говорят дуракам и рыжим везет. Вот и ему повезло. Очень сильно повезло.

Глава двадцать первая, в которой герои, в конце концов, женятся

— Мандаринка, ты дома?

— Нет, — откликается он с кухни. Люба заглядывает туда.

— Как — нет?

— Вот так, — он отправляет в рот остаток бутерброда, допивает кофе. — Убегаю.

— Ах, да, — Люба приваливается к косяку, складывает руки под грудью. — У вас же сегодня мальчишник. Со стриптизершами. Ах, бесстыжий...

— Люба! Ты же знаешь, это идея Дэна! И я тебя просил — позвони ему. И скажи, что ты меня не отпускаешь!

Люба не может сдержаться и смеется.

— Не отпускаю?! Коля, ты хочешь, чтобы друзья считали тебя подкаблучником?

— Лучше подкаблучником, чем в стриптиз-бар!

— Ну-ну. Соберись! Ты же мужик! Сцепи зубы и сделай это!

— Веселись-веселись...

— А что мне еще делать? Но учти, Коленька, — Люба подходит к своему ненаглядному, поправляет ворот рубашки, туго застегивает верхнюю пуговицу, — не смей там шалить, понял меня? Помни: там будет и Вик тоже, а он, если что — сдаст вас с потрохами, Надя из него умеет правду-матку добывать.

— Напугала. А вы что будете делать?

— А мы с девочками тихо-скромно попьем мартини.

— Не увлекайтесь.

— Да что там пить — всего три бутылки.

— Вы позорите меня! Самойлов, что у тебя с лицом? Баженов, оторвись от телефона — это не принято в стриптиз-баре!

— Здесь бесплатный Wi-Fi. А у Вани режется зуб. Очень болезненно. Десна набухла...

— Без подробностей! Ну, хоть Басу интересно.

— Угу, — Литвинский поверх бокала с «Куба Либре» действительно заинтересовано смотрит на подиум. — Слушай, она такая гибкая. Я так и представляю... как она делает двойной бэк-флип прогнувшись.

— Голая на лыжах? — поддерживает тему Ник.

— Ага, — ухмыляется Бас, подмигивая Нику.

— Извращенцы, — стонет Батя. — Среди вас есть хоть один нормальный мужик? Вас не возбуждают красивые полуобнаженные девушки?!

— У меня жена красивее, — Вик не отрывает взгляд от экрана телефона.

— Только придурок в стриптиз-баре будет общаться с женой по WhatsApp!

— Не с женой, а с мамой. Она с Ваней сидит.

— А, ну с мамой — это же в корне меняет все дело! Так, этот безнадежен. Самойлов! А ну смотри на девушку, я кому говорю! Ради тебя же старался! Ну!

— Смотрю.

— И что?

— По-моему, у нее сколиоз, — меланхолично. — Как минимум, второй степени. Или лордоз? Она так крутится, что не разберешь. Отец бы точнее диагноз поставил.

— Вот только Глеба Николаевича нам тут не хватало! Какой позор, а? Я так понимаю, и приватный танец я заказал тоже зря?

— Чего?!

Танцовщица решила для разогрева обратить сначала внимание на симпатичного блондина. Уж очень он ей понравился. И это стало роковой ошибкой, повлекшей за собой целую череду неожиданных событий.

— Девушка... — глаза Вика полны ужаса. — По-моему, вы ошиблись...

Но она его не слушает, страстно извиваясь у него на коленях. Вик отводит назад руки — от греха подальше. Отклоняется назад на стуле. Далеко. Слишком далеко. И они опрокидываются назад оба. Визжит стриптизерша. Вскрикивают на ноги Бас, Ник и Дэн. Тут же подбегает охрана. В полутьме, не особо разобравшись...

— Ну, колитесь, что вы, как девственницы? Стесняетесь, что ли? — Надя отпивает из бокала с мартини. — Машка, давай, ты самая старшая.

— Ой, а Надька-то набралась у нас.

— Ничего подобного! Я трезв как стеклышко!

— Да у нее с непривычки это, — смеется Люба. — Столько не употребляла, а тут развязалась, раз уж грудью больше не кормит.

— Так, мартышки, тему не переводим. Ну, Мария Дмитриевна, рассказывайте.

— Не отстанешь?

— Не отстану! Ну, какая у вас с Басом любимая поза?

— На боку. Он сзади.

— Оригинально.

— Ничего оригинального. Но мне нравится. Я в этой позе в первый раз... ну... вы поняли. И Басу нравится — он... хм... до всех стратегических мест достает.

— Затеяники. Надя, ты давай теперь — если по старшинству.

— Хорошо. Я люблю быть сверху. Да, тут с доступностью стратегических мест тоже все в порядке. И... это редкая возможность быть сверху, потому что Баженов — домашний тиран!

— Странно... Он то же самое говорит про тебя.

— Я поняла! — Маша отправляет в рот оливку. — У них семья, состоящая из двух тиранов. Двойная тирания. Бедный Ванечка.

— Угу. Бедный Ванечка у них там главный тиран.

— Так, сестрица, не увиливай. Твоя очередь.

— Ну... Старая добрая миссионерская.

— Фу! Скучно.

— Нам нравится, — пожимает плечами Люба.

— Слушай, ну Колька же огромный. Наверняка тяжелый. Как тебе... под ним?

— Мне под ним отлично, — с мечтательным выражением лица.

— Что-то ты рано?

— Да вы, я смотрю, тоже не засиделись, — Ник проходит на кухню. — Ого... Девочки хорошо время провели. Я не думал, что вы все три осилите.

— Мы тоже не думали. Ну а вы как?

— Нормально. Устал только.

— Устал? Ты что там — работал? Деньги в трусы засовывал?

— До этого дело не дошло, — Ник разминает плечо, морщится. — Сначала мы приняли неравный бой. Потом позорно отступали.

— Чего?!

— Знаешь, — он падает на табуретку, приваливается затылком к стене, вытягивает ноги. — Вот физуха у Баса, конечно, конская — тренер же, и спортсмен бывший. Но удар у него ни черта не поставлен. Поэтому толку от него не было. Дэн хорошо стоял, спину прикрывал.

— Коля?! Что ты несешь?!

— Но самый молодец, конечно, Витька — не разучился с ноги пробивать, — словно не слушая ее. — А Басу все-таки раз в челюсть хорошо пришло — кровищи много было, губу разбил. Но глубокого рассечения нет — Машке так и скажи, я посмотрел.

— Коленька... Что случилось?! Вы где были?!

— Главное — это где мы НЕ были. Успели смыться до приезда полиции. Благодаря Витьке — он отступление прикрывал и бился как лев.

— Вы устроили драку в стриптиз-баре?!

— Мы ее не устроили. Мы ее, — со вздохом, — спровоцировали.

— Так! Я звоню Наде!

— Только Дэну не звони — а то он только матом в состоянии разговаривать. Сказал, что мы его опозорили.

Но Люба все-таки позвонила всем, включая Дэна. А потом сползла по стене и долго смеялась, до изнеможения просто.

— Боже, как негодовал Дэн, — Люба, наконец-то успокоилась. — С Васькой все в порядке, уже дрыхнет, с перевязанной головой аки герой. В общем, отличились... Пустили добрых молодцев в стриптиз-бар... — она снова начинает хихикать. А потом резко перестает. — Так, а что ты там плечо трогал? Больно?

— Пропустил слева.

— Покажи! — она поднимается с пола.

— Люба, да все в порядке, поверь врачу. В худшем случае, ушиб мягких тканей.

— Снимай рубашку, кому сказали!

Он со вздохом подчиняется. На левом плече — кровоподтек. Люба трогает осторожно.

— Очень больно?

— Ерунда. Пройдет за неделю.

— Только ты, Самойлов, можешь прийти из стриптиз-бара с синяками.

— Ты Баса не видела. А я еще и голодный после драки. Покормишь?

Люба снова начинает смеяться.

— Я в шоке! Просто в шоке! Что это было?! Что за дела вообще?! Сначала заказали приватный танец, потом драку начали! Какие-то странные парни. Этот блондинчик шарахался от меня как я не знаю кто.

— Наверное, гей.

— Чего ему делать на женском стриптизе?!

— Мало ли... Может, в гей-барах симпатичных мужиков не осталось. И теперь наших клиентов отбивать начинают.

— Как-то они не похожи на геев...

— Карина, какой нормальный парень будет шарахаться от стриптизерши? И к тому же он слишком хорошенький.

— Ну точняк... А остальные?

— Я видела, как рыжие перемигивались.

— Вот же... А жаль — прикольные пацаны.

На благополучие их мужского самолюбия те, о ком говорили две девицы в примерке стриптиз-клуба «Зажигалка», никогда не узнали об этом разговоре.

«Гей»-блондин спал рядом с наконец-то успокоившимся и пригревшимся между родителями домашним тираном Ванечкой. По другую сторону от Ванечки спала его мама — спала особенно крепким после мартини сном.

Конопатый «гей» с наклепками пластыря на лице спал, широко раскинувшись на кровати и обнимая одной рукой порядком поволновавшуюся супругу.

Рыжий «гей» мирно сопел в обнимку со своей ненаглядной, и даже во сне держал ее крепко-крепко. На голом плече красовался боевой «трофей».

И лишь Денис Валентинович Батюшко долго не мог заснуть в ту ночь. И даже достал оставленные кем-то из друзей сигареты и задумчиво выкурил парочку на балконе — почти не затягиваясь. Он казался грустным, но узкие губы иногда трогала усмешка.

— Коля, прекрати себя вести как ребенок!

— Я не понимаю, зачем...

— Только не начинай! Обсуждали уже на сто раз. Коля, у меня завтра с утра — визажист, парикмахер, знаешь, у невесты в день свадьбы куча дел. Мне удобнее переночевать у родителей.

— И все равно...

— Не занудствуй! Коля, я всю жизнь буду спать с тобой в одной постели. На одну ночь ты можешь меня отпустить?!

— Не понимаю, зачем.

— Господи, какой ты упрямый, — Люба закатывает глаза к потолку. — Потому что жених не должен видеть невесту в свадебном платье до свадьбы!

— Я отвернусь.

— Коля!

— Ну и ладно, — он хмур. — Но мне это не нравится, так и знай.

— Ничего, один раз потерпишь. Переночуешь у своих, там Юлия Юрьевна с Варькой проследят за тобой — чтобы ты носки одинаковые надел, и галстук тебе завяжут.

— Я сам в состоянии справиться. Люб, ну, может...

— Не начинай!!!

— Витенька, что с твоим лучшим другом и моим будущим мужем по совместительству? — невеста в платье из вышитой органзы, главным украшением которого является роскошный шлейф, подобрав этот самый шлейф, допрашивает, отведя в сторонку, свидетеля — высокого стройного блондина в темно-синем костюме с бутоньеркой.

— Судя по моим наблюдениям — он в предобморочном состоянии.

— Это и я вижу! В чем причина?

— Нашла, у кого спросить! Может, он жениться не хочет? А ты его заставляешь?

— Витяя... — угрожающе.

— Люба, я не знаю!

— Ну, так узнай! Со мной он говорить не хочет, утверждает, что все в порядке. Все, иди, и без информации не возвращайся, — толкает свидетеля в спину.

— Ну?

— Да как бы тебе сказать...

— Как есть говори!

— Ну, он мне тоже заявлял, что все в порядке. Но по некоторым фразам я так понял, что наш новобрачный в кратчайшие сроки обзавелся новой фобией.

— Что?! Какая еще фобия?!

— Он боится, что напортачит на свадьбе. Испортит... церемонию.

— Как это? Как это можно сделать в принципе?!

— Наступит тебе на этот, — кивнул ей за спину, — шлейф. Скажет не те слова в ЗАГСе.

— Там одно слово надо сказать — «Да»!

— Я ему то же самое сказал. А он весь в себе, и, по-моему, никого не слышит. Боится, что что-то не то сделает, в общем. Кольцо не на тот палец наденет. Или не той девушке.

— Витя!

— Люб, я его таким в первый раз вижу. Будто и не Колька это. Он же всю жизнь железобетонный и спокойный как удав. Знаешь, что нужно сделать? Ему надо тяпнуть.

— Кого тяпнуть?!

— Не кого, а чего. Эх ты, женщина... Выпить. Немножко. Чтобы его отпустило.

— Это... это... — Люба качает указательным пальцем, — это отличная идея! Светлая у тебя голова, Баженов, даром что блондинка! Я даже знаю... — прищурившись, оглядывается, — кто мне нужен.

— Как ты, мое солнце? — Люба берет своего жениха под руку.

— Все хорошо, — врет и не краснеет!

— Сейчас станет еще лучше.

— Ты о чем?

— Вот об этом, — Люба достает из-за спины серебряную фляжку с гравировкой. — Выпей, прошу. Пару глотков.

— Что это? — с видом профессионального параноика.

— Коньяк. Хороший — дядь Дима сказал.

— Нет, — Ник мотает головой. — Не буду пить. Только хуже будет.

— Коля, пожалуйста.

— Нет. Я в порядке.

Упрямее мужчины свет не видывал!

Они сидят вдвоем на сиденье свадебного лимузина. Люба приподнимает подол из вышитой органзы, обнажая ногу в прозрачном белом чулке.

— Ты что делаешь? — у Ника свистящий голос и такие глаза, будто она ему нож под сердце всадила.

— Смотри, что у меня есть, — платье поднимается еще выше.

— Что за кружевная кошмарная хрень?

— Это подвязка, и она не твоя забота. Смотри, — из-за резинки чулка добывается все та же фляжка. — Коленька, родненький, ну выпей, пожалуйста. Тебе полегчает.

Он упрямо мотает головой.

— Нет.

— Коля, у тебя такой вид, будто ты не жених на свадьбе, а пациент в кресле стоматолога. И тебе сейчас зуб будут выдирать!

— Да лучше бы пары зубов лишиться, — произносит он вдруг тихо.

— Самойлов! — у невесты лопается терпение. — Не хочешь жениться — время передумать еще есть!

— Я хочу! Но почему это нельзя делать под наркозом?... — совсем жалобно.

— Я тебе предлагаю наркоз!

— Нет, — снова это упрямое мотание головой. — Для меня это не наркоз. Все, Люб, я справлюсь, правда. — Целует ее руку. — Я же люблю тебя.

— Ну-ну... А то я уже сомневаться начала.

Зря только себя накручивал. Все прошло просто отлично. Изящная улыбчивая невеста в простом по покрою платье со скромным вырезом и небольшими спущенными с плеч рукавчиками, которое прекрасно оттеняло ее хрупкую красоту. Серьезный представительный жених в темно-сером. Веселые и нарядные гости. Погода чудесная — яркий летний день. И даже широкое обручальное кольцо из платины и золота было без помех надето на нужный пальчик именно той самой девушке.

— Ну, теперь-то ты выпьешь? А то чудо-трава тебя что-то не отпускает, как я погляжу, — за окнами летняя субботняя Москва, они едут в ресторан.

— Нет.

— Что еще не так, дорогой муженек?

— Нам еще танцевать. Я тебе оттопчу все ноги, если выпью.

— Да и шут с ним, с этим танцем новобрачных.

— Нет. Я хочу, чтобы у тебя... у нас... все было, как положено.

— Господи, Самойлов, если бы я знала, что ты НАСТОЛЬКО занудный, я бы не вышла за тебя замуж!

— Ты же шутишь?

— Нда... И чувство юмора нам отказало. Караул. Конечно же шучу, радость моя.

Начинает фортепиано, за ним вступают скрипки. По неземному красивая музыка Евгения Доги. Очень хочется вдохнуть поглубже, чтобы унять волнение, но она себе этого не позволяет. Потому что тот, кто сейчас обнимает ее, волнуется еще больше.

— Давай, Люб, на счет три. Раз, два, три...

И ее закружили по залу. Опомнилась Люба через пару минут.

— Коленька... Ты танцуешь? Вальс?

— Да, — практически сквозь зубы.

— Но... как?

— Варька.

— Варя тебя научила? Как? Когда?

— Три месяца. Понемногу. Не отвлекай. Я считаю. Черт!

Он спотыкается, останавливается.

— Черт. Прости. Я сбился.

В этот момент она понимает — невозможно его любить больше, чем она его уже любит. Но за этот вальс, за это его «Прости. Я сбился»... Кажется, что она стала его любить еще самую чуточку сильнее.

Улыбается ему, сжимает крепче надежные пальцы.

— Давай считать вместе. И — раз, два, три...

— Любава, тебе эта штука сзади не мешает? — они идут рука об руку к своему месту.

— Ты про шлейф?

— Это называется шлейф?

— Вообще-то, на самом деле, — заговорщически шепчет она ему на ухо, притянув к себе за шею, — это у твоей самочки Звероящера вырос... хвост!

И впервые за сегодняшний сумасшедший день она слышит его смех. Искренний смех.

— Ну, — протягивает ему бокал с шампанским. — Теперь-то ты выпьешь уже, неврастеник мой?

— Выпью, — кивает он. — Но не это. Доставай фляжку.

— По твоей милости, Самойлов, я выходила замуж с коньяком под юбкой.

— Он от этого, наверное, особенно вкусный, — отвинчивает крышку, салютует ей. — Ваше здоровье, госпожа Самойлова.

И только получив назад фляжку и ощутив ее звонкую легкость, Люба осознает весь масштаб катастрофы. Вглядывается в цифры в нижней части фляжки.

— Двести тридцать миллилитров! Коля, это же стакан! Закусывай, закусывай немедленно!

— Ну что, дочь, наверное, пришло время рассказать тебе о том, что должна знать каждая женщина о первой брачной ночи.

— Я знаю, мам, — вздыхает Люба. — Разуть, галстук и пиджак снять. Остальное можно не снимать — слишком сложно. Уложить в кровать. И оставить до утра.

— Все верно, — усмехается Вера Владимировна. — Слушай, я совсем не поняла, когда Коля успел...

— Он у меня талантливый.

— На самом деле, он очень мил. Но, по-моему, ничегошеньки не соображает.

— На месте разберемся.

Пиджак висит на спинке стула, поверх него — галстук. Молодой новобрачный в брюках и белой рубашке нежно обнимает подушку с лицом абсолютно счастливым и безмятежным. Сейчас ему хорошо. Остается надеяться, что завтра будет не слишком плохо. Люба предусмотрительно ставит на пол рядом с кроватью бутылку минералки.

Раздевается, аккуратно вешает платье на плечики, убирает в шкаф. Чуть-чуть грустно, самую малость — сказка кончилась. Но самый важный человек в ее жизни с ней — это главное. Однако засыпать Любе пришлось в наушниках — под второй концерт Рахманинова. Иначе не получалось.

Утро после свадьбы случилось чудесным — поздним, солнечным. И полным самых разнообразных приятностей — тишина квартиры, свежий ветерок с балкона и уопомрачительные запахи с кухни. Завтрак? Коля готовит завтрак?

Коля готовит завтрак. Стоит у плиты, в шортах и футболке, аккуратно, словно на операции, переворачивает что-то на сковороде. Люба бросает взгляд на стол. На тарелке горк уже пожаренных... сырников?

— Коля, ты умеешь готовить сырники?!

Он обернулся. Не поймешь, что за выражение лица.

— Угу. Я же их могу трескать безостановочно. Вот и заставили мои... самому научиться. А то я их... заколебал.

— Сейчас оценим, — Люба подцепила с тарелки теплый сырник, надкусила. И заснула целиком в рот.

— Вкуснятина! — прожевав первый и тут же потянувшись за вторым. — У тебя получается лучше, чем у меня!

— Спасибо, — Ник выключил плиту, убрал сковороду с огня. И шагнул к ней.

— Послушай, а... а что вчера было?

Любе едва удалось сдержать улыбку.

— Да как тебе сказать-то... Ты крепко на ногах стоишь?

— Вроде да, — настороженно.

— Ну, тогда слушай. Ты вчера... — тут ее голос упал до драматического шепота. Люба выдержала паузу. — Женился! На мне. Кстати, позволь представиться — Любовь Самойлова. Твоя жена.

— Любава, прекрати!

— Ты сам спросил, — пожала она плечами. Начал облизывать пальцы, но решила употребить еще один сырник — ну вкусняющие же до невозможности! И вообще — жизнь прекрасна.

— Я... — Ник вздохнул. — Я вчера, похоже, выпил... лишнего. И мало что помню. Если честно.

— Кстати, как голова, мой юный друг-алкоголик?

— Как ни странно, почти цела. Сушняк с утра был, конечно, жуткий. Спасибо за минералку.

— Пожалуйста.

— Люб, — он, наконец-то, решился. — Я вчера... все испортил, да?

— Почему же... Ты был главным украшением торжества, я бы сказала.

— Издеваешься?

— Отнюдь. Ты был необыкновенно мил. Поучаствовал практически во всех конкурсах. По просьбе Машки принимал дивной красоты фотогеничные позы и был ее любимой фотомodelью. Пел в караоке-баре, набрал сто баллов, между прочим.

— Я?! Пел?!

— Лишь позавчера нас судьба свела, — хорошо поставленным голосом промурлыкала Люба, — а до этих пор где же ты была...

— Что это за песня?!

— Это ты меня спрашиваешь? Ты ее вчера дважды пел на бис. Точно попадая в ноты. У тебя неплохой голос, кстати. По крайней мере, громкий, — с усмешкой добавила Люба.

— Любава... скажи, что ты шутишь.

— Какие могут быть шутки в таком серьезном деле? Вот фото и видео нам сольют — сам увидишь. А как ты вальсировал с моей мамой...

— Что?! — с ужасом выдохнул Ник. — Я... я ее уронил, да?

— Даже на ноги ни разу не наступил. В тебе после стакана коньяка на голодный желудок такая грациозность просыпается.

— О, Господи, нееет...

— А папе моему ты пообещал, что мы родим ему пятерых внуков. Папа был в легком... шоке. Я, впрочем, тоже.

— Это не может быть правдой!

— Ты главного не знаешь, — Люба устроилась на табурете за столом, вытерла пальцы салфеткой. — Про нашу... первую брачную ночь.

— Что? — он едва выдохнул это короткое слово.

— Что ты творил, Боже мой... — Люба закрыла лицо руками. И оттуда, глухо:
— Я даже предположить не могла, что ты на такое способен...

Сквозь неплотно сомкнутые пальцы она увидела, как он присел на корточки перед ней. Почувствовала, как его пальцы коснулись ее рук.

— Люба... — голос его совсем тих. — Что я сделал? Я... обидел тебя? Я был груб? Сделал тебе больно? Взял силой? Господи, Люба, скажи мне! Не молчи!

Он потянул ее ладонь, она убрала руки от лица. И Ник увидел смеющиеся глаза.

— Ты храпел! Всю ночь! Рокотал как трактор! Удивляюсь, как нам не стучали в стену соседи.

Ник со стоном уткнулся в ее колени, не в силах ничего сказать в ответ. А потом резко поднял голову. Уголки губ опущены, и такой безжизненный голос.

— Ты теперь со мной разведешься?

Судя по всему, чувство юмора на место так и не вернулось. Хотелось верить, что это явление временное.

— Знаешь, разводиться на следующий день после свадьбы — страшный моветон.

— Мове... что?

— Дурной тон. Так что... я разведусь с тобой... позже. Или не разведусь. В общем, ты, Самойлов, на испытательном сроке. На два месяца. Нет, на три.

Его губы трогает робкая улыбка.

— Да? И... каковы будут условия?

— Во-первых, — Люба указывает пальчиком на тарелку на столе, — ты спалился, поэтому готовишь завтраки.

— Хорошо, — покорно кивает Ник.

— Во-вторых, во-вторых... — Люба почесала кончик носа. — Думаю, ежедневный куннилингус — это справедливо.

Ник едва не поперхнулся.

— А ты сама-то выдержишь? Каждый день?

— Ой. Твоя правда. Снимаю предложение. Тогда — массаж. Каждый вечер перед сном! У тебя такие ручки волшебные.

— Договорились.

— Массаж по желанию заказчика может быть дополнен куни!

— Заметано.

— Ну, тогда, — Люба встала. — Пожалуй, по рукам?

— По рукам, — он встал вслед аз ней.

А потом Ник обнял, наконец-то, свою жену. Уткнулся лицом в волосы.

— Любка, тебе достался никудышный муж.

— Да ладно тебе. Сырники отлично готовишь.

— Любава, — он прижался губами к ее пальцу с обручальным кольцом. — Знаешь, несмотря на то, что я практически не помню, как прошла значительная часть нашей свадьбы... Сейчас я счастлив. Мы наконец-то вместе. По-настоящему. Навсегда. Я люблю тебя. Ты лучшее, что случилось в моей жизни. Моя Любава. Моя любовь.

— Коля, женатым звероящерам не положено говорить такие красивые и проникновенные слова.

— А это твое облагораживающее влияние.

— И не поспоришь. Ну, — поднимая к нему лицо: — где мой супружеский поцелуй?

Эпилог, в котором *голосом Николая Дроздова* мы будем наблюдать, как в гнезде Звероящеров появляется потомство

— Ник...

— Ммм?...

Это такое особенное, специальное «Ммм», которое расшифровывается как: «Если ничего срочного, давай потом, позже, завтра, я устал и уже почти сплю». Люба это понимает, но игнорирует.

— Мне надо поговорить с тобой.

— Хорошо, — со вздохом поворачивается на бок, лицом к ней. — Слушаю.

Ник не особенно демонстрирует желание вести диалог. А ей плевать! Она все для себя решила, и сил больше нет молчать.

— Я хочу ребенка.

— Окей, — после небольшой паузы. Зевнул. — Только давай завтра, ладно? Я устал сегодня жутко.

— Что — завтра?!

— Завтра будем ребенка делать. Вот прямо с утра, со свежими силами.

— Ты издеваешься?!

— Почему это? Серьезно.

— То есть... Я говорю, что хочу ребенка, а ты говоришь: «Окей»?!

— А что я должен был сказать? — он ее просто выводит из себя своей невозмутимостью, которую в данный момент хочется назвать совсем другим словом.

— А ты сам хочешь?! Твое желание иметь ребенка?! Оно есть?

— Люб, — он притягивает ее к себе. Вот вечно он так — в любом споре тут же начинает распускать руки! — Мы это уже давным-давно решили. Что у нас будут двое детей. И как только мы будем готовы...

— И это я должна решить, что мы готовы?!

— А кто?

— А у тебя есть мнение по данному вопросу?!

— Есть. Я готов. В материальном плане уверен — справимся. А насчет всего остального — это решать тебе.

— Почему?! — ей кажется, она сейчас просто лопнет от его спокойной упертости.

— Потому что, — Ник вздыхает и пресекает ее попытки вывернуться, — так несправедливо устроен этот мир, Любава. Потому что именно в твоём теле зародится новая жизнь. Именно из твоих клеток он, ребенок, и будет создаваться. Именно твоему телу придется подстраиваться, чтобы выполнить эту функцию. Внутри тебя вырастет новая жизнь. Ты... ты очень сильно изменишься на целых девять месяцев, ты же это понимаешь? Чтобы потом выпустить малыша наружу — а это очень трудно и больно, я видел. Да и потом будет не проще. Именно ты будешь кормить ребенка грудью, не высыпаться первое время, вставать к нему по ночам. Это работа — нужная, но очень непростая. Ты сама должна решить, когда ты к ней будешь готова.

Люба молчит долго. Потом выдыхает.

— Вот что ты за человек, Самойлов... Вечно своими подробностями все портишь. Что за привычка вываливать правду-матку во всех случаях?...

— Ты же знаешь, я прагматик.

— Ты Звероящер!

— И это тоже.

— А что, ты вот не собираешься мне помогать? С ребенком?

— Каким образом?

— Ну... ты тоже можешь вставать к нему ночью.

— Зачем? Если ребенок кушать хочет, чем я ему могу помочь?

— А гулять? Гулять-то ты с ним можешь? — почему-то картина Ника с коляской вызывает острое чувство увидеть это в реальности!

— Могу. Любава... Я буду делать все, что положено. И что смогу. Но этого все равно будет мало по сравнению с тем, что придется делать тебе. Это не я придумал. Такова физиология репродукции человека.

— Иди ты к черту со своей физиологией! И ты меня не напугал. Я все равно хочу ребенка.

— Хорошо, — и она вдруг оказывается уже под ним. Под его губами, руками.

— Ты же устал? И говорил про завтра?!

— Я извращенец. Разговоры про детей меня возбуждают.

— Точно, извращенец, — она легко и счастливо смеется, запрокидывая голову, подставляя ему шею для поцелуев. Впрочем, и Люба сама такая же. Заводится быстро, прижимается к нему нетерпеливо, шепчет жарко:

— Ну, давай уже...

А Ник слегка отстраняется.

— Любава, ты знаешь, без чего не делается ни одно важное дело?

— Без чего?

— Ну, подумай...

А ей и думать не надо — понимает сразу. Трется кончиком носа о его.

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, — он отвечает ей тем же самым жестом. — Все, теперь можно начинать. Ну, что, девочку делаем?

— А что, мальчики и девочки по-разному делаются? — Люба не может удержаться от улыбки. И вообще — состояние счастья в организме просто зашкаливает.

— Конечно.

— Откуда ты знаешь? У тебя был практический опыт?!

— Нет. Это интуитивное знание. Ну что, девочка?

— Девочка. Маленькая наследная принцесса.

— Ладно, — он замирает ненадолго. — Все, я настроился на девочку. Можно приступать.

Ник из них двоих, утомленных, расслабленных, шевельнулся первым.

— Ооох... Как-то надо собраться и доползти до душа. Ты меня вымотала, женщина.

— Угу. Самки Звероящеров очень страстные. Скажи спасибо, что не пожирают самцов, как некоторые представители фауны.

— Спасибо. Ладно, — выдохнул. — Я в душ.

— Нет! Я первая.

— Ага, как же. Никакого душа до утра. Лежи и беременей.

— Чего?!

— Того. Что я — зря старался? Лежи, женщина, и делом занимайся. Выполняй свою часть работы.

— Ты это специально придумал, чтобы первому в душ пойти, признайся!

— Ничего подобного. Если ты встанешь, начнет вытекать то, что должно остаться внутри.

— Коля!

— Ну, факт же.

— Ты невозможный тиип, — со стоном в подушку.

— Уж какой есть, — невозмутимо. — Все, я в душ.

— Ник... ты поел?

— Угу. Спасибо. Очень вкусно.

— Тогда смотри, — на кухонный стол кладется бумажная салфетка, на которой лежит тонкая полоска ламинированного картона.

— Ого... Это значит... А ты перепроверяла?...

На салфетку кладутся еще две тонких полоски — с теми же двумя поперечными линиями.

— Дважды.

— Ух ты... Значит, мы забеременели в первый же цикл, да? Круто.

— Круто — и все?

— Ну... Я рад. Правда. Очень рад. Мы же этого хотели.

— Что-то не очень заметно, что ты рад.

— Люб... ну ты же знаешь... У меня с выражением мыслей не очень. Не умею я.

— Все ты умеешь. Когда хочешь, — и она неожиданно поворачивается, спиной к нему, лицом к окну.

Ник задумчиво смотрит на замершую фигуру в угасающем свете заката. Видимое напряжение в спине, шее, плечах, руках, демонстративно засунутых в карманы джинсов. Не дала ему и минуты на то, чтобы осознать. Невозможная. Нетерпеливая. Любимая.

Поднимается с места, обходит Любу, встает перед ней. Она упорно продолжает смотреть мимо него, в окно. Да и пусть смотрит.

И он опускается на колени перед ней. Расстегивает пуговицу, замок «молнии» на ее джинсах. Приподнимает трикотажную кофточку. И прижимается губами к плоскому животу. Там, в том месте, где под кожей находится небольшой, с ее кулак размером, орган, в котором сейчас происходит чудо. Согласно заложенной в них программе, делятся клетки, создавая новую жизнь. Нового человека. Их ребенка.

Его поцелуи нежные, едва касаясь губами, чуть ниже пупка. Ее пальцы ложатся на его затылок, ерошат рыжий ежик. Люба выдыхает довольно.

— Вот можешь же... когда хочешь.

— Ник?

— Да?

— Покрась ногти на ногах.

— Чего?!

— Лаком ногти покрась. Пожалуйста.

— Не буду!

— Почему?

— Никогда раньше этого не делал и сейчас не буду!

Люба обиженно поджимает губы и уходит на кухню. Если поплакать, Ник приползет, как миленький. Но плакать не хочется. Устала она уже от этих

перепадов настроения — то слезы по малейшему поводу, то на все плевать. И Ник устал от ее капризов, сейчас она это понимает. Но в другие моменты он бесит ее так, что просто стукнуть хочется.

Люба, отставив в сторону ногу, разглядывает облупившийся лак. Ну и ладно. В салоне покрасит, недалеко идти, в соседнем доме. Ей не очень хочется ходить по салонам красоты с таким огромным животом, как-то неловко. Но раз уж Ник так на это реагирует...

А когда она вернулась в комнату, то схватилась за живот. И тихо сползла в кресло, задыхаясь от смеха. В соседнем кресле, склонившись над коленями, любимый муж, ворча что-то под нос, красил ногти розовым перламутровым лаком. Себе! Люба охнула, придерживая живот. Так и родить недолго досрочно.

Ник повернул голову. Разогнулся.

— Чего ржешь? — хмуро.

Люба смогла ответить далеко не сразу. Сначала прохихкалась. Потом продышалась. Потом вытерла слезки. И лишь потом ответила:

— Коленька... Я просила ногти на ногах покрасить себе. Я сама не могу уже — живот мешает.

— Себе?!

— Себе, — для убедительности вытянула свою стройную изящную ножку — немного из того, что у нее осталось стройного.

— А... — Ник озадаченно посмотрел сначала на ее ногу, потом на свой босой сорок пятый с тремя из пяти покрашенными розовым лаком ногтями. — Черт... Я тебя не так понял, да?

— Ага, — Люба еще раз хихикнула.

— Да кто тебя поймет с твоими хотелками непредсказуемыми. Блин... — снова перевел взгляд на свою ногу. — Вот дурак...

— А, по-моему, красиво вышло.

— Слушай, а что делать-то?

— Иди, в ванной возьми ватные диски и... Нет, я лучше сама принесу, а то ты что-нибудь напутаешь.

А потом она сидит в кресле, а он, сложив ноги «по-турецки» — на полу, перед ней. Ее стопа — на его колене.

— Коля... Ты так аккуратно красишь. У меня так не всегда получается. А ты в первый раз — и так ровненько.

— Ты еще не видела, какие я аккуратные и ровные узлы на шовном материале завязываю.

— Ник...

Он в последнюю пару месяцев спал плохо. Просыпался вместе с Любой, когда она вставала ночью в туалет. Сквозь сон чувствовал, как она ворочается. Спал чутко, чтобы, не дай Бог, не задеть ее нечаянно. А вот сегодня его по какому-то капризу нервной системы вырубил. И он не почувствовал, как она вставала. И проснулся лишь, когда Люба потрясла его за плечо.

— Что? Что случилось? — сел резко на постели. В комнату падает свет из прихожей. Люба выглядит слегка растерянной.

— Воды отошли...

Что-то вдруг ухнуло внутри.

— Точно?

— Да. По-моему, да. Ну... так много... Я в туалет встала, а оно там как полилось...

— Я посмотрю.

Его не было минут пять. Вернулся.

— Да. Это воды отошли. Убрал там. Как ты? — осторожно присел рядом на кровать. А Люба вдруг поморщилась, и он понял сразу.

— Схватки?

— Да.

— Как часто?

— Не знаю.

— Надо засечь.

— Надо, — она вздохнула, положила ему голову на плечо. Ник одной рукой привычным движением погладил ее по пояснице, другой дотянулся до телефона. Без пяти три. До утра ждать не стоит.

— Любава, у тебя все собрано, так ведь?

— Угу.

— Тогда одевайся потихоньку. А я за машиной, — он встал, протянул ей руку. Люба поднялась и вдруг прижалась к нему — боком, как только и получалось в последние месяцы. Выдохнула ему в грудь. И он почувствовал, что она дрожит. Обнял осторожно.

— Боишься?

— Да, — не понимая головы.

Ник вздохнул. Чем помочь? Как успокоить?

— Хочешь, я пойду с тобой? — погладил по темноволосой голове. — Буду там, с тобой? Если тебе нужно...

— Теть Даша скептически относится к партнерским родам. Говорит, что мужчины там лишние.

— Да мало ли что она там говорит. Если я тебе нужен — я пойду с тобой. В обморок не упаду, под ногами мешаться не буду, порядки знаю. Не знаю, чем помочь смогу, но если смогу... если тебе так будет легче...

— Не надо, — произносит она после небольшой паузы, негромко, но твердо. Повторяет: — Не надо. Я сама. Я должна сама справиться.

— Ты справишься, — он приподнимает ее за подбородок, смотрит в глаза. Боится. Его маленькая любимая девочка с огромным животом боится того, что сейчас происходит с ней, с ее телом. — Но я буду недалеко. Я все время буду там, неподалеку, за парой стен. Если что... помни — я рядом.

— Хорошо, — она улыбается — слегка вымученно. И тут же вздрагивает всем телом, охает. — Коля, твоя дочь такая же торопыга как ты!

— Хулиганит? — он улыбается Любе ободряюще. Приседает на корточки, прижимается губами к ее животу. — Дочь, води себя прилично, слушайся маму, пока папа за машиной ходит.

За окном рассвело. Медленно вальсируя, опускаются на землю крупные хлопья. Все укутано снегом. Наверное, один из последних снегопадов этой зимой. А там уже недалеко и весна.

— А кто это у нас такой напряженный... — пропел за спиной знакомый голос. Ник резко обернулся. — Такой бледный... такой нервный... А это наш папочка...

Он не смог ничего ответить сразу. Просто смотрел. Смотрел на сверток на руках Дарьи Александровны.

— Ну, что стоишь столбом? Принимай дочь на руки.

И он принял. Не весит, кажется, ничего. И стоит целого мира. Вглядывается в крошечные черты лица, но его глаза в этом не участвуют. Сердцем смотрит.

— Она красавица, — наконец-то может выдохнуть первые слова.

— Конечно, красавица, — Дарья смотрит на ребенка, наклонив голову. — На тебя-то не похожа, это Соловьевская порода. В маму пошла.

— Как Люба? Как все прошло? Сколько баллов? — из него вдруг посыпались вопросы.

— Девять баллов. А Люба молодец. Говорю же — девочка не в тебя пошла, в маму: маленькая, ладная, шустрая. Два восемьсот всего. Вышла отлично, без эпизиотомии и разрывов, — Ник едва заметно вздрогнул. — Так что обе твои девицы просто умницы — и Люба, и...

— ... и Леночка, — наконец-то решается прикоснуться к маленькой щеке. В пальце покалывает — кожица под ним невообразимо мягкая.

— Леночка? — усмехается Дарья. — А мне Люба сказала, что она еще не придумала имя дочке...

— Ну... — смущенно улыбается свежеиспеченный папаша, — ну, я...

— Вот все вы такие! — ответно смеется Дарья. — Мы девять месяцев ребенка под сердцем носим, рожаем его в муках, а вы потом заявляете: «У меня Машка родилась! А вот и моя Катенька!». Где справедливость, Коля, где, я тебя спрашиваю?

— Ну... хм... Маше... и Кате... очень подходят их имена. Я не представляю, чтобы Машку или Катьку звали бы по-другому. По-моему, дядь Дима очень хорошие имена выбрал.

— Хорошие. Но не в этом же дело, а в принципе!

— Ну, она же Леночка... — Ник всматривается в лицо новорожденной дочери.
— Она Леночка, это видно сразу.

Дарья подходит ближе.

— Леночка... Елена Николаевна Самойлова. Будущая Елена Прекрасная. Наверное, ты прав. Знаешь... — женщина переводит взгляд в окно, на медленно падающий снег. — А ведь, кажется, совсем недавно... Вот так же напротив меня стоял Глеб. С тобой на руках. А теперь ты уже сам отец. Как летит время. Как же оно летит... В такие моменты я особенно остро чувствую, сколько мне лет.

— Э, нет! Я знаю, к чему это! Не думайте даже!

— О чем?

— Знаю я этот тон, этот взгляд, эти слова. Батя тоже иногда эту пластинку заводит. «Я уже старый, мне надо на покой». Нет уж, дудки! Работать, Дарья Александровна, работать! Пахать!

— Молод ты меня поучать.

— В самый раз. Нечего глупости говорить. Мы еще к вам годика через четыре за второй принцессой придем.

— Храбрый какой. Люба там требовала с меня, чтобы я ей все, что можно, зашила, и что она больше на такое не подпишется.

— Чего?! — от отцовского крика Леночка протестующее пискнула, и Ник совершенно выверенными движениями начал покачивать дитя.

— А чего ты хочешь, у Любушки стресс.

— Ну... это она... погорячилась...

— Факт, — усмехается Дарья. — Ладно, иди, утешь свою бесценную, а мы пока с Еленой Николаевной нанесем визит к ее тезке — доктору-неонатологу Елене Валерьевне.

— Какие-то проблемы?

— Это стандартная процедура, папаша-параноик. Отдай мне ребенка и иди к жене.

— Как ты?

— Чуть не умерла, — Любин голос звучит слабо. — Это ужасно больно. Но я справилась.

— Да. Ты справилась. Ты у меня умница.

— Ник, ты ее видел?

— Да.

— Она красавица, правда?

— Красавица, правда. Леночка вся в тебя.

— Леночка? — Люба округляет и без того огромные глаза — синие, с голубоватыми тенями от усталости под ними. — Леночка?! Сволочь ты, Самойлов!

— Тебе не нравится имя? — виновато.

Она смотрит на него какое-то время. А потом вдруг улыбается.

— Знаешь, она и в самом деле — Леночка. Ей... ей подходит это имя. Но вторую дочь точно буду называть я!

— Да? Хм... а мне тут сказали, что ты... больше не хочешь...

— Я передумала, — на бледных щеках появляется слабый румянец. — И вообще, может, все-таки, сына?

— Там видно будет, — Ник улыбается, притягивает ее руку к губам, целует тонкие пальчики. — Спасибо тебе.

Елена Николаевна, только что покормленная, сытая и довольная, лежит в кровати, с любопытством разглядывая диво дивное — собственные ручки. У Любы есть полчаса или минут сорок свободного времени, пока ребенок занят сам собой. Можно сходить в душ. Или помыть посуду. Или просто прилечь и... Тренькает звонок. Муж с работы пришел.

А это оказался не муж, а любимая свекровь.

— Юлия Юрьевна, вот это сюрприз! Здравствуйте, проходите.

— Здравствуй, хорошая моя. Вот, это вам, только не бери в руки, тяжелый пакет, я сама унесу на кухню.

— А что это?

— Да это мы с отцом пару вечеров посидели на кухне, вареников вам налепили домашних.

— Ой, ну зачем? Не надо, я бы и сама...

— Люба! — Юлия пытается быть строгой. — Ерунду в голову не бери. Это не тебе в упрек — будто ты готовить не умеешь. Но я же женщина, понимаю, что у тебя сейчас со временем непросто. Зачем вам магазинным травиться, если есть домашнее? Особенно тебе — тебе надо только самое качественное кушать, не только себя кормишь — ребенка тоже. Где моя принцесса?

— В кроватке, только что поела.

— Сейчас вареники уберу в морозильник, руки помою и пойду целовать внучку. Смотри, вот эти с творогом, эти с картошкой, эти с грибами и капустой, а вот тут немножко — Коле, с вишней. Тебе пока с вишней нельзя.

— Я помню, — со вздохом.

— Слушай, а если Леночка только покушала... Там такая погода замечательная — тепло, ветра нет. Давай-ка, собери нас погулять? А сама ложись спать.

Едва Леночка затихла, устав от демонстрации всей степени своего недовольства надеванием шапки и завязыванием тесемок под подбородком, снова подал голос дверной звонок.

— А это Коля, наверное? Отлично, поможет нам коляску вынести. Ну, все, Елена Николаевна, хватит скандалить, пойдем гулять.

— Ник, суп на плите, курица в духовке, а я быстренько в душ, а то с утра никак не получается.

— Хорошо.

А после она подошла нерешительно к мужу, положила руку на плечо. Он притянул ее руку к губам.

— Ник... Ленке послезавтра уже два месяца.

— Угу. Совсем большая девица.

— Я к тому, что уже можно, наверное...

Он молчит какое-то время, потом встает. Отводит мокрую прядь от ее лица, заправляет за ухо.

— Можно, но... Люб, ты, правда, лучше поспи сейчас. Устала же, не высыпaeшьcя.

— Я так и думала, — у нее вдруг начинает дрожать подбородок. — Я перестал тебя привлекать. Конечно, у меня уже не та фигура. Не такой живот. Грудь просто огромная. И вообще...

— Любава, ты несешь чушь.

— У меня муж четыре месяца без секса! И ему не нужно от меня ничего!

— Люб, я буду терпеть столько, сколько нужно. Я все понимаю и...

— Я не хочу терпеть! И я не понимаю! Нет, вру, понимаю! Ты просто не хочешь меня. Ты меня больше не любишь...

— Так, все, хватит! Похоже, переубедить тебя можно только одним способом!

В одно движение развязывает пояс на ее шелковом халатике, притягивает к себе. И, перед тем, как поцеловать крепко-крепко:

— Вечно ты торопишься, Любава...

Четыре месяца воздержания вспыхнули между ними мгновенно. Руки, губы, дрожащие пальцы, хриплые стоны, ноги подкашиваются, но до кровати все-таки надо дойти и упасть там. Она чуть не плачет от нетерпения, пока он торопливо раздевается. И, наконец-то, руки его, прижаться, почувствовать кожей... Успевает выдохнуть только:

— Осторожнее там с Ленкиной едой...

— Угу...

Но голову теряют оба, забыв обо всем. Быстро, словно боясь не успеть куда-то. Оргазм просто выносит из реальности на какое-то время. Ник даже не успевает понять — она тоже улетела с ним или нет?... Продышавшись, прижимает к себе крепче, собирается спросить прямо и понимает — спит уже ненаглядная. Значит, и она тоже с ним... Улыбается, целует висок, убирает прядь волос от ее лба. Люба даже не шевельнулась. Устала девочка, умаялась.

Ник лежал так какое-то время, прислушиваясь к ее тихому дыханию. Потом все же встал — а Люба так и не пошевелилась, спит, словно после наркоза. В душ, переодеться в домашнее, а потом подошел к окну. А там — почти уже лето, конец апреля. Вдалеке виднеется массив парка, где-то там гуляет мать с Леночкой. Ник опирается ладонью об оконную раму. Как же ему повезло с женщинами. У него замечательная мать, мировая сестра и теперь вот — чудодочка. Но самая-самая... Он оборачивается.

Самая-самая, единственная, любимая спит — ровно в той же позе, в какой он ее и оставил, спит глубоким сном крепко уставшего человека. Красивое лицо безмятежно, подсохшие локоны разметались по подушке. Ник подходит, садится на пол рядом с кроватью, всматривается в родное лицо. За его спиной, в оконном стекле сейчас — почти лето, но он вспоминает другой пейзаж — зимний, снежный, с фейерверками и гирляндами.

Похоже, новогодние чудеса все-таки случаются. Самое главное — вовремя понять, что оно случилось, и случилось именно с тобой. И не отпустить собственное чудо, когда оно в новогоднюю ночь солнечной мандаринкой прикатывается тебе под дверь.